

Любовь. Свобода. Одиночество.

Ошо

Почему так происходит, что люди, которые в одиночестве счастливы, имеют больше шансов устанавливать хорошие взаимоотношения с другими?

В настоящее время традиционная модель семьи разбивается, уже в раннем возрасте дети получают сексуальный опыт, половина всех браков в развивающихся странах заканчиваются разводами.

В своей книге Ошо объясняет, почему имеют место эти феномены, и показывает, как могут они быть рассмотрены не как повод для беспокойства, а как причина для радости.

В постидеологическом мире, где традиционная мораль уже явно устарела, у нас есть прекрасная возможность по-новому взглянуть на свою жизнь и установить другие приоритеты – для того, чтобы внести свежесть в свою жизнь и в отношения с другими людьми. Ошо также показывает, как человек может полностью реализовать себя как в личной жизни, так и в жизни общественной.

Эта книга является провокацией и руководством для нового старта в жизни.

Предисловие

ЛЮБОВЬ

Воркование

Реальное и нереальное: "Первый Шаг"

Добродетели "Самовлюбленности"

Не Привязанность ни к чему

ВОПРОСЫ

ОТ СВЯЗИ К БЫТИЮ ВМЕСТЕ

Медовый Месяц, который никогда не кончается

От похоти к Любви, от Любви к Любящему Бытию

Пусть будут Промежутки

Коан Отношений

ВОПРОСЫ

СВОБОДА

Табула Раса

Основа Рабства

Берегитесь Римских Пап

Есть ли Жизнь после Секса?

На Миру...

ВОПРОСЫ

ОДИНОЧЕСТВО

Одиночество – твоя Природа

Незнакомцы самим себе

Одинокие и Избранные

Лев и Овцы

ВОПРОСЫ

Предостережение: Две Женщины и Монах

ПРИВЕТСТВУЯ ПАРАДОКС

Об Авторе

Медитационный Кампус

~~~~~

Предисловие

В "Симпозиуме" Платона Сократ говорит:

Человек, практикующий таинства любви, соприкоснется не с отражением, но с самой истиной. Чтобы познать это благословение человеческой природы, не найти помощника лучше любви.

Всю жизнь я говорил о любви; разных выражений тысячи, но послание остается прежним. Только одну фундаментальную вещь нужно помнить: это не та любовь, которую вы считаете любовью. Ни Сократ не говорит о такой любви, ни я.

Любовь, которую вы знаете, - не более чем биологический позыв; он определяется вашей биологией и гормонами. Его очень легко изменить - небольшая перемена в химии, и любовь, которую вы считали "высшей истиной", просто исчезнет. Вы называете "любовью" сексуальную страсть. Это разграничение нужно помнить.

Сократ говорит: "Человек, который практикует таинства любви..." В сексуальной страсти нет никаких таинств. Это простая биологическая игра; ее знают каждое животное, каждая птица, каждое дерево. Безусловно, любовь, в которой есть таинства, совершенно отлична от той обычной любви, которую вы знаете.

Человек, практикующий таинства любви, соприкоснется не с отражением, но с самой истиной.

Эта любовь, которая может стать соприкосновением с самой истиной, возникает из сознания - не из тела, но из глубочайшего внутреннего ядра. Похоть исходит из тела, любовь исходит из сознания. Но люди не знают своего сознания, и это непонимание продолжается и продолжается - любовью считается их телесная похоть.

Очень немногие люди в мире познали любовь. Это те люди, которые стали такими молчаливыми, такими мирными... и в этом молчании и мире они пришли в контакт со своим глубочайшим внутренним существом, со своей душой. Когда ты соприкасаешься со своей душой, любовь становится для тебя не отношениями, но просто следует за тобой, как тень. Куда бы ты ни двинулся, с кем бы ты ни был, ты любишь.

То, что ты прямо сейчас называешь любовью, на кого-то направлено, кем-то ограничено. А любовь - не то явление, которое можно ограничить. Ты можешь держать ее в открытых руках, но не в кулаке. В то мгновение, как твои пальцы сжаты в кулак, они пусты. В то мгновение, как твои руки открыты, тебе доступно все существование.

Сократ прав: тот, кто знает любовь, знает также и истину, потому что это только два названия одного и того же опыта. И если ты не познал истины, помни, что ты не познал и любви.

Чтобы познать это благословение человеческой природы, не найти помощника лучше любви.

ЛЮБОВЬ

Вы удивитесь, узнав, что английское слово love, любовь, происходит от санскритского слова лобха; лобха значит "жадность". Может быть, только совпадением было то, что английское слово "любовь" выросло из санскритского корня, означающего "жадность", но у меня такое ощущение, что это не может быть просто совпадением. Наверное, за этим стоит нечто более таинственное, наверное, есть какая-то алхимическая причина. Фактически любовью становится усвоенная и "переваренная" жадность.

Любовью становится именно жадность, лобха, хорошо переварившись. Любить значит делиться; быть жадным значит накапливать. Жадность только хочет и никогда не отдает, а любовь умеет только отдавать и ничего не просит взамен; она делится без условий. Может быть, есть какая-то алхимическая причина тому, что лобха становится любовью в английском языке. Лобха становится любовью в том, что касается внутренней алхимии.

Воркование

Любовь не значит того, что под нею обычно понимается. Обычная любовь - это только маскарад; за ней прячется что-то другое. Настоящая любовь - это совершенно другое явление. Обычная любовь - это требование, настоящая

любовь – это зрелость. Она ничего не знает о требованиях; она знает только радость щедрости.

В обычной любви слишком много притворства. Настоящая любовь непритворна; она просто есть. Обычная любовь становится тошнотворной, приторной, вязкой, тем, что вы называете "воркованием". Она приторна, она тошнотворна. Настоящая любовь – это питание, укрепляющее твою душу. Обычная любовь подкармливает твое эго – не настоящего тебя, но ненастоящего. Ненастоящее всегда кормит ненастоящее, помни; а настоящее всегда кормит настоящее.

Стань слугой настоящей любви – и это значит стань слугой любви в ее высочайшей чистоте. Отдавай, делись всем, что у тебя есть, делись и наслаждайся самим тем, что делишься. Не делай этого словно из чувства долга – тогда исчезнет вся радость. И не чувствуй, что делаешь другому одолжение, никогда, ни на мгновение. Любовь никогда не делает одолжений. Фактически, напротив, когда кто-то принимает твою любовь, обязанным чувствуешь себя ты. Любовь благодарна за то, что ее принимают.

Любовь никогда не ждет никакой награды, даже благодарности. Если с другой стороны приходит благодарность, любовь всегда удивлена – это приятная неожиданность, потому что нет никаких ожиданий.

Нельзя разочаровать настоящую любовь, потому что прежде всего в ней нет никаких ожиданий. И нельзя удовлетворить ненастоящую любовь, потому что она укоренена в ожиданиях, и что бы ты ни сделал, этого всегда будет недостаточно. Если ожидания слишком велики, никто не сможет их удовлетворить. Таким образом, ненастоящая любовь всегда приносит разочарование, а настоящая любовь – осуществленность.

И когда я говорю: "Стань слугой любви", я не говорю, что ты должен стать слугой тому, кого ты любишь, – нет, совсем нет. Я не говорю, что ты должен стать слугой возлюбленного. Я говорю, стань слугой любви.

Поклоняться следует чистой идее любви. Твой возлюбленный – только одна из форм этой чистой идеи, и все существование наполняет не что иное, как миллионы форм той же чистой идеи. Цветок – это одна идея, одна форма, луна – другая, твой возлюбленный – третья... твой ребенок, мать, отец, – все они формы, все они волны в океане любви. Но никогда не становись слугой возлюбленного. Всегда помни, твой возлюбленный – лишь крошечное выражение.

Служи любви посредством возлюбленного, чтобы никогда не становиться привязанным к возлюбленному. И когда человек не привязан к возлюбленному, любовь достигает высочайших вершин. В то мгновение, когда человек становится привязанным, он начинает падать вниз. Привязанность – это своего рода гравитация, непривязанность благодатна. Ненастоящая любовь – это другое название привязанности; настоящая любовь укоренена в непривязанности.

Ненастоящая любовь проявляет столько озабоченности – она всегда озабочена. Настоящая любовь внимательна, но в ней нет озабоченности. Если ты действительно любишь человека, ты будешь внимательным к его настоящим потребностям, но не будешь проявлять заботы о его дурацких, глупых фантазиях. Ты позаботишься как только сможешь о его потребностях, но не станешь удовлетворять его воображаемых желаний. Ты не станешь удовлетворять ничего, что может ему повредить. Например, ты не станешь удовлетворять его эго, хотя его эго будет требовательно. Человек, который слишком заботлив, привязан, будет удовлетворять требования эго – а это значит отравлять своего возлюбленного. Внимание означает, что ты видишь, что является не реальной потребностью, но потребностью эго; ты не будешь этого удовлетворять.

Любовь проявляет сострадание, но не озабоченность. Иногда это жестоко, потому что иногда состраданию приходится быть жестоким. Иногда оно очень отрешенно. Если помогает отрешенность, будь отрешенным. Иногда оно очень холодно; если нужно быть холодным, будь холодным. Какой бы ни была потребность, любовь к ней внимательна – но не озабочена. Она не станет удовлетворять никаких нереальных потребностей; она не станет соответствовать никаким ядовитым идеям в другом.

Ищи, медитируй на любовь, экспериментируй. Любовь – это величайший в жизни эксперимент, и те, кто живет, не экспериментируя с энергией любви, никогда не узнают, что такое жизнь. Они останутся только на поверхности, не входя в ее глубину.

Мое учение ориентировано на любовь. Я могу очень легко отбросить слово "Бог" – нет никаких проблем, – но не могу отбросить слово "любовь". Если мне придется выбирать между словами "любовь" и "Бог", я выберу "любовь"; я совершенно забуду "Бога", потому что те, кто знает любовь, обязательно познают и Бога. Но не наоборот: те, кто думает о Боге, философствует о Боге, могут никогда не узнать любви – и никогда не узнать самого Бога. Реальное и нереальное: "Первый Шаг"
Люби себя и наблюдай – сегодня, завтра, всегда.

Мы начинаем с одного из самых глубоких учений Гаутамы Будды: люби себя. Прямо противоположному учили вас все традиции мира – все цивилизации, все культуры, все церкви. Они говорят: "Люби других, не люби себя". И за их учениями стоит определенная стратегия.

Любовь – это питание для души. Любовь для души – это то же самое, что пища для тела. Без пищи тело слабо, без любви слаба душа. И никакое государство, никакая церковь, никакие объединенные интересы никогда не хотят, чтобы у людей были сильные души, потому что человек с духовной энергией обязательно будет бунтарем.

Любовь делает тебя бунтарем, революционером. Любовь дает тебе крылья, чтобы парить ввысь. Любовь дает тебе прозрение в природу вещей, и никто не может тебя обманывать, эксплуатировать, угнетать. А священники и политики живут лишь тем, что сосут твою кровь; они выживают только благодаря эксплуатации.

Все священники и политики – паразиты. Чтобы сделать тебя духовно слабым, они нашли верный метод, метод со стопроцентной гарантией, и он состоит в том, чтобы учить тебя не любить самого себя. Потому что если человек не может любить самого себя, он не может любить и никого другого. Это учение очень коварно – они говорят: "Люби других"... потому что знают, что если ты не можешь любить себя, то не сможешь любить вообще никого. Но они продолжают говорить: "Люби других, люби человечество, люби Бога. Люби природу, люби свою жену, мужа, детей, родителей". Но ты не любишь себя – потому что, по их словам, любовь к себе эгоистична. Они осуждают любовь к себе как худшее из всего.

И они придали своим учениям очень логичный вид. Они говорят: "Если ты любишь себя, то станешь эгоистом, если ты любишь себя, то станешь самовлюбленным". Это неправда.

Человек, который любит себя, находит, что в нем нет никакого эго. Эго возникает именно в любви к другим без любви к себе, в попытках любить других. Миссионеры, социальные реформаторы, социальные служители имеют величайшие эго в мире – естественно, потому что они считают себя высшими человеческими существами. Они не обычные – обычные люди любят себя. Они любят других, они любят великие идеалы, они любят Бога.

И вся их любовь фальшива, потому что у их любви нет никаких корней.

Человек, который любит себя, совершает первый шаг к настоящей любви. Это все равно что бросить камешек в тихую заводь: круги начнут расходиться вокруг того места, где упал камешек, очень близко – естественно, где еще они могут возникнуть? И тогда они будут продолжать распространяться; они достигнут дальнего берега. Если остановить круги, возникающие рядом с камешком, других кругов вообще не будет. Тогда ты не можешь надеяться создать круги, достигающие дальних берегов; это невозможно.

И священники, и политики осознали это явление: заставь людей перестать любить себя, и тем самым ты разрушишь всю их способность к любви. Теперь все, что они считают любовью, будет лишь ложью. Это может быть долг, но не любовь, а долг – это четырехбуквенное* грязное слово.

* В русском контексте, трехбуквенное. Здесь и далее прим. пер.

Родители осуществляют свой долг по отношению к детям, и в ответ дети должны осуществлять свой долг по отношению к родителям. Жена исполняет

долг по отношению к мужу, и муж исполняет долг по отношению к жене. Где же любовь?

Любовь ничего не знает о долге. Долг – это бремя, формальность. Любовь – это радость, щедрость; любовь неформальна. Влюбленный никогда не чувствует, что сделал достаточно; влюбленный всегда чувствует, что возможно гораздо большее. Влюбленный никогда не чувствует: "Я сделал другому одолжение". Напротив, он чувствует: "Я чувствую себя обязанным, потому что моя любовь была принята. Другой сделал мне одолжение, приняв мой подарок, не отвергнув его".

Человек долга думает: "Я выше, я духовный, незаурядный. Посмотрите, как я служу людям!" Это народные служители – самые фальшивые люди в мире и к тому же самые вредоносные. Если бы нам удалось избавиться от народных служителей, человечество освободилось бы от бремени, почувствовало бы себя очень легко, снова смогло бы танцевать, петь.

Но веками ваши корни обрубали, отравляли. Тебя заставили бояться того, чтобы влюбиться в самого себя, – а это первый шаг любви и первый ее опыт. Человек, который любит себя, уважает себя. А человек, который любит и уважает себя, любит и уважает и других, потому что знает: "Другие точно такие же, как я. Точно так же, как я наслаждаюсь любовью, уважением, достоинством, наслаждаются и другие". Он осознает, что мы ничем не отличаемся в том, что касается основ; мы – одно. Мы подчинены одному и тому же закону. Будда говорит: "Мы живем по одному и тому же вечному закону – эс дхаммо санантано". В деталях мы можем немного отличаться друг от друга – это приносит разнообразие, это красиво, – но в своих основах мы части одной и той же природы.

Человек, который любит себя, так наслаждается любовью и становится таким блаженным, что любовь начинает его переполнять, она начинает достигать других. Ей приходится достичь других! Если ты проживаешь любовь, ты начинаешь ею делиться. Ты не можешь продолжать любить себя вечно, потому что одно станет тебе абсолютно ясно: если любить одного человека, себя, так безмерно эксталично и красиво, насколько больший экстаз ждет тебя, если ты начнешь делиться любовью со многими, многими людьми!

Мало-помалу круги начинают достигать другого берега. Ты любишь других людей, потом начинаешь любить животных, птиц, деревья, камни. Ты можешь наполнить своей любовью всю вселенную. Одного-единственного человека достаточно, чтобы наполнить любовью всю вселенную, точно как одного камешка – маленького камешка – достаточно, чтобы наполнить кругами все озеро.

Только Будда может сказать: Люби себя. Ни священник, ни политик не смогут с этим согласиться, потому что это разрушит само их сооружение, саму структуру эксплуатации. Если человеку не позволено любить себя, его дух, душа становится с каждым днем слабее и слабее. Его тело может расти, но внутреннего роста не будет, потому что у него нет никакого внутреннего питания. Он остается телом без всякой души, или с одной потенциальной возможностью души. Душа остается семенем – и будет оставаться семенем, если ты не сможешь найти для нее правильной почвы любви. А ты не сможешь ее найти, следуя этой глупой идее: "Не люби самого себя".

Я тоже учу вас сначала любить самих себя. Это не имеет ничего общего с эго. Фактически, любовь – это такой свет, что темнота эго вообще не может в нем существовать. Если ты любишь других, если твоя любовь сфокусирована на других, ты будешь оставаться в темноте. Обрати свой свет сначала на самого себя, стань сначала светом самому себе. Пусть этот свет рассеет твою внутреннюю темноту, внутреннюю слабость. Пусть любовь сделает тебя огромной энергией, духовной силой.

И как только твоя душа становится сильной, ты узнаешь, что никогда не умрешь, что ты бессмертен, вечен. Любовь дает тебе первое прозрение в вечность. Любовь – это единственный опыт, ведущий за пределы времени: именно поэтому влюбленные не боятся смерти. Любовь не знает смерти.

Единственное мгновение любви больше, чем целая вечность.

Но любовь должна начинаться с самого начала. Любовь должна начинаться с этого первого шага:

Люби себя.

Не осуждай себя. Тебя столько осуждали, и ты принял все это осуждение. Теперь ты продолжаешь причинять себе вред. Никто не считает себя достаточно достойным, никто не считает себя красивым творением Бога; никто не думает, что он вообще нужен. Все это ядовитые идеи, но тебя ими отравили. Ты всосал яд с молоком матери – и таким было все твое прошлое. Человечество жило под темным, темным облаком самоосуждения. Если ты осуждаешь себя, как ты можешь расти? Как ты можешь вообще стать зрелым? И если ты осуждаешь себя, как ты можешь поклоняться существованию? Если ты не можешь поклоняться существованию внутри себя, то не сможешь поклоняться существованию и в других; это невозможно.

Ты можешь стать частью целого, только глубоко уважая обитающего в тебе Бога. Ты хозяин, Бог – твой гость. Любя себя, ты это узнаешь: Бог избрал тебя своим проводником. Избрав тебя своим проводником, он уже воздал тебе уважение, проявил любовь. Он создал тебя не случайно; он создал тебя с определенным предназначением, с определенным потенциалом, с определенной славой, которой ты должен достичь. Да, Бог создал человека по собственному образу. Человеку предначертано стать Богом. Пока человек не становится Богом, для него нет никакой удовлетворенности, осуществленности.

Но как тебе стать Богом? Твои священники тебе говорили, что ты грешник. Твои священники говорили, что ты обречен на то, чтобы оказаться в аду. И они заставили тебя бояться любить себя. Это их трюк, нацеленный на то, чтобы обрубить сами корни любви. И они очень коварные люди. Самая коварная в мире профессия – это профессия священника. Он говорит: "Люби других". И теперь любовь будет пластмассовой, синтетической, притворной, напускной.

Они говорят: "Люби человечество, родину, отчизну, жизнь, существование, Бога". Большие слова, но совершенно бессмысленные. Сталкивался ли ты когда-нибудь с человечеством? Ты всегда сталкиваешься с человеческими существами – в то время как осуждаешь первое человеческое существо, с которым сталкиваешься, то есть себя.

Ты не уважаешь себя, не любишь себя. Вся твоя жизнь тратится впустую на осуждение других. Именно поэтому люди так хорошо умеют находить недостатки. Они находят недостатки в себе – как они могут избежать того, чтобы не находить те же недостатки в других? Фактически, они их находят и преувеличивают, делают их как можно больше. Это кажется единственным выходом; тебе приходится это делать, чтобы хоть как-то сохранить лицо. Именно поэтому в мире столько критики и так мало любви.

Я говорю, что это одна из самых глубоких сутр Будды, и только пробужденный человек может дать вам такое прозрение.

Он говорит: Люби себя... Это может стать основанием радикальной трансформации. Не бойся любить себя. Люби тотально, и ты будешь удивлен: тот день, когда ты избавишься от всего самоосуждения, от всего неуважения к себе, – тот день, когда ты сможешь избавиться от идеи первородного греха, тот день, когда ты сможешь считать себя достойным и любимым существованием, – будет днем великого благословения. С этого самого дня и впредь ты будешь видеть людей в их истинном свете, и в тебе будет сострадание. И оно будет не культивируемым состраданием; это будет естественный, спонтанный поток.

И человеку, который любит себя, легко стать медитативным, потому что медитация означает быть с самим собой. Если ты ненавидишь себя – а это то, что ты делаешь, чему тебя учили, и чему ты скрупулезно следовал, – если ты ненавидишь себя, как ты можешь быть с самим собой? А медитация – это не что иное, как наслаждение собственным красивым одиночеством.

Празднование себя – в этом состоит вся медитация.

Медитация – это не отношения; другого вообще не нужно, человек самодостаточен. Человек купается в собственной славе, купается в собственном свете. Человеку просто радостно, потому что он жив, потому что он есть.

Величайшее чудо в мире – то, что ты есть, что я есть. Быть – вот величайшее чудо, и медитация раскрывает двери этого чуда. Но только человек, который любит себя, может медитировать; иначе ты всегда бежишь от себя, избегаешь себя. Кому захочется смотреть на уродливое лицо, кому захочется проникнуть в уродливое существо? Кому захочется глубоко войти в собственную грязь, в собственную темноту? Кому захочется войти в тот ад, каким ты себя считаешь? Ты хочешь, чтобы все это было заслонено прекрасными цветами, и тебе всегда хочется бежать от самого себя.

Поэтому люди постоянно ищут компании. Они не могут оставаться с самими собой; они хотят быть с другими. Люди ищут какой угодно компании; если они могут избежать компании самих себя, подойдет что угодно. Они будут три часа сидеть в кинотеатре, смотря что-то совершенно глупое. Они будут часами читать детективный роман, тратя время впустую. Они будут снова и снова перечитывать одну и ту же газету, чтобы оставаться занятыми. Они будут играть в карты и шахматы, просто чтобы убить время, – как будто у них слишком много времени!

У нас немного времени. У нас недостаточно времени, чтобы расти, быть, радоваться.

Но это одна из основных проблем, созданных неправильным воспитанием: ты избегаешь самого себя. Люди сидят перед телевизором, приклеенные к своим стульям, четыре, пять, даже шесть часов. Средний американец смотрит телевизор пять часов в день, и эта болезнь распространится по всему миру. И что вы видите? Что вы получаете? Сжигая глаза...

Но так было всегда; даже если бы телевизора не было, есть другие вещи. Проблема остается прежней: как избежать самого себя, потому что человек чувствует себя таким уродливым. И кто сделал вас такими уродливыми? – ваши так называемые религиозные люди, папы, шанкарачарьи. Они ответственны за то, как искажены ваши лица – они добились успеха; они сделали уродливым каждого.

Каждый ребенок рождается красивым, но мы тут же начинаем искажать его красоту, калечить его всеми способами, парализовывать его всеми способами, искажать его пропорции, выводить его из равновесия. Рано или поздно он начнет испытывать к себе такое отвращение, что готов будет быть с кем угодно. Он может пойти к проститутке, только чтобы избежать самого себя.

Люби себя, говорит Будда. И это может трансформировать мир. Это может разрушить все уродливое прошлое. Это может провозгласить новую эру, это может стать началом нового человечества.

Поэтому я так настаиваю на любви – но любовь начинается с тебя самого, и тогда она может продолжать распространяться. Она продолжает распространяться сама собой; не нужно ничего делать, чтобы ее распространить.

Люби себя, говорит Будда, и тотчас же добавляет: и наблюдай. Это медитация, – так Будда называет медитацию. Но первое требование: любить себя, затем наблюдать. Если, не любя себя, ты начнешь наблюдать, может быть, тебе захочется совершить самоубийство! Многим буддистам хочется совершить самоубийство, потому что они не обращают внимания на первую часть этой сутры. Они сразу же перепрыгивают ко второй: "Наблюдай себя". Фактически, я никогда не встречал ни одного комментария "Дхаммапады", этих сутр Будды, который уделял бы внимание этой первой части: Люби себя. Сократ говорит: "Познай себя". Будда говорит: "Люби себя", и Будда гораздо глубже, потому что, не любя себя, ты никогда не сможешь себя познать – познание себя приходит лишь следом. Любовь подготавливает почву. Любовь – это возможность познать себя; любовь – это правильный способ познавать себя.

Когда-то я жил с одним буддистским монахом, которым звали Джагдиш Кашьяпа; он уже умер. Он был хороший человек. Мы говорили о "Дхаммападе" и дошли до этой сутры, и он заговорил о наблюдении, словно первой части и не было. Ни один традиционный буддистский монах не уделяет никакого внимания первой части; он просто пропускает ее. Я сказал Джагдишу Кашьяпе:

- Обожди! Ты пропускаешь что-то очень существенное. Наблюдение - это второй шаг, а ты делаешь его первым. Оно не может быть первым шагом. Тогда он снова перечитал эту сутру, и у него загорелись глаза:

- Я читал "Дхаммападу" всю жизнь и, должно быть, видел эту сутру миллионы раз. Каждый день в качестве утренней молитвы я просматриваю "Дхаммападу" и могу повторить ее наизусть, но я никогда не воспринимал "любить себя" как первую часть медитации, а наблюдение - как вторую.

И в такой же ситуации находятся миллионы буддистов во всем мире, ... и это касается и нео-буддистов, потому что сейчас буддизм распространяется на Западе. На Западе пришло время Будды; теперь Запад готов понять Будду и сделать ту же самую ошибку. Никто не думает, что любовь к себе должна быть основой познания себя, наблюдения себя... потому что, не любя себя, ты не можешь столкнуться с самим собой лицом к лицу. Ты будешь избегать себя. Твое наблюдение само по себе может быть способом избегать себя. Первое: Люби себя и наблюдай - сегодня, завтра, всегда.

Окружи себя энергией любви. Люби тело, люби ум. Люби весь свой механизм, весь свой организм. Под "любовью" подразумевается: прими его как он есть. Не пытайся подавлять. Мы что-то подавляем, только когда это ненавидим, мы что-то подавляем, только когда мы против этого. Не подавляй, потому что, подавляя, как ты будешь наблюдать? Мы не можем смотреть в глаза врагу; мы можем смотреть в глаза только возлюбленному. Если ты не влюблен в самого себя, ты не сможешь смотреть самому себе в глаза, не сможешь увидеть свое лицо, заглянуть в собственную реальность.

Наблюдение - это медитация, так Будда называет медитацию. Наблюдение* - это пароль Будды**. Он говорит: "Осознавай, будь начеку, не будь бессознательным. Не веди себя сонно. Не продолжай функционировать, как машина, как робот". Именно так живут люди.

* Watch (англ.).

** Watchword (англ.).

Майк как раз переехал на новую квартиру и решил познакомиться с соседом напротив. Когда дверь открылась, он был радостно удивлен, увидев красивую молодую блондинку, округлости которой проступали сквозь скудные покровы полупрозрачного пеньюара.

Майк смело посмотрел ей в глаза и выдал импровизацию:

- Привет! Я твой новый сахар напротив - нельзя ли мне одолжить горсточку соседа?

Люди живут так бессознательно. Они не осознают, что говорят, что делают, - они не наблюдательны. Люди продолжают гадать, ничего не видя; у них нет никакого внутреннего видения и не может быть. Внутреннее видение возникает только в глубокой наблюдательности; тогда ты можешь видеть даже с закрытыми глазами. Прямо сейчас ты ничего не видишь даже с открытыми. Ты гадаешь, умозаключаешь, накладываешь, проецируешь.

Грэйс лежала на кушетке психоаналитика.

Закройте глаза и расслабьтесь, - сказал мозгосушитель*, - и я проведу эксперимент.

* Амер. сленг: shrink (англ.).

Он вытащил из кармана кожаный чехол для ключей, открыл его и потряс ключами.

- Что вам напоминает этот звук?

- Секс, - прошептала она.

Тогда он закрыл чехол и коснулся обращенного вверх пальца девушки. Ее тело напряглось.

- А это? - спросил психоаналитик.

- Секс, - нервно пробормотала Грэйс.

- А теперь откройте глаза, - продолжал инструкции доктор, - и расскажите мне, почему то, что я сделал, вызвало в вас воспоминания о сексе.

Неуверенно ее веки раскрылись. Грэйс увидела чехол для ключей в руке психоаналитика и залилась лиловым румянцем.

- Эээ... ну, в общем... - пробормотала она, - я подумала, что первый звук был звуком расстегивающейся ширинки...

Твой ум постоянно проецирует - проецирует самого себя. Твой ум постоянно вмешивается в реальность, придает ей свой цвет, форму и образ, который ей не принадлежит. Твой ум никогда тебе не позволяет видеть то, что есть; он всегда позволяет тебе видеть только то, что хочет видеть.

Ученые раньше думали, что наши глаза, нос, другие органы чувств и ум - это не что иное, как выходы в реальность, мосты в реальность. Но теперь все понимание изменилось. Теперь они говорят, что наши органы чувств и ум - на самом деле не выходы в реальность, но часовые, становящиеся у нее на пути. Лишь два процента реальности вообще проникает в тебя, минуя этих часовых; девяносто восемь процентов остается снаружи. И те два процента, которые достигают тебя и твоего существа, больше не в первоначальном виде. Им пришлось преодолеть столько препятствий, пройти столько согласований в уме, что к тому времени, как они тебя достигают, они совершенно преображаются.

Медитация означает: отложить ум в сторону, чтобы он больше не примешивался к реальности, и ты мог видеть вещи такими, как есть. Почему ум вообще вмешивается? - потому что ум создается обществом. Это агент общества, внедренный к тебе вовнутрь; и он служит не тебе, помни! Этот ум твой, но он служит не тебе; это заговор против тебя. Он был обусловлен обществом; общество вживило в него многие вещи. Этот ум твой, но он больше не действует как твой слуга, он действует как слуга общества. Если ты христианин, он действует как агент христианской церкви, если ты индуист, твой ум - индуистский, если ты буддист, твой ум - буддистский. А реальность - не христианская, не индуистская и не буддистская; реальность - это просто то, что есть.

Ты должен отложить все эти умы в сторону: коммунистический ум, фашистский ум, католический ум, протестантский ум... На земле три тысячи религий: большие религии и маленькие, и очень маленькие секты, и секты внутри сект, - всего три тысячи. Таким образом, есть три тысячи умов, три тысячи видов ума - а реальность одна, существование одно, истина одна!

Медитация означает: Отложи ум в сторону и наблюдай. Первый шаг - люби себя - очень поможет. Любя себя, вы разрушите все то, что внедрило вам вовнутрь общество. Вам предстоит стать свободнее от общества и его обусловленностей.

И второй шаг, наблюдай - просто наблюдай. Будда не говорит, что именно нужно наблюдать - все! Когда идешь, наблюдай свою ходьбу. Когда ешь, наблюдай, как ты ешь. Принимая душ, наблюдай воду, холодную воду, падающую на тебя, прикосновение воды, прохладу, дрожь, бегущую по спине, - наблюдай все, сегодня, завтра, всегда.

В конце концов приходит мгновение, когда ты можешь наблюдать даже свой сон. Это предельное в наблюдении. Тело продолжает спать, но все же наблюдатель продолжает бодрствовать и в молчании наблюдать крепко спящее тело. Это предельное в наблюдении. Прямо сейчас ситуация прямо противоположна: твое тело пробуждено, но ты спишь. Тогда ты будешь пробужден, а тело будет крепко спать.

Телу нужен отдых, но твоему сознанию не нужен сон. Твое сознание - это сознание; это бдительность, это сама его природа. Тело устает, потому что тело живет по закону гравитации. Именно гравитация делает тебя усталым - именно поэтому если ты быстро бежишь, то скоро устанешь, поднимаясь по лестнице, ты скоро устанешь, потому что гравитация тянет тебя вниз. Фактически, стоять утомительно, сидеть утомительно; когда ты лежишь на спине, в горизонтальном положении - лишь тогда тело получает немного отдыха, потому что теперь ты сонастроен с законом гравитации. Когда ты стоишь вертикально, ты идешь против этого закона; кровь поднимается к голове, вопреки закону; сердце должно изо всех сил ее накачивать. Но действие сознания не подчиняется закону гравитации; поэтому оно никогда не устает. У гравитации нет власти над сознанием; это не скала, у него нет веса. Оно действует по совершенно другому закону: по закону

грации, или, как он известен на Востоке, по закону левитации. Гравитация означает притяжение вниз; левитация означает притяжение вверх. Тело постоянно тянет вниз – именно поэтому в конце концов тебе предстоит лечь в могилу. Это будет настоящий отдых для тела – прах во прах. Тело вернулось к своему источнику, суতোлка прекратилась, и теперь нет никакого конфликта. Атомы твоего тела смогут по-настоящему отдохнуть только в могиле.

Душа парит выше и выше. По мере того как ты становишься более наблюдательным, у тебя начинают расти крылья, и тогда все небо – твое. Человек – это встреча земли и неба, тела и души.

Добродетели "Самовлюбленности"

Если ты не заботаешься о себе, то не сможешь быть альтруистичным, помни. Если ты не заботаешься о себе, то не сможешь заботиться и о других, помни. Только глубоко заботящийся о себе человек может заботиться о других. Но это нужно понять, потому что это кажется парадоксом.

В чем смысл "заботы о себе"? Первая основа: быть центрированным в себе. Вторая основа: всегда искать собственного блаженства. Если ты центрирован в себе, ты будешь заботиться о себе во всем, что ты делаешь. Ты можешь идти и служить людям, но делать это будешь только потому, что наслаждаешься этим, потому что любишь это делать, потому что, делая это, чувствуешь себя счастливым и блаженным – делая это, ты чувствуешь себя. Ты не выполняешь никакого долга; ты не служишь никакому человечеству. Ты не великий мученик; ты ничем не жертвуешь. Эти термины ничего не значат. Ты просто остаешься счастливым, по-своему – и это дает тебе хорошее чувство. Ты идешь в больницу и служишь больным, или идешь к бедным и служишь им, но ты это любишь. Именно так ты растешь. Глубоко внутри ты чувствуешь блаженство и молчание, и ты счастлив от того, что делаешь. Центрированный в себе человек всегда ищет собственного счастья. И красота в том, что чем больше ты ищешь своего счастья, тем более помогаешь быть счастливыми другим. Потому что это единственный способ быть счастливым в мире. Если каждый из окружающих тебя несчастлив, ты не можешь быть счастливым, потому что ни один человек – не остров. Он – часть огромного континента. Если ты хочешь быть счастливым, тебе придется помочь быть счастливыми всем вокруг тебя. Тогда – и только тогда – можешь быть счастливым ты.

Тебе придется окружить себя атмосферой счастья. Если каждый несчастен, как ты можешь быть счастливым? Это будет воздействовать на тебя. Ты не камень, ты очень деликатное существо, очень чувствительное. Если кто-то рядом с тобой несчастлив, это несчастье на тебя влияет. Несчастье заразительно, как любая болезнь. Блаженство тоже заразительно, как любая болезнь. Если ты помогаешь другим быть счастливыми, по большому счету ты помогаешь быть счастливым самому себе. Человек, глубоко заинтересованный в своем собственном счастье, всегда заинтересован и в счастье других, и именно поэтому он им помогает. Если каждого в мире научить заботиться о себе, весь мир будет счастливым. Не будет никакой возможности несчастья. Если хочешь быть здоровым, ты не можешь жить среди людей, которые больны. Как ты можешь быть здоровым? Это невозможно, это против законов природы. Ты должен будешь помочь другим быть здоровыми. В этом здоровье становится возможным твое собственное здоровье.

Учите каждого заботиться о себе – из этого вырастает забота о других. Забота о других, по большому счету, это забота о себе – поначалу это может выглядеть как забота о других, но в конечном итоге это осуществляет тебя. И тогда счастье может быть преумножено: на тебя падает столько счастья, сколько вокруг тебя счастливых людей. Ты можешь быть сверх-счастливым.

И счастливый человек так счастлив, что хочет, чтобы его оставили наедине с этим счастьем. Он хочет жить среди цветов, поэзии и музыки. Почему он должен беспокоиться о том, чтобы идти на войну, быть убитым или убивать других? Почему он должен совершать убийство или самоубийство? Это могут делать только не заботящиеся о себе люди, потому что они никогда не знали, какое для них возможно блаженство. Они никогда не переживали опыта

того, что значит быть, что значит праздновать. Они никогда не танцевали, они никогда не вдыхали жизнь. Они никогда не знали никаких божественных проблесков; все эти проблески приходят из глубокого счастья, из глубокой наполненности, удовлетворенности.

Не заботящийся о себе человек лишен корней, не центрирован. Он живет в глубоком неврозе. Он идет против природы; он не может быть целым и здоровым. Он борется с самим течением жизни, бытия, существования – он пытается не заботиться о себе. Он не может не заботиться о себе – потому что только заботящийся о себе человек может заботиться о других.

Когда у тебя есть счастье, ты можешь им поделиться; когда у тебя его нет, как ты можешь им поделиться? Прежде чем чем-то делиться, нужно это иметь. Не заботящийся о себе человек всегда серьезен, глубоко внутри болен, тревожен. Он упустил собственную жизнь. И помни, каждый раз, когда ты упускаешь собственную жизнь, это делает тебя более убийственным, суицидальным. Каждый раз, когда человек живет в страдании, ему хочется разрушать.

Страдание разрушительно; счастье созидательно. Есть лишь одно творчество, и оно возникает из блаженства, радости, веселья. Когда ты радостен, тебе хочется что-то создать – может быть, детскую игрушку, может быть, стихотворение, может быть, картину, – что угодно. Каждый раз, когда тебя переполняет радость жизни, как это выразить? Ты что-то создаешь – то или другое. Но когда ты несчастен, тебе хочется что-то разбить или разрушить. Тебе хочется стать политиком, тебе хочется стать солдатом – тебе хочется создать какую-то ситуацию, в которой ты можешь быть разрушительным.

И именно таким образом на земле постоянно взрываются войны. Это страшная болезнь. И все политики продолжают говорить о мире – готовятся к войне, а выступают за мир. Фактически, они говорят: "Мы готовимся к войне, чтобы сохранить мир". Совершенно иррационально! Если ты готовишься к войне, как ты можешь сохранить мир? Чтобы сохранить мир, ты должен готовиться к миру.

Именно поэтому новое поколение во всем мире представляет для правящего порядка большую угрозу. Этим интересуется только как быть счастливыми. Их интересуется любовь, их интересуется медитация, их интересуется музыка, танец... Политики всего мира очень встревожены. Новое поколение не интересуется политика – правая или левая. Нет, это их вообще не интересуется. Они не коммунисты; они не принадлежат ни к какому "-изму".

Счастливым человек принадлежит самому себе. Почему он должен принадлежать к какой-то организации? Это путь несчастного человека: принадлежать к какой-то организации, принадлежать к какой-то толпе. Он не принадлежит самому себе, потому что у него нет корней внутри себя – и это приводит его в глубокую, глубокую тревогу: он должен принадлежать. Он создает заменитель принадлежности. Он идет и становится частью какой-то политической партии, революционной партии, или частью чего угодно – религии. Тогда он чувствует, что к чему-то принадлежит: есть толпа, в которой он укоренен.

Человек должен быть укорененным в самом себе, потому что путь глубоко в существование начинается с него самого. Если ты принадлежишь к толпе, ты принадлежишь к тупику, из которого никакой дальнейший рост невозможен. Это конец, остановка.

Таким образом, я не учу вас не заботиться о себе, потому что знаю, что если вы заботитесь о себе, то станете заботиться о других автоматически, спонтанно. Если вы не заботитесь о себе, то упустите себя; тогда вы не можете быть в контакте ни с кем другим – для этого контакта нет основы. Пропущен первый шаг.

Забудь о мире и обществе, и утопиях, и Карле Марксе. Забудь обо всем этом. Просто будь здесь следующие несколько лет. Наслаждайся, радуйся, будь счастливым, танцуй и люби; и из этой любви и танца, из этой глубокой заботы о себе начнется переполнение энергии. Ты сможешь делиться с другими.

Любовь, говорю я, – это одна из самых заботящихся о себе вещей.

Не Привязанность ни к чему

"Любовь - единственная свобода от привязанности. Любя все, ты не привязан ни к чему".

"... Мужчина, поработенный любовью женщины, или женщина, поработенная любовью мужчины, в равной мере не годятся для драгоценной короны свободы. Но мужчина и женщина, слившиеся воедино в любви, неразделимые, неопределимые, - более всех достойны этой награды".

Из "Книги Мирдада" Михаила Найми

"Книга Мирдада" - одна из моих самых любимых книг. Мирдад - это вымышленное лицо, но каждое высказывание и действие Мирдада безмерно важно. Эту книгу нельзя читать как роман, ее нужно читать как священное писание - может быть, единственное священное писание.

И вы можете увидеть в этом высказывании лишь проблеск прозрения, осознанности, понимания Мирдада. Он говорит: Любовь - единственная свобода от привязанности... а вы всегда думали, что любовь - это единственная привязанность. Все религии соглашались в том, что любовь - это единственная привязанность.

Я согласен с Мирдадом:

Любовь - единственная свобода от привязанности. Любя все, ты не привязан ни к чему.

Фактически, человек должен понять само явление привязанности. Почему ты за что-то цепляешься? Потому что боишься это потерять. Может быть, кто-то это украдет. Ты боишься, что того, что у тебя есть сегодня, завтра может не быть.

Кто знает, что случится завтра? Женщина, которую ты любишь, или мужчина, которого ты любишь... - возможно движение в любом направлении: вы можете подойти друг к другу ближе, а можете отдалиться. Вы можете снова стать незнакомцами, а можете слиться воедино настолько, что нельзя будет даже сказать, что вас двое; конечно, тела два, но сердце одно, и песня сердца одна, и вас, как облако, окутывает экстаз. Вы исчезаете в этом экстазе: ты не ты, я не я. Любовь становится такой тотальной, любовь так велика и ошеломляюща, что ты не можешь оставаться собой; тебе приходится утонуть и исчезнуть.

В этом исчезновении кто будет привязанным и к кому? Все есть. Когда любовь расцветает во всей своей полноте, все просто есть. Завтрашний день не страшит; поэтому нет речи ни о какой привязанности, цепляний, браке, любого рода договоре, оковах.

Что такое браки, как не деловые договоры? "Мы предаем себя друг другу перед лицом суда" - вы оскорбляете любовь! Вы следуете закону, а это самое низшее в существовании и самое уродливое. Принося любовь в суд, совершаете непростительное преступление. Вы заявляете перед судьей в суде: "Мы хотим пожениться и останемся мужем и женой. Это наше обещание перед законом: мы не расстанемся и не будем обманывать друг друга". Разве вы не видите, что это величайшее оскорбление любви? Разве вы тем самым не ставите закон выше любви?

Закон для тех, кто не умеет любить. Закон слеп, он не для тех, у кого есть глаза. Закон для тех, кто забыл язык сердца и знает только язык ума. Ценность изречений Мирдада так велика, что их нужно глубоко понять - не только интеллектуально, не только эмоционально, но всей вашей тотальностью. Все существо должно это впитать:

Любовь - единственная свобода от привязанности... потому что, когда ты любишь, ты даже не думаешь ни о чем другом. Любя все, ты не привязан ни к чему. Каждое мгновение приходит с новым великолепием, с новой славой, с новыми песнями; каждое мгновение вносит в танец новые танцы. Может быть, партнеры меняются, но любовь остается прежней.

Привязанность - это желание, чтобы партнер никогда не менялся. Ради этого вы даете клятву перед судом, обществом - все это глупые формальности. И если вы пойдете против этих формальностей, то потеряете все уважение и честь в глазах людей, среди которых вам приходится жить.

Любовь ничего не знает о привязанности, потому что в любви нет никакой возможности пасть ниже своего достоинства. Любовь сама по себе честь,

сама по себе респектабельность; нельзя ничего с ней сделать. Я не говорю, что партнеры не могут меняться, но это неважно: когда партнеры будут меняться, но любовь будет оставаться текущей, словно река, тогда, фактически, в мире будет гораздо больше любви, чем есть сегодня. Сегодня мир почти как неплотно закрытый кран – кап, кап, кап... Это не утолит ничьей жажды. Любовь должна быть океанической, не капающей по капле из протекающего крана общества. А все браки принадлежат обществу.

Любовь принадлежит вселенной. Любовь не приглашает на празднование лишь горстку людей, любовь приглашает все звезды, солнца, цветы и всех птиц; на праздник приглашено все существование.

Любви не нужно ничего другого... ночь, полная звезд, – чего еще ты можешь желать? Просто несколько друзей... и вся вселенная дружелюбна. Я никогда не встречал дерева, которое было бы против меня. Я видел много гор, но никогда не видел ни одной, которая бы мне противостояла. Все существование очень дружелюбно.

Как только расцветает твое собственное понимание любви, не может быть речи вообще ни о какой привязанности. Ты можешь продолжать менять партнеров, но это не значит, что ты кого-то бросаешь. Ты можешь вернуться к тому же партнеру, нет никакого предрассудка.

Человеку следовало бы понимать себя просто как ребенка, играющего на берегу моря, собирающего ракушки, цветные камешки и безмерно наслаждающегося, словно он нашел великое сокровище. Если человек может наслаждаться мелочами жизни, жить в свободе и позволить жить в свободе другим, весь его мир может стать совершенно другого рода миром. Тогда в нем будет качество красоты, грации; в нем будет великое сияние, и каждое сердце будет гореть огнем. И как только ты узнаешь этот огонь, пламя продолжает расти. Пламя любви растет точно как деревья; пламя любви приносит цветы и плоды, точно как деревья.

Но то, что вы считаете любовью, – не любовь. Именно поэтому случаются такие странные опыты. Кто-то тебе говорит: "Какая ты красивая! Я тебя так люблю, и такой женщины, как ты, нет во всей вселенной". И ты никогда не возражаешь: "Ты не имеешь права говорить такие вещи, потому что не знаешь женщин всей вселенной". Когда говорятся такие красивые вещи, человек совершенно забывает об их иррациональности.

Эти люди узнают их из фильмов, романов – но все эти диалоги ничего не значат. Они просто подразумевают: "Пойдем в постель!" Но поскольку мы цивилизованные люди, то не можем никому сказать: "Пойдем в постель", не предварив этого некоторым введением, не совершив небольшого предисловия. Женщина побежит в полицию и скажет: "Этот мужчина говорит мне что-то очень уродливое!" Но если ты продолжаешь вести себя цивилизованно, сначала немного мороженого, – это прохлаждает сердце, – принеси розы, скажи какую-то сладкую ерунду... Оба понимают, что в конце концов все кончится утренним похмельем, головной болью, мигренью, и утром вы посмотрите друг на друга с неловкостью: что вы делали в постели? Один спрячется за газетой, словно ее читает, а другая начнет готовить чай или кофе, просто чтобы так или иначе забыть, что случилось. Дальше Мирдад говорит:

Мужчина, поработанный любовью женщины, или женщина, поработанная любовью мужчины, в равной мере не годятся для драгоценной короны свободы.

В то мгновение, когда любовь становится привязанностью, любовь становится отношениями. В то мгновение, когда любовь становится требовательной, это тюрьма. Она разрушила твою свободу; ты не можешь лететь в небо, ты в клетке. И интересно... особенно мне интересно. Людям интересно, что я делаю один у себя в комнате. И мне тоже интересно – что все эти люди делают вместе? Один я совершенно как дома. Если есть кто-то еще, есть проблемы; что-то случится. Если есть другой, не может сохраняться молчание: другой что-то спросит, что-то скажет, что-то сделает, заставит тебя что-то сделать. Более того, если один и тот же человек продолжает постоянно, день за днем...

Человек, который изобрел двухспальную кровать, был одним из величайших врагов человечества. Даже в постели – никакой свободы! Ты не можешь

двигаться; другой всегда рядом. И в большинстве случаев другой занимает большую часть места. Если тебе удастся заполучить немного места, тебе повезло – и помни, другой постоянно растет. Это очень странный мир, где женщины продолжают расти, а мужчины – сжиматься. И во всем виноват мужчина – он делает этих женщин толстыми, беременными. Еще больше проблем ждет впереди. Если два человека, мужского и женского пола, помещены вместе, вскоре появится третий. Если он не появляется, соседи тревожатся: "В чем дело? Почему не появляется ребенок?"

Я жил со многими людьми, во многих местах. Я был удивлен – почему все люди так тревожатся о том, чтобы создавать проблемы другим? Если кто-то не женат, они беспокоятся: "Почему ты не женишься?" – как будто брак – это какой-то вселенский закон, которому нужно следовать. Измученный всеми и каждым, человек начинает думать, что ему лучше жениться – по крайней мере все эти люди перестанут его мучить. Но это ошибка: как только ты женишься, они начинают спрашивать: "Когда будет ребенок?"

Теперь уже это очень трудная проблема. Это не в твоих руках: ребенок может родиться, может не родиться, – и он родится в свое время. Но эти люди будут тебя донимать... "Дом не дом без ребенка". Это правда – потому что без ребенка дом кажется таким молчаливым; с появлением ребенка дом кажется сумасшедшим домом! И чем больше детей, тем более умножаются проблемы.

Я сижу в молчании в своей комнате всю мою жизнь. Я никого не беспокою, никогда никого не спрашиваю: "Почему ты не женишься, почему не рождаешь ребенка?" Потому что я не считаю цивилизованным задавать такие вопросы, осведомляться о таких вещах; это значило бы вмешиваться в свободу другого.

И люди продолжают жить со своими женами, со своими детьми, и поскольку присутствие каждого нового члена семьи, которых становится все больше, многое потревожит, ты автоматически будешь становиться менее и менее чувствительным. Ты меньше слышишь, меньше видишь, меньше чувствуешь запах, меньше чувствуешь вкус.

Ты не используешь органы чувств во всей их интенсивности. Именно поэтому когда кто-то впервые влюбляется, это можно заметить: у него светится лицо. В его походке заметна новая свежесть, танец; ты видишь, что у него правильно завязан галстук, одежда хорошо отутюжена. Что-то случилось. Через неделю снова воцаряется скука; ты снова видишь, что снова начала собираться пыль. Свет погас; снова он тащится, не танцует. Цветы по-прежнему цветут, но он не видит их красоты. Звезды провоцируют его, но он не смотрит на небо.

Есть миллионы людей, которые никогда не смотрели вверх; их глаза приклеены к земле, словно они боятся, чтобы на них не упала какая-нибудь звезда. Очень немногие люди любят спать под открытым небом, со звездами... – страх безграничности, одиночества, темноты.

И миллионы людей продолжают жить, глубоко внутри чувствуя, что если бы они оставались одни, если бы они не заботились о любви и браке... но теперь ничего не сделаешь. Ты не можешь обратить все вспять; ты не можешь снова стать холостяком. Фактически, ты можешь до такой степени привыкнуть к тюрьме, что не сможешь больше ее покинуть. Это своего рода защищенность; она уютна, хотя и несчастна. Одеяло прогнило, но двухспальная постель... – по крайней мере ты не один в своем несчастье, кто-то его с тобой делит. Фактически, кто-то создает его для тебя, а ты создаешь его для него.

Любовь должна быть такого качества, чтобы она приносила свободу, не новые цепи; любовь дает тебе крылья и поддерживает в том, чтобы летать как можно выше.

Но мужчина и женщина, слившиеся воедино в любви, неразделимые, неопределимые, – более всех достойны этой награды.

Эта "Книга Мирдада" – одна из тех книг, которые будут жить вечно, – или пока не исчезнет на земле последнее человеческое существо. Но человека, который написал эту книгу, совершенно забыли. Мирдад – это вымысел, Мирдад – это имя героя книги. Человек, написавший эту книгу... его звали

Михаил Найми, но это имя несущественно. Это великая книга, и она больше него самого. Он всю жизнь пытался снова создать что-то подобное, но потерпел поражение. Он написал много других книг, но "Книга Мирдада" остается Эверестом. Другие книги – небольшие холмы, и они не имеют большого значения.

Если любовь понимать как встречу двух душ – не просто сексуальную, биологическую встречу мужских и женских гормонов – тогда любовь может дать тебе великие крылья, великие прозрения в жизнь. И тогда впервые влюбленные могут быть друзьями. Обычно они остаются переодетыми врагами. Религии и так называемые святые, которые бежали от мира, трусы, которые не могут смотреть в лицо и столкнуться лицом к лицу с жизнью, отравили всю идею любви как единственной духовности. Они осудили секс, и с осуждением секса была осуждена и любовь, потому что люди думают, что секс и любовь – это синонимы. Это не так. Секс – это очень небольшая часть твоей биологической энергии. Любовь – это все твое существо, любовь – это твоя душа. Тебе придется узнать, что секс – это только потребность общества, расы продолжать себя – ты можешь в этом участвовать, если хочешь. Но нельзя избегать любви. В то мгновение, как ты начинаешь избегать любви, все твое творчество умирает, и все твои органы чувств теряют чувствительность; тебя покрывает толстый слой пыли. Ты становишься живым мертвецом.

Да, ты дышишь, ты ешь и каждый день ходишь в контору, пока не приходит смерть и не освобождает тебя от скуки, которую ты носил с собой всю жизнь.

Если у тебя нет ничего, кроме секса, у тебя вообще ничего нет; тогда ты только инструмент воспроизведения биологии, вселенной. Ты только машина, фабрика. Но если ты можешь постичь любовь как свое настоящее существо и любовь к другому человеку – как глубокую дружбу, как танец двух сердец вместе в такой синхронности, что они почти становятся одним, тебе не нужно никакой другой духовности. Ты ее нашел.

Любовь ведет к предельному опыту – называемому богом, называемому абсолютным, называемому истиной. Это только названия. Фактически, у предельного нет имени; оно безымянно, но к нему ведет любовь.

Если ты думаешь только о сексе и никогда не приходишь к осознанию любви, ты просто спускаешь себя на ветер. Да, ты произведешь детей, проживешь в несчастье и будешь играть в карты, смотреть фильмы и ходить на футбол, и переживешь великие опыты тщетности, скуки, войны, с постоянным фоном тревоги, которую экзистенциалисты называют Angst*. Но ты никогда не узнаешь настоящей красоты существования, настоящего молчания и мира космоса.

* Angst (нем.) – страх, тревожность, беспокойство (прим. ред.).

Любовь может сделать это возможным.

Но помни, любовь не знает никаких границ. Любовь не может быть ревнивой, потому что любовь не может владеть. Ты кем-то владеешь – это значит, ты кого-то убил и превратил его в собственность.

Владеть можно только вещами. Любовь дает свободу. Любовь есть свобода.

ВОПРОСЫ

Пожалуйста, будь так любезен и расскажи о разнице между здоровой любовью к себе и эгоистической гордостью.

Разница между ними огромна, хотя они и кажутся похожими. Здоровая любовь к себе – это великая духовная ценность. Человек, который не любит себя, не сможет любить и никого другого, никогда. Первая волна любви должна возникнуть в твоём собственном сердце. Если в тебе не возникает любви к себе самому, не может возникнуть любви и ни к кому другому, потому что все остальные люди от тебя дальше, чем ты сам.

Человек должен любить свое тело, человек должен любить свою душу, человек должен любить всю свою целостность. И это естественно; иначе ты вообще не сможешь выжить. И это красиво, потому что это украшает тебя. Человек, который любит себя, становится изящным, элегантным. Человек, который

любит себя, обязательно станет более молчаливым, более медитативным, более молитвенным, чем тот, кто себя не любит.

Если ты не любишь свой дом, ты не будешь его убирать; если ты не любишь свой дом, ты не будешь его красить; если ты его не любишь, ты не окружишь его прекрасным садом, с лotosовым прудом. Если ты любишь себя, то создашь вокруг себя сад. Ты попытаешься взрастить свой потенциал, попытаешься выразить все, что ждет в тебе выражения. Если ты себя любишь, то будешь продолжать поливать себя, питать себя.

И если ты любишь себя, ты удивишься: тебя будут любить другие. Никто не любит человека, который не любит себя сам. Если даже ты не можешь себя любить, кто еще будет об этом беспокоиться?

И человек, который не любит себя, не может оставаться нейтральным. Помни, в жизни нигде нет нейтральности. Человек, который не любит себя, ненавидит – ему придется ненавидеть; жизнь не знает никакой нейтральности. Жизнь – это всегда выбор. Если ты не любишь, это не значит, что ты можешь просто оставаться в этом не-любящем состоянии. Нет, ты будешь ненавидеть. А человек, который ненавидит себя, становится разрушительным. Человек, который ненавидит себя, будет ненавидеть всех остальных – он такой злой, насильственный, он остается в постоянной ярости. Человек, который ненавидит себя... как он может надеяться, что его будут любить другие? Вся его жизнь разрушена. Любить себя – огромная духовная ценность.

Я учу любви к себе. Но помните, любовь к себе не подразумевает эгоистической гордости, совсем нет. Фактически, она подразумевает прямо противоположное. Человек, который любит себя, находит, что в нем нет никакого "я". Любовь всегда расплавляет "я" – и это один из алхимических секретов, которым нужно научиться, которые нужно понять, пережить. Любовь всегда расплавляет "я". Каждый раз, когда ты любишь, "я" исчезает. Ты любишь женщину, и по крайней мере на несколько мгновений, когда есть настоящая любовь к этой женщине, в тебе нет "я", нет никакого эго. Эго и любовь не могут существовать вместе. Они как свет и темнота: когда приходит свет, темнота исчезает. Если ты любишь себя, ты удивишься – любовь к себе означает, что "ты сам" исчезаешь. В любви к себе нет никакого "себя". Это парадокс: любовь к себе совершенно лишена "себя". Она не самовлюбленна – потому что где бы ни был свет, там не может быть темноты, и где бы ни была любовь, там не может быть эго. Любовь расплавляет замороженное эго. Эго подобно кристаллу льда, а любовь – утреннему солнцу. Теплота любви... и эго начинает таять. Чем более ты любишь себя, тем меньше находишь в себе эго, и тогда эта любовь становится великой медитацией, великим скачком в божественность.

И ты это знаешь! Может быть, ты этого не знаешь в том, что касается любви к себе, потому что ты никогда не любил себя. Но ты любил других людей; наверное, с тобой случались проблески. Наверное, были редкие мгновения, когда, на мгновение, тебя не было, и была только любовь. Только энергия любви, текущая, без центра, из никуда в никуда. Когда двое влюбленных сидят вместе, вместе сидят два ничто, два нуля – и в этом красота любви, это делает тебя совершенно лишенным эго.

Поэтому помни, эгоистическая гордость – это никогда не любовь к себе. Эгоистическая гордость – это прямо противоположное. Человек, которому не удастся любить себя, становится эгоистичным. Эгоистическая гордость – это то, что психоаналитики называют нарциссическим образцом жизни, нарциссизмом.

Наверное, вы слышали притчу о Нарциссе: он влюбился в самого себя. Глядя в тихую заводь, он влюбился в свое собственное отражение. Увидьте разницу: человек, который любит себя, любит не свое отражение; он просто любит себя. Не нужно никакого зеркала; он знает себя изнутри. Разве ты не знаешь себя, не знаешь, что ты есть? Нужно ли тебе доказательство, что ты есть? Нужно ли тебе зеркало, чтобы знать, что ты существуешь? Если бы зеркала не было, усомнился бы ты в своем существовании?

Нарцисс влюбился в собственное отражение – не в себя. Это не настоящая любовь к себе. Он влюбился в отражение; отражение – это другой. Он стал

двумя, он стал раздвоенным. Нарцисс был расщеплен. Он был в состоянии своеобразной шизофрении. Он стал двумя – влюбленным и любимым. Он стал объектом собственной любви – и именно это происходит со многими людьми, которые думают, что влюблены.

Когда ты влюбляешься в женщину, наблюдай, будь бдителен – это может быть не что иное, как нарциссизм. Лицо этой женщины, ее глаза, ее слова могут просто действовать как озеро, в котором ты видишь собственное отражение. Вот мое собственное наблюдение: из сотни случаев любви девяносто девять нарциссичны. Люди любят не женщину, которая реально существует. Они любят чувство собственной важности, которое эта женщина им дает, внимание, которое эта женщина им дает, лесть, которую эта женщина изливает на мужчину. Женщина льстит мужчине, мужчина льстит женщине – это взаимная лесть. Женщина говорит: "Ты красивее всех на свете. Ты просто чудо! Ты величайших из всех, кого только создал Бог. Даже Александр Великий ничто в сравнении с тобой". И ты раздуваешься, и твоя грудь расправляется, и голова начинает пухнуть – в ней нет ничего, кроме соломы, но солома придает объем. И ты говоришь женщине: "Ты величайшее творение Бога. Даже Клеопатра ничто в сравнении с тобой. Я не могу поверить, что Бог когда-нибудь создаст что-нибудь лучше тебя. Никогда больше не будет такой красивой женщины".

Именно это вы называете любовью! Это нарциссизм: мужчина становится заводью и отражает женщину, и женщина становится заводью и отражает мужчину... Фактически, не только отражает истину, но и украшает ее, тысячей и одним способом заставляет выглядеть красивее и красивее. Именно это люди называют любовью. Это не любовь; это взаимное удовлетворение эго.

Настоящая любовь ничего не знает об эго. Настоящая любовь начинается с любви к себе.

Естественно, у тебя есть это тело, это существо, и ты в нем укоренен – наслаждайся им, лелей его, празднуй его! И нет никакой речи о гордости или эго, потому что ты не сравниваешь себя ни с кем другим. Эго приходит из сравнения. Любовь к себе не знает никакого сравнения – ты есть ты, вот и все. Ты не говоришь, что кто-то другой ниже тебя; ты вообще не сравниваешь. Каждый раз, когда приходит сравнение, знай точно, что это не любовь; где-то скрывается трюк, тонкая стратегия эго.

Эго живет в сравнении. Когда ты говоришь женщине: "Я тебя люблю", это одно; когда ты говоришь женщине: "Клеопатра ничто в сравнении с тобой", это другое – совершенно другое, прямо противоположное. Зачем вносить в это Клеопатру? Разве ты не можешь любить эту женщину, не внося Клеопатры? Клеопатра вносится, чтобы раздуть эго. Люби этого мужчину – зачем вносить Александра Великого?

Любовь не знает никакого сравнения; любовь просто любит, не сравнивая. Таким образом, каждый раз, когда возникает сравнение, помни – это эгоистическая гордость. Это нарциссизм. И каждый раз, когда нет никакого сравнения, помни, это любовь, будь это любовь к себе или к другому. В настоящей любви нет никакого разделения. Влюбленные сплавляются друг с другом. В эгоистической гордости есть огромное разделение, разделение между влюбленным и любимым. В настоящей любви нет связи. Позвольте мне это повторить: в настоящей любви нет связи, потому что нет двух человек, которые могли бы быть связаны. В настоящей любви есть только любовь, цветение, аромат, сплавление, слияние. Только в эгоистической любви есть два человека – влюбленный и любимый. И каждый раз, когда есть влюбленный и любимый, любовь исчезает. Каждый раз, когда есть любовь, влюбленный и возлюбленный, – оба они исчезают в любви.

Любовь – это такое огромное явление; ты не можешь в ней выжить.

Настоящая любовь всегда в настоящем. Эгоистическая любовь всегда либо в прошлом, либо в будущем. В настоящей любви есть страстная прохлада. Это выглядит парадоксальным, но все великие реальности жизни парадоксальны; поэтому я называю это страстной прохладой: есть тепло, но нет жара. Тепло, несомненно, есть, но есть и прохлада, очень собранное, спокойное, прохладное состояние. Любовь делает человека менее лихорадочным. Но если

любовь не настоящая, а эгоистическая, в ней есть огромный жар. В ней есть страсть, подобная лихорадке, и нет совершенно никакой прохлады.

Если ты можешь помнить эти вещи, у тебя будет критерий, чтобы судить. Но человек должен начинать с себя, другого пути нет. Человек должен начинать там, где он находится.

Люби себя, люби безмерно, и в этой любви твоя гордость, это и вся эта ерунда исчезнут. И когда они исчезнут, твоя любовь начнет достигать других людей. И это будет не связь, но щедрость. Это будет не связь объекта и субъекта, но сплавление, слияние. Любовь не будет лихорадочной, это будет прохладной страстью. Она будет теплой и прохладной одновременно. Она даст тебе первый вкус парадоксальности жизни.

Почему любить так больно?

Любить больно, потому что любовь прокладывает дорогу для блаженства. Любить больно, потому что любовь трансформирует; любовь – это мутация. Любая трансформация болезненна, потому что старое нужно оставить ради нового. Старое знакомо, безопасно, надежно, новое абсолютно неизвестно. Ты движешься в необозначенные на картах океаны. Ты не можешь применять ум в новом; в новом ум совершенно бесполезен.

Поэтому возникает страх, и в расставании со старым, удобным, надежным миром, миром удобства, возникает боль. Это та же самая боль, которую чувствует ребенок, когда появляется на свет из утробы матери. Это та же самая боль, которую чувствует птица, вылупляясь из яйца. Темнота неизвестного, и ненадежность неизвестного, и непредсказуемость неизвестного очень пугают человека.

И поскольку трансформация движется от "я" к состоянию "не-я", агония очень глубока. Но ты не можешь достичь экстаза, не пережив агонии. Если золото хочет быть очищенным, оно должно пройти через огонь.

Любовь – это огонь.

Именно из-за боли миллионы людей живут жизнью, лишенной любви. Они тоже страдают, и их страдание напрасно. Страдать в любви значит страдать не напрасно. Страдание любви творческое; оно приводит тебя на высшие уровни сознания. Страдание отсутствия любви – это совершенно пустая растрата; оно никуда тебя не ведет, оно заставляет тебя продолжать двигаться в порочном круге.

Человек, который живет без любви, нарциссичен, закрыт. Он знает только себя. А насколько он может знать себя, если он никогда не знал другого? – потому что только другой может действовать как зеркало. Ты никогда не узнаешь себя, не узнав другого. Любовь – это сама основа самопознания. Человек, который не узнал другого в глубокой любви, в интенсивной страсти, в совершенном экстазе, не сможет узнать, кто такой он сам, потому что у него не будет зеркала, чтобы увидеть собственное отражение. Отношения – это зеркало, и чем чище любовь, чем выше любовь, тем лучше зеркало, тем чище зеркало. Но высшая любовь требует, чтобы ты оставался открытым. Высшая любовь требует, чтобы ты был уязвимым. Тебе придется отбросить всю броню; это больно. Тебе придется перестать быть постоянно на страже. Тебе придется отбросить расчетливый ум. Тебе придется рискнуть. Тебе придется жить опасно. Другой может тебя ранить; поэтому страшно быть уязвимым. Другой может тебя отвергнуть; поэтому страшно быть влюбленным.

Отражение, которое ты найдешь в другом, может оказаться уродливым – это вызывает тревогу; избегай зеркала! Но, избегая зеркала, ты не станешь красивее. Избегая ситуации, не будешь ты и расти. Вызов должен быть принят.

Человек должен двигаться в любовь. Это первый шаг к Богу, и его нельзя обойти стороной. Те, кто пытаются избежать шага любви, никогда не достигнут Бога. Это абсолютная необходимость, потому что ты осознаешь свою тотальность, только когда тебя провоцирует присутствие другого, когда твое присутствие усиливается присутствием другого, когда другой

выводит тебя из твоего нарциссического, замкнутого мира под открытое небо.

Любовь – это открытое небо. Быть влюбленным значит быть как птица на крыле. Но, конечно, безграничное небо вызывает страх.

Отбросить это очень больно, потому что нас учили культивировать это. Мы думаем, что это наше единственное сокровище. Мы его защищали; мы его украшали, мы его постоянно полировали. И когда любовь стучится в двери, все, что нужно, чтобы влюбиться – это отложить это в сторону. Конечно, это больно. Это работа всей твоей жизни, это единственное, что ты только создал, – это это, эту идею: "Я отделен от существования".

Эта идея уродлива, потому что это неправда. Эта идея иллюзорна, но наше общество существует, основывается на этой идее: что каждый человек – это человек, не присутствие.

Истина в том, что во всем мире нет ни единого человека; есть только присутствие. Тебя нет – как это, отдельного от существования. Ты часть целого. Целое проникает в тебя, целое дышит в тебе, пульсирует в тебе, целое – это твоя жизнь.

Любовь впервые дает тебе опыт того, как быть сонастроенным с чем-то, кроме твоего собственного это. Любовь дает тебе первый урок того, как прийти в гармонию с кем-то, кто никогда не был частью твоего это. Если ты можешь быть в гармонии с женщиной, если ты можешь быть в гармонии с другом, с мужчиной, если ты можешь быть в гармонии с ребенком или с матерью, почему ты не можешь быть в гармонии со всеми человеческими существами? И если гармония с одним человеком приносит такую радость, что получится, если ты будешь в гармонии со всеми человеческими существами? А если ты можешь быть в гармонии со всеми человеческими существами, почему ты не можешь быть в гармонии с животными, птицами и деревьями? Один шаг ведет к другому.

Любовь – это лестница. Она начинается с одного человека, а заканчивается всей полнотой целого. Любовь – это начало, Бог – конец. Бояться любви, бояться растущей боли любви значит оставаться в запертой темной камере. Современный человек живет в темной камере. Это нарциссично; нарциссизм – это величайшая одержимость современного ума.

И тогда появляются проблемы, которые бессмысленны. Есть проблемы, которые созидательны, потому что они ведут тебя к высшей осознанности. Есть проблемы, которые куда тебя не ведут; они просто удерживают тебя скованным, они просто удерживают тебя в твоём прежнем хаосе. Любовь создает проблемы. Ты можешь избежать этих проблем, избегай любви, – но это жизненно важные проблемы! С ними нужно встретиться, столкнуться лицом к лицу; их нужно прожить и выйти за их пределы. А чтобы выйти за их пределы, нужно через них пройти. Любовь – это единственная реальная вещь, которая стоит того, чтобы ее пережить. Все остальное вторично. Если все остальное помогает любви, хорошо. Все остальные вещи – это только средства, любовь – это цель. Поэтому, как бы это ни было больно, иди в нее.

Если ты не идешь в любовь, как решили многие люди, тогда ты застреваешь в самом себе. Тогда твоя жизнь – это не паломничество, тогда твоя жизнь – это не река, текущая к океану; твоя жизнь – это застойное и мутное болото, и вскоре от тебя не останется ничего, кроме грязной лужи. Чтобы оставаться чистым, человеку нужно постоянно оставаться текучим. Река остается чистой, потому что продолжает течь. Поток – это процесс, в котором ты всегда остаешься девственным.

Любовь остается девственной – все влюбленные девственны. Люди, которые не любят, не могут оставаться девственными; они становятся застойными, стоячими; рано или поздно они начинают испускать зловоние, – и скорее рано, чем поздно, – потому что им некуда двигаться. Их жизнь мертва.

И именно в такой ситуации оказывается современный человек, и из-за этого начинают свирепствовать все виды неврозов, все виды безумия.

Психологическая болезнь принимает масштабы эпидемии. Сейчас не несколько индивидуумов психологически больны; реальность в том, что вся земля стала сумасшедшим домом. Все человечество страдает от своего рода невроза, и

этот невроз происходит из нарциссической застойности. Каждый застревает в собственной иллюзии того, что у него есть отдельное "я"; люди сходят с ума. И это безумие бессмысленно, непродуктивно, неконструктивно.

Ты можешь покончить с собой, выпив яд, спрыгнув с высокого обрыва или застрелившись, но можешь сделать это и очень медленным процессом, и происходит именно это. Очень немногие люди совершают самоубийство внезапно. Другие выбирают медленное самоубийство; они умирают постепенно, мало-помалу. Но суицидальная тенденция стала почти всемирной.

Это не способ жить. И причина, основная причина состоит в том, что мы забыли язык любви. Мы больше недостаточно храбры для того, чтобы двигаться в приключение, называемое любовью.

Поэтому людей интересует секс - в сексе нет ничего рискованного. Он мгновенен, ты в него не вовлекаешься. Любовь - это вовлеченность, это преданность. Она не мгновенна. Как только она пускает корни, она может быть навсегда. Она может быть вовлеченностью длиной в целую жизнь. Любовь требует близости, и только в близости другой становится зеркалом. Когда ты сексуально встречаешься с мужчиной или женщиной, ты вообще не встречаешься; фактически, ты избегаешь души другого человека. Ты просто используешь его тело и убегаешь, и другой использует твоё тело и убегает. Вы никогда не становитесь достаточно близкими, чтобы открыть оригинальные лица друг друга.

Любовь - это величайший дзэнский коан.

Любить больно, но не избегай любви. Если ты ее избегаешь, ты избежишь величайшей возможности расти. Иди в нее, страдай от любви, потому что из этого страдания приходит величайший экстаз. Да, есть агония, но из этой агонии рождается экстаз. Да, тебе придется умереть как эго, но если ты можешь умереть как эго, то родишься Богом, буддой.

А любовь дает тебе первое ощущение вкуса дао, суфизма, дзэн. Любовь даст тебе первое доказательство того, что жизнь не бессмысленна. Люди, которые говорят, что жизнь бессмысленна, не познали любви. Они просто тем самым говорят, что в их жизни не доставало любви.

Пусть будет боль, пусть будет страдание. Пройди через темную ночь, и ты достигнешь прекрасного восхода солнца. Только в утробе ночи развивается солнце. Только в темноте ночи приходит утро.

Весь мой подход - это подход любви. Я учу любви и только любви, ничему другому. Ты можешь забыть Бога; это пустое слово. Ты можешь забыть о молитвах, потому что это только ритуалы, навязанные тебе другими. Любовь - это естественная молитва, никем не навязанная. Ты с ней рождаешься. Любовь - это истинный Бог, не Бог теологов, но Бог Будды, Иисуса, Мухаммеда, Бог суфиев. Любовь - это средство, метод, чтобы убить тебя как отдельную индивидуальность и помочь тебе стать бесконечным. Исчезни, как капля росы, и стань океаном - но тебе придется войти в него через врата любви.

И конечно, когда человек начинает исчезать, как капля, - а он долго жил каплей, - это ранит, потому что человек думал: "Я это, и теперь это уходит. Я умираю". Ты не умираешь, умирает только иллюзия. Ты отождествился с иллюзией, это правда, но иллюзия - это все же иллюзия. И тогда когда иллюзии не станет, ты сможешь увидеть, кто ты такой. И это откровение приведет тебя к вершине радости, блаженства, празднования.

Почему на греческом Дельфийском храме написано "Познай Себя", а не "Люби Себя"?

Греческий ум полон одержимости знанием. Греческий ум мыслит в терминах знания, как узнать. Именно поэтому греки произвели великую традицию философов, мыслителей, логиков - великие рациональные умы, но ими движет страсть знать.

В мире, как я его вижу, есть только два типа ума: греческий ум и индуистский. Греческий ум полон страсти узнать, индуистский ум полон страсти быть. Индуистский ум не слишком заботится о знании, но заботится о существовании. Сат, бытие, составляет основу его поиска - "кто я?" Не

познать это логически, но утонуть в собственном опыте, - чтобы человек мог испытать его на вкус, чтобы он мог быть этим - потому что, на самом деле, нет другого способа знать. Если ты спросишь индуистов, они скажут, что нет другого способа знать, кроме как быть. Как ты можешь знать любовь? Единственный способ - стать влюбленным. Будь влюбленным, и ты узнаешь. А если ты попытаешься стоять снаружи опыта и просто быть наблюдателем, то можешь узнать о любви, но никогда не узнаешь самой любви.

Греческий ум произвел весь рост науки. Современная наука - это побочное следствие греческого ума. Современная наука настаивает на том, чтобы бесстрастно стоять снаружи, наблюдать, оставаться неподвзятым. Будь объективным, будь безличным - это основные требования, если ты хочешь быть ученым. Будь безличным, не позволяй эмоциям ничего окрашивать; будь бесстрастным, почти незаинтересованным ни в какой гипотезе. Просто наблюдай факт - не вовлекайся в него, оставайся снаружи. Не становись участником. Это греческая страсть: бесстрастный поиск знания. Это помогло, но помогло лишь в одном направлении - и это направление материи. Это способ узнать материю. Таким образом ты никогда не узнаешь ум, только материю. Таким образом ты никогда не узнаешь сознания. Ты можешь узнать снаружи, но никогда не узнаешь изнутри - потому что внутри ты уже вовлечен. Нет способа стоять снаружи, ты уже внутри. Внутреннее - это ты сам, как ты можешь из него выйти? Я могу наблюдать камень, скалу, реку, бесстрастно, потому что я отделен. Как я могу бесстрастно наблюдать самого себя? Я в это вовлечен. Я не могу быть снаружи этого. Я не могу низвести себя до объекта. Я останусь субъектом и буду оставаться субъектом - что бы я ни сделал, я останусь знающим, не познаваемым. Таким образом, греческий ум мало-помалу сместился в сторону материи. Девиз, начертанный на Дельфийском храме, - "Познай себя", - стал источником всего научного прогресса. Но мало-помалу сама идея бесстрастного знания увела западный ум прочь от его собственного существа.

Индуистский ум, ум другого типа, принял в мире другое направление. Это направление бытия. В Упанишадах великий мастер Удалак говорит своему сыну и ученику Светукету: "Ты есть это" - Татвамаси Светукету. Ты есть это - нет разделения между "этим" и "тобой". Это - твоя реальность; Ты - твоя реальность; нет никакого разделения. Нет никакой возможности знать это, как ты знаешь скалу. Нет никакой возможности знать это, как ты знаешь другие вещи; ты можешь только быть этим.

На Дельфийском храме, конечно, написано "Познай Себя". Это выражение греческого ума. Поскольку этот храм в Греции, надпись тоже греческая. Если бы этот храм был в Индии, на нем было бы написано: "Будь Собой" - потому что это есть ты. Индуистский ум подходит ближе и ближе к собственному существу - именно поэтому он перестал быть научным. Он стал религиозным, но не научным. Он стал интровертным, но благодаря этому утратил все якоря во внешнем мире. Индуистский ум стал очень богатым внутри, но снаружи очень обеднел.

Нужен великий синтез, великий синтез между индуистским умом и греческим. Это может стать величайшим благословением для Земли. До сих пор это было невозможно, но теперь основные требования выполнены, и этот синтез возможен. Восток и Запад встречаются очень тонким образом. Восточные люди приезжают на Запад, чтобы учиться науке, чтобы стать учеными, а западные искатели движутся на Восток, чтобы узнать, что такое религия. Происходит великое смешение и слияние.

В будущем Восток не будет Востоком, а Запад Западом. Земля станет огромной деревней - небольшим местом, где все разграничения исчезнут. И тогда впервые возникнет великий синтез, величайший из всех происшедших - который не будет мыслить в терминах крайностей, который не будет думать, что если ты идешь наружу, если ищешь знания, то потеряешь корни в существе; или, если ты ищешь в существе, то потеряешь корни в мире, в научном царстве. То и другое может существовать вместе, и там, где это

случится, у человека будут оба крыла, чтобы лететь в высочайшие из всех небес. Иначе у вас будет только одно крыло.

Насколько я вижу, люди индуистского ума столь же однобоки, что и люди греческого. Те и другие обладают лишь половиной реальности. Религия – это половина; наука – это половина. Должно случиться что-то, что может свести религию и науку вместе, в одно великое целое, в котором наука не отрицает религию, а религия не отрицает науку.

Почему на греческом Дельфийском храме написано "Познай Себя", а не "Люби Себя"? "Любить Себя" возможно, только если ты становишься собой, если ты можешь "Быть Собой". Иначе это невозможно. Иначе единственной возможностью будет пытаться узнать, кто ты такой, – и это тоже снаружи; наблюдать снаружи, кто ты такой, – и это тоже будет объективным способом, не интуитивным.

Греческий ум развил огромную способность к логике. Аристотель стал отцом всей логики и всей философии. Восточный ум кажется нелогичным – он такой и есть. Само настояние на медитации нелогично, потому что медитация говорит, что ты можешь знать, только когда ум отброшен, когда мышление отброшено, и ты сливаешься со своим существом так тотально, что нет ни единой мысли, чтобы тебя отвлечь. Только тогда ты можешь знать. А греческий ум говорит, что ты можешь знать, лишь если мышление чисто, логично, рационально, систематично. Индуистский ум говорит: "Когда мышление полностью останавливается, только тогда есть возможность знать". Это совершенно разные подходы, движущиеся в противоположных направлениях; но есть возможность их синтезировать.

Человек может использовать ум, работая над материей; тогда логика становится великим инструментом. И тот же человек может отложить ум в сторону, когда движется в пространство медитации и не-ума. Потому что ум – это не ты, это только инструмент, точно как моя рука, как мои ноги. Если я хочу идти, я использую ноги, если я не хочу идти, я не использую ноги. Точно таким же образом ты можешь использовать ум логически, если пытаешься узнать о материи. Это совершенно правильно, это подходит. А когда ты движешься вовнутрь, отложи его в сторону. Теперь ноги не нужны; мышление не нужно. Теперь нужно глубокое, молчаливое состояние не-мысли. И обе эти вещи могут произойти с одним и тем же человеком – когда я это говорю, я говорю это по собственному опыту. Я делал то и другое. Когда это нужно, я могу быть логичным как любой грек. Когда этого не нужно, я могу быть абсурдным, нелогичным, как любой индуист. Поэтому когда я это говорю, я это подразумеваю, и это не просто гипотеза. Я пережил это на опыте таким образом.

Ум можно использовать, а можно отложить в сторону. Это инструмент, очень красивый инструмент; но нет необходимости в том, чтобы быть им настолько одержимым. Не нужно так на нем фиксироваться, делать его навязчивой идеей. Тогда он становится болезнью. Просто представьте себе человека, который хочет сидеть, но не может, потому что говорит: "У меня есть ноги – как я могу сидеть?" И представьте человека, который хочет сидеть тихо и молчаливо, но не может, потому что говорит: "У меня есть ум". Это одно и то же.

Человек должен иметь такие способности, чтобы даже ближайший инструмент, ум, можно было отложить в сторону и выключить. Это можно сделать, и это делалось, но не в большом масштабе. Но масштаб будет больше и больше – именно это я пытаюсь делать здесь с вами. Я говорю, обсуждаю с вами проблемы – это логично, я использую ум. И потом я вам говорю: "Отбросьте ум и двигайтесь глубоко в медитацию. Если вы танцуете, танцуйте так тотально, чтобы внутри не было ни одной мысли, чтобы вся ваша энергия стала танцем. Или пойте, и тогда просто пойте. Или сидите, и тогда просто сидите – будьте в задзэн, не делайте ничего другого. Не позволяйте пройти ни одной мысли. Просто будьте тихими, абсолютно тихими". Это противоречивые вещи.

Каждое утро вы медитируете и каждое утро приходите и слушаете меня. Каждое утро вы меня слушаете, потом идете и медитируете. Это противоречиво. Если бы я был просто греком, я говорил бы с вами,

производил бы с вами логическое общение, но тогда я не говорил бы вам медитировать. Это глупо. Если бы я был индуистом, не было бы необходимости с вами говорить. Я могу сказать: "Просто идите и медитируйте, потому что какой смысл говорить? Человек должен стать молчаливым". Я - то и другое. И это моя надежда: что вы тоже станете тем и другим - потому что тогда жизнь очень обогащается, безмерно обогащается. Тогда вы ничего не упускаете. Тогда все впитывается; тогда вы становитесь великим оркестром. Тогда все полярности встречаются в вас. Сама идея о том, чтобы "любить себя", с греческой точки зрения абсурдна, потому что греки скажут, - и будут логически правы, - что любовь возможна только между двумя людьми. Ты можешь любить кого-то другого, ты можешь любить даже своего врага, но как тогда ты можешь любить самого себя? Есть только ты, один. Любовь может существовать только между двойственностью, полярностью; как ты можешь любить самого себя? Для греческого ума сама идея о том, чтобы любить себя, абсурдна: для любви нужен другой. Для индуистского ума... в Упанишадах говорится, что ты любишь свою жену не ради жены; ты любишь жену ради себя самого. В ней ты любишь самого себя. Ты любишь ее, потому что она дает тебе удовольствие, - но глубоко внутри любишь собственное удовольствие. Ты любишь сына, ты любишь друга, но не ради них, а ради самого себя. Глубоко внутри сын делает тебя счастливым, друг дает тебе утешение. Именно этого ты жаждешь. Поэтому в Упанишадах говорится, что на самом деле ты любишь самого себя. Даже если ты говоришь, что любишь других, это только способ любить самого себя, длинный, окольный путь к тому, чтобы любить самого себя. Индуисты говорят, что нет никакой другой возможности: ты можешь любить только самого себя. А греки говорят, что совершенно невозможно любить самого себя, потому что для любви нужны как минимум двое. Если ты спросишь меня... я и грек, и индуист. Если ты спросишь меня, я скажу, что любовь - это парадокс. Это очень парадоксальное явление. Не пытайся низвести его до одного полюса; нужны оба полюса. Нужен другой, но в глубокой любви другой исчезает. Если ты наблюдаешь двух влюбленных, они двое и одно одновременно. Именно это и есть парадокс любви, и именно в этом ее красота - их двое, да, их двое; и все же их не двое, они одно. Если этого единства не случилось, любовь невозможна. Они могут делать что-то другое под названием любви. Если они все еще двое и в то же время не одно, тогда любовь не случилась. И если ты просто один, и больше никого нет, невозможна любовь и тогда. Любовь - парадоксальное явление. Во-первых, для нее нужны двое, и во-вторых, требуется, чтобы двое существовали как одно. Это величайшая загадка; это величайшая головоломка.

Как я могу лучше любить?

Любви самой по себе достаточно. Она не нуждается в улучшении. Она совершенна такая, как есть; она ни в каком смысле не должна быть более совершенной. Само желание показывает непонимание любви и природы. Как ты можешь усовершенствовать круг? Все круги совершенны; если они не совершенны, это не круги. Совершенство свойственно кругу, и тот же закон верен в отношении любви. Ты не можешь любить меньше, не можешь любить больше - потому что это не количество. Это качество, которое неизмеримо. Твой вопрос показывает, что ты никогда не переживал опыта любви и пытаешься скрыть свою "любовную недостаточность" за желанием знать, "как любить лучше". Ни один человек, который знает, что такое любовь, не мог бы задать такого вопроса.

Любовь нужно понимать не как биологическое волнение - это похоть. Это есть во всех животных; в этом нет ничего особенного; это есть в деревьях. Это способ, которым природа воспроизводит себя. В этом нет ничего духовного и ничего особенно человеческого. Поэтому прежде всего нужно сделать ясное и четкое разграничение между похотью и любовью. Похоть - это слепая страсть; любовь - это аромат молчаливого, мирного,

медитативного сердца. Любовь не имеет ничего общего с биологией, химией или гормонами.

Любовь – это полет твоего сознания в высшие царства, за пределы материи и за пределы тела. В то мгновение, как ты понимаешь любовь как нечто трансцендентальное, любовь больше не становится основным вопросом. Теперь основной вопрос в том, как трансцендировать тело, как узнать в себе нечто запредельное – за пределами всего измеримого. Именно в этом смысл слова материя. Оно происходит от санскритского слова матра, которое означает измерение; оно означает то, что можно измерить. Слово метр произошло от того же корня. Основной вопрос в том, как выйти за пределы измеримого и войти в неизмеримое. Другими словами, как выйти за пределы материи и открыть глаза к большему сознанию. У сознания нет предела – чем более ты сознателен, тем более осознаешь, насколько большее возможно впереди. И когда ты достигаешь одной вершины, перед тобой появляется другая. Это вечное паломничество.

Любовь – это побочное следствие поднимающегося сознания. Она точно как аромат цветка. Не ищи его в корнях; его там нет. Твоя биология – это твои корни; твое сознание – это твое цветение. По мере того как ты становишься более и более раскрывшимся лотосом сознания, ты будешь удивлен – ошарашен – великим опытом, который можно назвать только любовью. Ты так полон радости, так полон блаженства, и каждый фибр твоего существа танцует в экстазе. Ты точно как дождевое облако, которое хочет пролиться. В то мгновение, когда тебя переполняет блаженство, возникает великая жажда им поделиться. Когда ты им делишься – это и есть любовь.

Любовь – не что-то такое, что ты можешь получить от кого-то, кто не достиг блаженства. И в этом несчастье всего мира: каждый просит любви и притворяется любящим. Ты не можешь любить, потому что не знаешь, что такое сознание. Ты не знаешь сатъям, шивам, сундарам; ты не знаешь истины, ты не знаешь опыта божественного и не знаешь аромата красоты. Что ты можешь дать? Ты такой пустой, такой польй... Ничто не растет в твоём существе, ничто не зеленеет. У тебя внутри нет цветов; твоя весна еще не пришла.

Любовь – это побочное следствие. Когда приходит весна, и ты внезапно начинаешь цвести, распускаться и высвобождать потенциальный аромат – делиться этим ароматом, делиться этим изяществом, делиться этой красотой – это и есть любовь.

Не хочу тебя обидеть, но я ничего не могу сделать, я должен сказать тебе правду: ты не знаешь, что такое любовь. Ты не можешь этого знать, потому что еще не вошел глубже в сознание. Ты не пережил опыта самого себя, ты ничего не знаешь о том, кто ты такой. В этой слепоте, в этом невежестве, в этой бессознательности любовь не растет. Место, в котором ты живешь, – пустыня. В этой темноте, в этой пустыне нет никакой возможности того, чтобы расцвела любовь.

Сначала ты должен стать полным света, полным радости – полным настолько, чтобы они начали переполнять тебя. Это переполнение энергией и есть любовь. Тогда любовь познается как величайшее в мире совершенство. Она никогда не меньше, никогда не больше.

Но само твое воспитание так невротично, так психологически нездорово, что разрушает все возможности внутреннего роста. Тебя с самого начала учат быть перфекционистом, и тогда, естественно, ты начинаешь применять свои невротические идеи ко всему, даже к любви.

На днях я прочитал такую фразу: Перфекционист – это человек, который подвергает себя большим мучениям, и еще большим мучениям подвергает других. А в результате получается просто несчастный мир!

Каждый пытается быть совершенным. А в то мгновение, когда кто-то пытается быть совершенным, он начинает ожидать, чтобы совершенными были все остальные. Он начинает осуждать людей, он начинает унижать людей. Именно это веками делали ваши так называемые святые. Именно это с вами сделали ваши так называемые религии – отравили ваше существо идеей совершенства. Поскольку ты не можешь быть совершенным, ты начинаешь чувствовать себя виноватым, теряешь уважение к себе. А человек, который потерял уважение к

себе, потерял все человеческое достоинство. Твоя гордость раздавлена, твоя человечность уничтожена такими красивыми словами как совершенство. Человек не может быть совершенным. Да, есть вещи, которые человек может пережить, но которые за пределами обычной концепции человека. Пока человек не испытает и нечто от божественного, он не может знать совершенства.

Совершенство – это не что-то подобное дисциплине; это не что-то такое, что ты можешь практиковать. Это не что-то такое, что ты должен репетировать. Но именно этому учат каждого, и в результате получается мир, полный лицемеров, которые прекрасно знают, что они полны и пусты, но продолжают притворяться, что в них есть все возможные качества, которые на самом деле – не более чем пустые слова.

Когда ты кому-то говоришь: "Я тебя люблю", думал ли ты когда-нибудь, что ты под этим подразумеваешь? Только биологическое влечение между двумя полами? Тогда, как только ты удовлетворишь свой животный аппетит, вся так называемая любовь исчезнет. Это был только голод, ты удовлетворил голод, и все кончено. Та же самая женщина, которая казалась самой красивой в мире, тот же самый мужчина, который выглядел как Александр Великий, – ты начинаешь думать о том, как избавиться от этого парня!

Очень просветляющим будет понять письмо, которое Пэдди написал своей возлюбленной Маврин:

Дорогая Маврин,

Ради тебя я взобрался бы на самую высокую гору и переплыл бы самое широкое море. Я вынес бы любые лишения за мгновение рядом с тобой. P.S. Я найду встретиться с тобой в четверг, если не будет дождя.

В то мгновение, когда ты кому-то говоришь: "Я тебя люблю", ты не знаешь, что говоришь. Ты не знаешь, что это просто похоть, скрывающаяся за прекрасным словом, любовь. Она исчезнет. Она очень мимолетна.

Любовь – это нечто вечное. Это опыт будд, не бессознательных людей, которые наполняют мир. Лишь очень немногие люди в мире полны любви. Лишь очень немногие люди познали, что такое любовь, и это те самые люди, которые более всех пробуждены, более всех просветлены, – высочайшие вершины человеческого сознания.

Если ты действительно хочешь знать любовь, забудь о любви и помни медитацию. Если ты хочешь принести розы в свой сад, забудь о цветах розы и позаботься о розовом кусте. Дай ему питание, поливай его, позаботься о том, чтобы он получал нужное количества солнца, воды. Если обо всем позаботиться, когда придет время, обязательно появятся и розы. Нельзя вызвать их цветение раньше времени, нельзя принудить их раскрыться скорее. И нельзя попросить розовый куст быть более совершенным.

Видел ли ты когда-нибудь розовый куст, который не был бы совершенным? Чего же большего ты хочешь? Каждый розовый куст совершенен в своей уникальности. Танцуй на ветру, под дождем, на солнце... неужели ты не видишь этой великой красоты, этой абсолютной радости? Небольшой, обычный розовый куст излучает скрытое великолепие существования.

Любовь – это роза твоего существа. Но подготовь свое существо – рассей темноту и бессознательность. Становись более и более бдительным и осознанным, и любовь придет сама собой, в свое время. Тебе не нужно о ней беспокоиться. И когда бы она ни пришла, она всегда будет совершенной.

Любовь – это духовный опыт, не имеющий ничего общего с полами и телами, но связанный с глубочайшим внутренним существом. Но ты не вошел еще даже в свой собственный храм. Ты совсем не знаешь, кто ты такой, а пытаешься узнать, как лучше любить. Сначала будь собой; прежде всего узнай себя, и любовь придет как награда. Это награда из запредельного. Она изливается на тебя, словно цветы... наполняет твое существо. И она продолжает на тебя изливаться, и вместе с ней приходит великая жажда ею поделиться. На человеческом языке на эту жажду можно указать только словом любовь. Это мало что говорит, но указывает в правильном направлении.

Любовь – это тень бдительности, сознания. Будь более сознательным, и любовь начнет появляться по мере того, как ты становишься более сознательным. Это гость, который приходит, обязательно приходит к тем, кто готов его принять. Ты не готов еще даже его узнать! Если любовь придет к твоим дверям, ты не узнаешь ее. Если любовь постучится в твои двери, ты можешь найти тысячу и один предлог; ты не откроешь двери. И даже если ты откроешь двери, то не узнаешь любовь, потому что никогда раньше не видел любви; как ты можешь ее узнать?

Ты можешь узнать только то, что уже знаешь. Когда любовь приходит впервые и наполняет твое существо, ты абсолютно ошеломлен ее тайной. Ты не знаешь, что происходит. Ты знаешь, что твое сердце танцует, ты знаешь, что тебя окружает небесная музыка, ты знаешь ароматы, которых никогда не знал раньше. Но некоторое время требуется для того, чтобы связать все эти опыты вместе и вспомнить, что, может быть, именно это и есть любовь. Мало-помалу это просачивается в твое существо.

Только мистики знают любовь. Кроме мистиков, нет категории человеческих существ, которые переживали бы любовь. Любовь – это абсолютная монополия мистиков. Если ты хочешь узнать любовь, тебе придется войти в мир мистика.

Иисус говорит: "Бог есть любовь". Он был учеником мистической школы эссеев, древней школы мистиков. Но, может быть, он не закончил мистической школы, потому что то, что он говорит, не совсем правильно. Не Бог есть любовь, любовь есть Бог – и разница огромна; это не просто перемещение слов. В то мгновение, когда ты говоришь, что Бог есть любовь, ты просто говоришь, что любовь – это только один из атрибутов Бога. Он также и мудрость, он также и сострадание, и прощение, он может быть миллионами других вещей, кроме любви; любовь – это только один из атрибутов Бога.

Фактически даже делать любовь небольшим атрибутом Бога неправильно, потому что если Бог есть любовь, тогда он не может быть "справедливым". Если Бог есть любовь, тогда он не может быть достаточно жестоким, чтобы бросить грешников в вечный ад. Если Бог есть любовь, тогда Бог не может быть законом. Один из великих суфийских мистиков, Омар Хайам, показывает больше понимания, чем Иисус, когда говорит: "Я буду просто продолжать быть собой. Я не собираюсь обращать никакого внимания на священников и проповедников, потому что доверяю, что любовь Бога достаточно велика; я не могу совершить никакого греха большего, чем его любовь. Так о чем беспокоиться? – наши руки так малы, и наши грехи так малы. Пределы нашей досягаемости так малы; как мы можем совершить грехи, которых Бог не может простить? Если Бог есть любовь, тогда он не может присутствовать на последнем судном дне, чтобы отделить святых и бросить навечно в ад миллионы и миллионы других людей".

Учение эссеев прямо противоположно; Иисус цитирует их неправильно. Может быть, он не был глубоко укоренен в их учениях. Их учением было: "Любовь есть Бог". Это так глубоко отличается. Теперь Бог становится только атрибутом любви; теперь Бог – только качество этого огромного опыта любви. Теперь Бог больше не человек, но только опыт тех, кто познал любовь. Теперь Бог становится вторичным по отношению к любви. И я вам говорю, эссеи правы. Любовь – это предельная ценность, конечное цветение. Нет ничего не ее пределами; поэтому ты не можешь ее усовершенствовать. Фактически, прежде чем этого достигнуть, тебе придется исчезнуть. Когда будет любовь, не будет тебя.

Великий восточный мистик Кабир сказал очень значительные слова – слова, которые может сказать лишь тот, кто пережил опыт, кто реализовал, кто вошел в святая святых предельной реальности. Вот эти слова: "Я искал истину, но, странно сказать, пока был ищущий, истина не находилась. А когда истина была найдена, я оглянулся вокруг... Я отсутствовал. Когда истина была найдена, ищущего больше не было; а когда ищущий был, не было истины".

Истина и ищущий не могут существовать вместе. "Ты" и любовь не могут существовать вместе. Невозможно никакое сосуществование: либо "ты", либо

любовь; ты можешь выбрать. Если ты готов исчезнуть, расплавиться и слиться, чтобы от тебя осталось только чистое сознание, любовь расцветет. Ты не можешь ее усовершенствовать, потому что тебя не будет. И прежде всего она не нуждается в усовершенствовании; она всегда приходит совершенной.

Но любовь – это одно из тех слов, которые каждый использует и никто не понимает. Родители говорят детям: "Мы вас любим" – а это те самые люди, которые разрушают детей. Это те самые люди, которые дают детям все возможные предрассудки, все возможные мертвые суеверия. Это те самые люди, которые обременяют детей всем возможным грузом мусора, который носили многие поколения и каждое поколение передавало следующему. Это безумие продолжается... груз продолжает становиться громаднее и громаднее.

И все же родители думают, что любят своих детей. Если бы они действительно любили детей, они не хотели бы, чтобы дети были их собственными образами, потому что они сами просто несчастны, и ничего больше. Каким был их опыт жизни? Сущее несчастье, страдание... жизнь была для них не благословением, а проклятием. И все же они хотят, чтобы их дети были точно как они сами.

Я был гостем в одной семье. Я сидел вечером в саду. Солнце садилось, вечер был красивый и тихий. Птицы возвращались на деревья, и маленький ребенок этой семьи сидел рядом со мной. Я просто спросил его:

– Знаешь ли ты, кто ты такой?

Дети яснее, восприимчивее, чем взрослые, потому что взрослые уже отравлены, развращены, загрязнены всеми видами идеологий, религий. Этот маленький ребенок посмотрел на меня и сказал:

– Ты задаешь мне очень трудный вопрос.

– В чем же трудность? – спросил я.

– Трудность в том, – сказал он, – что я единственный ребенок моих родителей, и, насколько я только помню, каждый раз, когда приходят какие-то гости, кто-то говорит, что носом я похож на отца, кто-то говорит, что я похож на мать, кто-то говорит, лицом я похож на дядю. И я не знаю, кто я такой, потому что никто никогда не говорит ни о чем во мне, что похоже на меня самого.

Но именно это делают с каждым ребенком. Вы не оставляете ребенка в покое, чтобы он пережил самого себя, вы не позволяете ребенку стать самим собой. Вы продолжаете нагружать ребенка своими неосуществленными амбициями. Каждый родитель хочет, чтобы ребенок был его собственным подобием. Но у ребенка есть свое собственное предназначение; если он станет твоим подобием, он никогда не станет самим собой. А не став самим собой, ты никогда не испытаешь удовлетворенности; ты никогда не будешь чувствовать себя как дома в существовании. Ты всегда будешь оставаться в состоянии, когда тебе чего-то не хватает.

Твои родители тебя любят, и они говорят тебе, что ты тоже должен их любить, потому что они твои отцы и матери. Это странное явление, и кажется, никто его не осознает: только то, что ты мать, не значит, что ребенок должен тебя любить. Ты должна быть достойной любви; просто быть матерью недостаточно. Ты можешь быть отцом, но это не значит автоматически, что ты достоин любви. Только то, что ты отец ребенка, не создаст в нем огромного чувства любви. Но этого ожидают... бедный ребенок не знает, что ему делать. Он начинает притворяться; это единственный возможный путь. Он начинает улыбаться, когда в его сердце нет улыбки; он начинает показывать любовь, уважение, благодарность – и все это просто ложно. Он с самого начала становится актером, лицемером, политиком. Все мы живем в мире, где родители, учителя, священники – каждый тебя развращает, сбивает с толку, уводит прочь от самого себя. Мое усилие в том, чтобы снова дать тебе твой собственный центр. Я называю это центрирование "медитацией". Я хочу, чтобы ты просто был самим собой, с огромным самоуважением, с достоинством от знания того, что существование нуждается в тебе – и тогда ты можешь начать искать самого себя. Сначала приди в центр, затем начни искать, кто ты такой.

Знать свое оригинальное лицо – это начало настоящей любви, жизни празднования. Ты сможешь дать столько любви – потому что это не что-то, что можно исчерпать. Она неизмерима, ее нельзя исчерпать. И чем больше ты ее отдаешь, тем более становишься способным давать еще больше.

Величайший в жизни опыт – это когда ты просто отдаешь без всяких условий, без всяких ожиданий, даже не ожидая простого "спасибо". Напротив, настоящая, подлинная любовь чувствует себя обязанной по отношению к человеку, который принял его любовь. Он мог ее отвергнуть.

Когда ты начинаешь отдавать любовь с глубоким чувством благодарности всем тем, кто ее принимает, ты будешь удивлен тем, что стал императором – ты больше не нищий, просящий любви с нищенской сумой, стучащийся в каждую дверь. И те люди, в двери которых ты стучишься, не могут дать тебе любви; они сами нищие. Нищие просят любви друг у друга и чувствуют себя разочарованными, гневными, потому что любовь не приходит. Но это неизбежно. Любовь принадлежит миру императоров, не нищих. А человек становится императором, когда он настолько полон любви, что может отдавать ее без всяких условий.

Тогда приходит еще большая неожиданность: когда ты начинаешь отдавать любовь всем, даже незнакомцам – вопрос не в том, кому ты ее даешь, просто сама радость давать так велика, что какая разница, кто окажется на воспринимающей стороне? Когда это состояние приходит в твое существо, ты продолжаешь давать всем и каждому – не только человеческим существам, но и животным, деревьям, дальним звездам, потому что любовь – это что-то такое, что можно передать самой дальней из звезд просто любящим взглядом. Одним прикосновением любовь можно передать дереву. Не говоря ни единого слова... ее можно передать в абсолютном молчании. Ничего не нужно говорить, она сама о себе объявляет. У нее есть собственные способы достичь глубины, проникнуть в твое существо.

Сначала будь полным любви, и тогда случится так, что ты начнешь делиться. И тогда великая неожиданность... что когда ты отдаешь, то начинаешь получать из неведомых источников, из неведомых уголков, от неизвестных людей, от деревьев, рек, гор. Из всех уголков и закутков существования любовь начинает изливаться на тебя. Чем больше ты даешь, тем больше получаешь. Жизнь становится сущим танцем любви.

ОТ СВЯЗИ К БЫТИЮ ВМЕСТЕ

В то мгновение, как ты больше ни от кого не зависишь, внутри воцаряются глубокое спокойствие и глубокое молчание, расслабленное позволение. Это не значит, что ты прекращаешь любить. Напротив, впервые ты узнаешь новое качество, новое измерение любви – любви, которая больше не движима биологией, любви, которая ближе к дружественности, чем к любого рода связи. Именно поэтому я даже не говорю "дружественная связь", потому что эта "связь" утопила столько людей.

Медовый Месяц, который никогда не кончается

Любовь – это не связь. Любовь связывает, но не становится связью. Связь – это нечто законченное. Связь это существительное; поставлена точка, и медовый месяц кончился. Теперь нет больше никакой радости, никакого энтузиазма, теперь все кончено. Что-то продолжается лишь ради исполнения обещаний. Может быть, что-то продолжается, потому что так удобнее, комфортнее, уютнее. Может быть, что-то продолжается, потому что тебе не остается ничего другого. Может быть, что-то продолжается, потому что если это прервать, будет столько проблем... Связь означает нечто завершенное, законченное, закрытое.

Любовь никогда не связь; любовь – это бытие вместе. Это всегда река, текущая, нескончаемая. Любовь не знает никаких точек; медовый месяц начинается, но не кончается никогда. Это не роман, который на определенной странице начался и на определенной странице кончился. Это продолжающееся явление. Кончаются влюбленные, любовь же продолжается – это нескончание. Это глагол, не существительное.

Почему мы низводим красоту бытия вместе до связи? Почему мы так спешим? Потому что бытие вместе рискованно, а связь предлагает безопасность. В связи есть определенность; бытие вместе – только встреча двух

незнакомцев; может быть, просто остановка на ночлег, за которой утром последует расставание. Кто знает, что будет завтра утром? И мы так боимся, что хотим все сделать определенным, предсказуемым. Мы хотим, чтобы завтрашний день соответствовал нашим идеям; мы не оставляем ему никакой свободы решить по-своему. Поэтому мы тотчас же низводим любой глагол до существительного.

Стоит вам влюбиться в женщину или в мужчину, как вы тут же начинаете думать о том, чтобы пожениться, сделать это законным контрактом. Почему? Каким образом в любовь входит закон? Закон входит в любовь, потому что никакой любви нет. Это только фантазия, и вы знаете, что фантазия исчезнет. Прежде чем она исчезла, нужно ее закрепить, прежде чем она исчезла, нужно что-то предпринять, чтобы расстаться стало невозможно. В лучшем мире, где люди более медитативны, и на Земле немного больше просветления, люди будут любить, любить безмерно, но их любовь будет оставаться бытием вместе, не связью. И я не говорю, что их любовь будет лишь на мгновение. Очень возможно, что их любовь может быть гораздо глубже вашей любви, в ней может быть высшее качество близости, в ней может быть больше от поэзии и божественности. И очень возможно, что их любовь будет длиться дольше, чем ваши так называемые связи. Но этого не будут гарантировать закон, суд, полицейский. Гарантии будут внутренними. Любовь будет преданностью сердца, молчаливой сопричастностью.

Если бытие вместе с кем-то приносит радость, тебе захочется испытывать больше и больше радости. Если близость приносит радость, тебе захочется исследовать эту близость глубже и глубже. И есть некоторые цветы любви, которые расцветают лишь после долгой близости. Есть и однолетние цветы; шесть недель они цветут на солнце, но через шесть недель уходят навсегда. Есть цветы, которым, чтобы расцвести, нужны годы, а есть цветы, которым нужны многие годы. Чем больше требуется времени, тем любовь глубже. Но это должно быть преданностью одного сердца другому сердцу. Этого не нужно даже облекать в слова, потому что облекать в слова значит профанировать. Это должно быть молчаливой преданностью; глаза - в глаза, сердце - в сердце, существо - в существо. Это нужно понимать, не говорить. Забудьте о связях и научитесь бытию вместе.

Стоит вам оказаться в связи, как вы начинаете принимать другого как должное - и это разрушает все любовные романы. Женщина думает, что знает мужчину, мужчина думает, что знает женщину. Никто никого не знает! Невозможно знать другого, другой остается тайной. А принимать другого как должное - оскорбительно, неуважительно.

Думать, что ты знаешь свою жену, - очень, очень неблагоприятно. Как ты можешь знать эту женщину? Как ты можешь знать этого мужчину? Это процессы, не вещи. Этой женщины, которую ты знал вчера, сегодня больше нет. Столько воды утекло в Ганге; это другой человек, совершенно другой. Будь вместе с ней снова, начни сначала, не принимай ее как должное. И мужчина, с которым ты спала прошлой ночью... посмотри на его лицо утром. Он больше не тот же человек, многое изменилось. Столь многое, неизмеримо многое изменилось. В этом разница между вещью и человеком. Мебель в комнате остается прежней, но мужчина и женщина - они больше не прежние. Исследуй с самого сначала, начни сначала. Именно это я подразумеваю под бытием вместе.

Бытие вместе означает, что вы всегда начинаете сначала, постоянно пытаетесь познакомиться. Снова и снова вы представляетесь друг другу. Вы пытаетесь увидеть многие стороны личности друг друга. Вы пытаетесь проникнуть глубже и глубже во внутренние царства чувств друг друга, в глубокие тайники существа. Вы пытаетесь разгадать тайну, которую разгадать нельзя. Это радость любви: исследование сознания.

И если ты с кем-то вместе, не низводи этого до связи, и тогда другой станет для тебя зеркалом. Исследуя его, неосознанно ты будешь исследовать и самого себя. Проникая глубже в другого, узнавая его чувства, его мысли, его глубинные течения, ты будешь узнавать и собственные глубинные течения. Влюбленные становятся друг для друга зеркалом, и тогда любовь превращается в медитацию.

Связь безобразна, бытие вместе красиво.

В связи оба ее участника остаются слепыми друг к другу. Только подумай, сколько времени прошло с тех пор, как ты смотрел в глаза своей жене? Сколько времени прошло с тех пор, когда ты смотрела в глаза мужу? Может быть, годы. Кто смотрит в глаза собственной жене? Ты уже принял как должное, что знаешь ее; что еще теперь ты можешь увидеть? Незнакомые люди интересуют тебя больше, чем те, кого ты знаешь, – ты знаешь всю топографию их тел, знаешь, как они откликаются, и знаешь, что все происшедшее будет происходить снова и снова. Это повторяющийся круг. Это не так, не совсем так. Ничто никогда не повторяется; все каждый день остается новым. Старыми становятся лишь твои глаза, старыми остаются лишь твои предпосылки, и на твоём зеркале собирается пыль, и ты теряешь способность отражать другого.

Поэтому я говорю: будьте вместе. Под этим я подразумеваю постоянный медовый месяц. Продолжайте исследовать и идти в глубь друг друга, находя новые способы любить друг друга, находя новые способы быть друг с другом. И каждый человек – такая бесконечная тайна, неисчерпаемая, непостижимая, что никогда невозможно сказать: "Я ее знаю", или: "Я его знаю". Самое большее, ты можешь сказать: "Я сделал, что только мог, но тайна остается тайной".

Фактически, чем больше ты знаешь, тем таинственнее становится другой. Тогда любовь – постоянное приключение.

От похоти к Любви, от Любви к Любящему Бытию

Любовь почти невозможна в обычном состоянии человеческого ума. Любовь возможна, лишь когда человек достиг существа, не прежде. До этого это всегда что-то другое. Мы продолжаем называть это любовью, но некоторые вещи называть любовью глупо.

Мужчина влюбляется в женщину, потому что ему нравится ее походка или ее голос, или то, как она здороваётся, или ее глаза. Как раз на днях я прочитал, что одна женщина сказала о мужчине: "У него самые красивые в мире брови". В этом нет ничего плохого – брови могут быть красивыми, но если ты влюбляешься в брови, рано или поздно ты будешь разочарована, потому что брови не существенная часть этого человека.

И из-за стольких несущественных вещей люди влюбляются! Форма, глаза... это несущественные вещи. Потому что если ты живешь с человеком, ты живешь не с пропорциями тела; ты живешь не с бровями и не с цветом волос. Когда ты живешь с человеком, этот человек – большое и безграничное явление... почти неопределимое, и эти незначительные вещи на периферии рано или поздно становятся бессмысленными. Но тогда внезапно человек изумлен: что теперь делать?

Каждая любовь начинается романтично. К тому времени как медовый месяц кончается, кончается все, потому что человек не может жить с романтикой. Человек должен жить с реальностью – а реальность совершенно другая. Когда ты видишь человека, ты не видишь этого человека во всей его полноте; ты видишь лишь поверхность. Это все равно что влюбиться в машину из-за ее цвета. Ты даже не заглянул под крышку; может быть, в ней вообще нет двигателя, или, может быть, есть какой-то дефект. Цвет машины в конечном итоге не играет роли.

Когда два человека оказываются вместе, сталкиваются их внутренние реальности, и внешние вещи становятся бессмысленными. Что делать с бровями, с волосами и прической? Ты почти начинаешь о них забывать. Они больше не привлекают тебя, потому что они есть все время. Чем больше ты узнаешь другого человека, тем больше пугаешься, потому что ты узнаешь его безумие, а он узнает твое. Тогда оба чувствуют себя обманутыми, и оба злятся. Оба они начинают мстить друг другу, словно другой их обманул или одурачил. Никто никого не обманывает, хотя каждый оказывается обманутым. Одна из самых основных вещей, которые нужно осознать, – это что когда ты любишь человека, то любишь потому, что этот человек недоступен. Теперь этот человек доступен; как может продолжаться любовь?

Тебе хотелось разбогатеть, потому что ты был беден, – все желание разбогатеть возникало из бедности. Теперь ты богат, и тебе все равно. Или

подумай об этом по-другому... Ты голоден и одержим едой. Но когда ты хорошо себя чувствуешь и твой желудок полон, какая тебе разница? Какое тебе дело до еды?

То же самое происходит с твоей так называемой любовью. Ты гонишься за женщиной, а женщина продолжает отступать, бежать от тебя. Ты все больше разгорячаешься и гонишься изо всех сил. А это просто часть игры. Каждая женщина инстинктивно знает, что должна убегать, чтобы погоня продолжалась подольше. Конечно, она не убежит настолько, чтобы ты совершенно забыл о ней, - она останется на виду, завлекая, волнуя, призывая, приглашая - и все же убегая.

Таким образом, сначала мужчина гонится за женщиной, а женщина пытается убежать. Как только мужчина ловит женщину, тотчас же прилив меняется. Тогда мужчина начинает убегать, а женщина за ним гнаться: "Куда ты? С кем ты разговариваешь? Почему ты опоздал? С кем ты был?"

И вся проблема в том, что оба они привязались друг к другу, потому что были друг другу неизвестны. Неизвестное было привлекательно, незнакомое было привлекательно. Теперь оба они хорошо знают друг друга. Они много раз занимались любовью, и теперь это становится почти повторением - самое большее привычкой, расслаблением, но романтики больше нет. Им становится скучно. Мужчина стал привычкой, женщина стала привычкой. Они не могут жить друг без друга из-за этой привычки, и они не могут жить вместе, потому что нет никакой романтики.

Именно в этой точке нужно понять, было это любовью или нет. И не обманывай себя; в этом должна быть полная ясность. Если это была любовь, или хотя бы часть была любовью, эти вещи пройдут. Тогда ты должен понять, что это естественные вещи. Тогда злиться не на что. И ты по-прежнему любишь этого человека. Даже если ты знаешь этого человека, ты все равно любишь его или ее.

Фактически, если есть любовь, ты любишь человека, потому что знаешь его. Если любовь есть, она выживает. Если ее нет, она исчезает. В обоих случаях все хорошо.

Для ума в обычном состоянии то, что я называю любовью, невозможно. Любовь происходит, только когда ты находишься в очень интегрированном состоянии существа. Любовь - это функция интегрированного существа. Это не романтика, это не имеет ничего общего с этими глупостями. Любовь идет прямо к человеку и заглядывает в его душу. Тогда любовь - это своего рода сонстроенность с внутренним существом другого человека - но тогда все совершенно по-другому. Каждая любовь может в это вырасти, должна в это вырасти, но в девяноста девяти случаев любви из ста она никогда не дорастает до этой точки. Беспорядок и проблемы так велики, что разрушают все.

Но я не говорю, что человек должен цепляться. Человек должен быть бдительным и осозанным. Если твоя любовь состоит из этих дурацких вещей, она исчезнет. Она не стоит того, чтобы о ней беспокоиться. Но если она настоящая, тогда она выживет во всех трудностях. Таким образом, просто наблюдай...

Дело не в любви. Дело в осознанности. Это может быть только ситуацией, в которой твоя осознанность будет расти, и ты будешь становиться более бдительным в отношении самого себя. Может быть, эта любовь исчезнет, но следующая любовь будет лучше; ты будешь выбирать с лучшим сознанием. Или, может быть, эта любовь, с лучшим сознанием, изменит свое качество. Таким образом, что бы ни случилось, человек должен оставаться открытым.

В любви есть три измерения. Одно измерение - животное: это только похоть, физическое явление. Другое измерение человеческое: оно выше похоти, выше сексуальности, выше чувственности. Это не эксплуатация другого как средства. Первое было только эксплуатацией; другой использовался как средство. Во втором измерении другой не используется как средство, другой тебе равен. Другой настолько же сам по себе цель, что и ты сам, и любовь не эксплуатация, но взаимный обмен существом, радостями, музыкой, сущей поэзией жизни. Это взаимная щедрость.

Первое измерение полно чувства собственности, второе его лишено. Первое создает рабство, второе дает свободу. И третье измерение любви – божественно, богоподобно: когда объекта любви нет, когда любовь вообще не отношения, когда любовь становится состоянием твоего существа. Ты просто любящий – не влюбленный в кого-либо в частности, но просто в состоянии любви, и что бы ты ни делал, ты делаешь это с любовью; кого бы ты ни встретил, ты встречаешь его с любовью. Даже скалы ты касаешься, словно возлюбленной; даже на деревья ты смотришь полными любви глазами. В первом измерении другого используют как средство; во втором другой больше не средство, а цель; в третьем другой полностью исчезает. Первое измерение создает оковы, второе дает свободу, третье уходит за пределы двух первых: это трансценденция всей двойственности. Тогда нет ни влюбленного, ни возлюбленного, есть лишь любовь.

Это высочайшее состояние любви, и это цель жизни, которой нужно достичь. Большинство людей остаются ограниченными первым состоянием. Очень редкие люди входят во второе, и редчайшее явление – то, что я называю третьим. Только Будда, Иисус... Изредка встречаются немногие люди – и их можно сосчитать по пальцам, – которые вошли в третье измерение любви. Но если твои глаза остаются сфокусированными на этой далекой звезде, это возможно. И когда это становится возможным, ты осуществлен. Тогда жизнь ничего не лишена, и в этой осуществленности – радость, вечная радость. Ее не может разрушить даже смерть.

Пусть будут Промежутки

Пусть будут промежутки в вашем бытии вместе.

И пусть ветры небес танцуют между вами.

Любите друг друга, но не делайте из любви оков.

Пусть лучше она будет течением моря между берегами ваших душ.

Если бытие вместе – не из похоти, ваша любовь будет становиться глубже с каждым днем. Похоть уменьшает все, потому что биологию не интересует, остаетесь вы вместе или нет. Весь ее интерес в воспроизведении; для него любви не нужно. Вы можете продолжать производить детей без всякой любви. Я наблюдал всевозможных животных. Я жил в лесах, в горах, и это всегда меня озадачивало: каждый раз, когда они занимаются любовью, они выглядят очень печальными. Я никогда не видел, чтобы животные занимались любовью радостно; их словно заставляет это делать какая-то неведомая сила. Это не их собственный выбор; для них это не свобода, это рабство. Это делает их печальными.

То же самое я заметил в человеке. Видели ли вы мужа и жену в дороге? Вы можете не знать, действительно ли они муж и жена, но если оба они печальны, это можно сказать с уверенностью.

Я путешествовал из Дели в Шринагар. В моем кондиционированном купе было только два сиденья, и одно из них было забронировано для меня. Пришла пара, красивая женщина и молодой, красивый мужчина. Оба они не могли разместиться в этом маленьком купе, поэтому мужчина оставил женщину и ушел в другое. Но он приходил на каждой станции, приносил сладости, фрукты, цветы.

Я наблюдал всю эту сцену. Я спросил эту женщину:

– Сколько вы женаты?

Она сказала:

– Около семи лет.

Я сказал:

– Не лгите мне! Вы можете обмануть кого угодно, но только не меня. Вы не женаты.

Она была потрясена. Услышать такое от незнакомца, с которым вы не обменялись ни словом... который просто наблюдал. Она сказала:

– Откуда вы знаете?

– Нет ничего проще, – сказал я. – Если бы он был вашим мужем, он бы исчез, и если бы он появился снова на станции, на которой вам выходить, это было бы удачей!

Она сказала:

- Вы не знаете меня, я не знаю вас. Но то, что вы говорите, правда. Он мой любовник. Он друг моего мужа.

- Это похоже на правду... - сказал я.

Что идет не так между мужьями и женами? Это не любовь, и каждый называет это любовью, словно знает, что такое любовь. Это сущая похоть. Вскоре вы надоедаете друг другу. Биология заманила вас в ловушку воспроизведения, и вскоре не остается ничего нового - то же самое лицо, та же самая география, та же самая топография. Сколько раз ты ее исследовал? Весь мир печален из-за брака, и весь мир продолжает оставаться в неведении относительно причины этой печали.

Любовь - одно из самых таинственных явлений. О такой любви говорит Аль-Мустафа. Тебе не может быть скучно, потому что это не похоть.

Аль-Мустафа говорит: Пусть будут промежутки в вашем бытии вместе.

Будьте вместе, но не пытайтесь главенствовать, не пытайтесь владеть и не разрушайте индивидуальность друг друга.

Когда вы вместе, пусть будут промежутки... Муж возвращается поздно; нет никакой необходимости, никакой нужды в том, чтобы жена спрашивала, где он был, почему он пришел поздно. У него есть собственное пространство, он - свободная индивидуальность. Две свободные индивидуальности живут вместе, и никто не вторгается в пространство другого. Если жена приходит поздно, не нужно ее спрашивать: "Где ты была?" Кто ты такой? - у нее есть собственное пространство, собственная свобода.

Но это происходит каждый день, в каждом доме. Из-за мелочей люди ссорятся, но глубоко по сути они не готовы позволить друг другу иметь свое пространство.

У людей разные вкусы. Твоему мужу может что-то нравиться, а тебе нет. Это не значит, что это должно стать началом ссоры, потому что вы муж и жена, и вы должны любить одни и те же вещи. И все эти вопросы... каждый муж возвращается домой и постоянно думает: "Что она спросит? И что я отвечу?" А женщина знает, что она спросит, и что он ответит, и знает, что все эти ответы фальшивые, лживые. Он обманывает ее.

Что это за любовь? - которая всегда подозрительна, всегда боится ревности? Если жена видит тебя с какой-то другой женщиной, - ты просто смеешься, разговариваешь, - этого достаточно, чтобы разрушить весь твой вечер. Ты раскаешься в этом: это слишком большая цена для небольшого смеха. Если муж видит жену с другим мужчиной, и она кажется радостнее, счастливее, этого достаточно, чтобы создать хаос.

Люди не осознают, что они не знают, что такое любовь. Любовь никогда не подозревает, любовь никогда не ревнива. Любовь никогда не вмешивается в свободу другого. Любовь никогда не навязывает ничего другому. Любовь дает свободу, а свобода возможна, только если в вашем бытии вместе есть промежутки.

В этом красота Халилия Джибрана... глубокое прозрение. Если любовь видит, что женщина с кем-то счастлива, ее это должно радовать, потому что любовь хочет, чтобы женщина была счастлива. Любовь хочет, чтобы муж был радостным. Если он просто разговаривает с какой-то женщиной, и ему это приносит радость, его жена должна быть счастлива, и нет речи ни о какой ссоре. Они вместе, чтобы сделать жизни друг друга счастливее, но продолжается прямо противоположное. Кажется, жены и мужья вместе словно для того, чтобы сделать жизни друг друга несчастными и разрушить их. И причина в том, что они не понимают смысла любви.

Но пусть будут промежутки в вашем бытии вместе... Это не противоречие.

Чем больше вы даете друг другу пространства, тем более вы вместе. Чем более вы позволяете друг другу свободы, тем более вы близки. Не близкие враги, но близкие друзья.

И пусть ветры небес танцуют между вами.

Это фундаментальный закон существования - если вы слишком много вместе, не оставляя пространства для свободы, это разрушает цветок любви. Вы его раздавили, вы не дали ему места, чтобы расти.

Недавно ученые открыли, что у животных есть территориальное деление.

Наверное, вы видели, как собаки писают на один столб, на другой столб -

вы думаете, это просто так? Это не так. Они проводят границу: "Это моя территория". Запах их мочи остановит других собак, и они не войдут на их территорию. Если другая собака приблизится к границе, первая собака не обратит на нее внимания. Но один шаг дальше, и начнется драка. И все дикие животные делают то же самое. Даже лев, если ты не пересечешь его границ, не нападет на тебя – ты джентльмен. Но если ты пересечешь его границу, кто бы ты ни был, лев тебя убьет.

Нам еще предстоит открыть территориальное деление людей. Наверное, вы это чувствовали, но это еще научно не утверждено. В таком городе как Бомбей, в пригородном поезде, который так набит и переполнен... люди стоят, очень немногим находится место, чтобы сесть. Но понаблюдайте за людьми, которые стоят, – хотя они очень близко, они пытаются как только возможно избежать касаться друг друга.

По мере того как мир становится переполненным, больше и больше людей сходит с ума, совершает самоубийство или убийство, по той простой причине, что у них недостаточно места для самих себя.

Одна из моих самых любимых книг Рабиндраната Тагора – Акхари Кавита, "Последнее стихотворение". Это не книга стихов, это роман – но очень странный роман, полный прозрения.

Молодая женщина влюбляется и, как это бывает, сразу же они хотят пожениться. Женщина говорит:

– Только при одном условии...

Она очень культурна, образованна, богата. Мужчина говорит:

– Любое условие приемлемо, но я не могу жить без тебя.

Она говорит:

– Сначала выслушай это условие; потом обдумай его. Это необычное условие. Условие состоит в том, что мы не будем жить в одном доме. У меня будет огромное поместье, красивое озеро, окруженное деревьями, садами и лужайками. Я построю тебе дом на одной стороне озера, а сама буду жить на другой.

– Тогда какой смысл жениться? – говорит он.

– Пожениться значит разрушить друг друга, – говорит она. – Я даю тебе твое пространство, а себе оставляю свое собственное. Иногда, гуляя в саду, мы будем встречаться. Иногда, катаясь на лодке по озеру, мы можем встретиться – случайно. Или иногда я могу пригласить тебя на чашку чая, или ты можешь пригласить меня.

– Эта идея просто абсурдна, – говорит он.

– Тогда забудь о свадьбе. Это единственно правильная идея – лишь тогда может наша любовь продолжать расти, потому что мы всегда будем оставаться свежими и новыми. Мы никогда не будем принимать друг друга как должное. У меня есть полное право отклонить твое приглашение, точно как и ты имеешь полное право отклонить мое; свобода каждого из нас никоим образом не нарушена. Между этими двумя свободами растет прекрасное явление любви. Конечно, мужчина не смог этого понять и отбросил эту идею. Но прозрение Рабиндраната то же самое, что и Халилия Джибрана... и они написали это почти в одно и то же время.

Если это возможно – быть одновременно вместе и каждому иметь свое пространство – тогда ветры небес танцуют между вами.

Любите друг друга, но не делайте из любви оков. Это должно быть свободным подарком, отдаваемым или принятым, но не должно быть никакого требования. Иначе очень скоро вы будете вместе, но все же останетесь далекими, как звезды. Никакое понимание вас не связывает; вы не оставили места ни для какого моста.

Пусть лучше любовь будет морем, текущим между берегами ваших душ.

Не делайте ничего статичным. Не делайте из любви рутины. Пусть лучше она будет морем, текущим между берегами ваших душ.

Если у вас могут быть одновременно свобода и любовь, вам больше ничего не нужно. У вас все есть – то, ради чего дана жизнь.

Коан Отношений

Самый лучший коан из всех существующих – это любовь, отношения. Именно так они используются здесь. Отношения – это головоломка без разгадки. Как

бы ты ни пытался ее собрать, ты не сможешь. Никому никогда это не удавалось. Она сделана таким образом, что просто остается головоломкой. Чем более ты пытаешься ее разгадать, тем более таинственной она становится. Чем более ты пытаешься ее понять, тем более она обманчива. Это величайший из всех коанов, которые дзэн дает ученикам, потому что их коаны медитативны - в медитации человек один. Если тебе дан коан отношений, он гораздо сложнее, потому что вас двое - два разных человека, по-разному сделанных, по-разному обусловленных, полярно противоположных друг другу, тянущих друг друга в противоположных направлениях, манипулирующих друг другом, пытающихся владеть, главенствовать... есть тысяча и одна проблема.

В медитации единственная проблема - как быть в молчании, как не попасться в ловушку мыслей. В отношениях тысяча и одна проблема. Если ты молчишь, это проблема. Просто сядь рядом со своей женой и молчи, и ты увидишь - она тут же набросится на тебя: "Почему ты молчишь? Что ты под этим подразумеваешь?" Или начни говорить, и ты окажешься в беде - что бы ты ни сказал, тебя всегда понимают неправильно.

Ни одни отношения никогда не могут прийти к точке, в которой они больше не представляют проблемы. Или если иногда ты видишь отношения, которые пришли к точке, в которой они больше не представляют проблемы, это просто означает, что это больше не отношения. Отношения исчезли - противники устали, они начали принимать вещи такими, как есть. Им стало скучно; они не хотят больше бороться. Они все приняли, они не хотят ничего улучшить. В прошлом люди пытались создать своего рода гармонию принуждением. Именно поэтому веками женщин подавляли - это было способом все уладить. Просто принуди женщину следовать за мужчиной, и никаких проблем нет. Но и это не отношения. Когда женщина больше не независимый человек, проблема исчезает - но исчезает и женщина. Тогда она только вещь для использования; тогда нет никакой радости, и мужчина начинает искать какую-то другую женщину. Если ты когда-нибудь столкнешься со счастливым браком, не доверяй поверхностной видимости. Просто иди немного глубже, и ты будешь удивлен. Я слышал об одном счастливом браке...

Деревенский фермер решил, что пришло время жениться, и вот он оседлал своего мула и отправился в город, чтобы найти жену. Прошло немного времени, и он встретил женщину, на которой женился. Вместе они взобрались на мула и поехали обратно на ферму. Через некоторое время мул уперся и отказался двигаться дальше. Фермер слез, нашел большую палку и стал колотить ею мула, пока тот не поехал.

- Раз, - сказал фермер.

Еще через несколько миль мул снова уперся, и вся сцена повторилась по новой. Получив палки, мул снова поехал, и фермер сказал:

- Два.

Еще через несколько миль мул уперся в третий раз. Фермер слез, велел слезть жене, вынул пистолет и выстрелил мулу в глаз, уложив его на месте.

- Какая глупость! - закричала жена. - Это ценное животное, а ты его убил только потому, что он привел тебя в раздражение! Это глупо, жестоко... - и она некоторое время продолжала в том же духе. Когда она смолкла, чтобы перевести дыхание, фермер сказал:

- Раз.

И говорят, после этого они прожили в счастливом браке всю оставшуюся жизнь!

Это один способ все уладить, и именно так было в прошлом. В будущем будет наоборот - муж должен будет следовать за женой. Но это одно и то же. Отношения - это коан. И ты не сможешь его разрешить, пока не разрешишь более фундаментальные вещи в самом себе. Проблема любви может быть разрешена, только если разрешена проблема медитации, не прежде. Потому что проблемы создают именно два немедитативных человека. Два человека, которые в замешательстве, которые не знают, кто они такие, - естественно, они преумножают замешательство друг друга, увеличивают его.

Пока не достигнута медитация, любовь остается несчастьем. Как только ты научился жить один, как только научился наслаждаться просто существованием, совершенно без причины, тогда есть возможность разрешить и вторую, более сложную проблему двух человек вместе. Только двое медитирующих могут любить друг друга – и тогда любовь не будет коаном. Но тогда это будут и не отношения, по крайней мере не в том смысле, в каком понимаете их вы. Это будет просто состояние любви, не состояние отношений.

Таким образом, я понимаю все эти проблемы отношений. Но я поощряю людей двигаться в эти проблемы, потому что эти проблемы заставят вас осознать фундаментальную проблему – что глубоко внутри загадкой остаешься ты сам. А другой – это просто зеркало. Трудно узнать свои проблемы прямо, очень легко узнать их в отношениях. Появляется зеркало: ты можешь увидеть в зеркале свое лицо, и другой может увидеть в зеркале свое лицо. И оба приходят в гнев, потому что видят уродливые лица. И естественно, оба кричат друг на друга, потому что... вот их естественная логика: "Это ты, это зеркало делает меня уродливым. Я же такой красивый человек". Именно эту проблему пытаются решить влюбленные – и не могут. Вот что они говорят снова и снова: "Я такой красивый человек, а ты заставляешь меня выглядеть уродливым".

Никто не делает тебя уродливым – ты такой и есть. Извини, но именно так и есть. Будь благодарен другому, будь признателен другому, потому что он помогает тебе увидеть собственное лицо. Не злись на него. И иди глубже в самого себя, иди глубже в медитацию.

Но происходит так, что каждый раз, когда человек влюбляется, он совершенно забывает о медитации. Я оглядываюсь вокруг – когда я вижу, что некоторых людей не хватает, я знаю, что с ними случилось. С ними случилась любовь. Теперь они думают, что не нужны здесь. Они придут, только когда любовь создаст такие проблемы, что станет невозможно их решить. Тогда они придут и спросят: "Ошо, что делать?"

Когда ты влюблен, не забывай медитацию. Любовь ничего не решит. Любовь только покажет тебе, кто ты, где ты. И хорошо, если любовь сделает тебя бдительным – бдительным ко всему замешательству и хаосу у тебя внутри. Время медитировать! Если любовь и медитация приходят вместе, у тебя будут оба крыла, и ты будешь в равновесии.

Бывает и наоборот. Когда человек начинает двигаться глубоко в медитацию, он начинает избегать любви, потому что думает, что если он будет двигаться в любовь, это потревожит его медитацию – и это тоже ошибочно. Медитация не будет потревожена; любовь поможет медитации. Почему она поможет? Потому что любовь будет тебе постоянно показывать, какие у тебя все еще есть проблемы, и где эти проблемы. Без любви ты перестанешь осознавать свои проблемы. Но если ты становишься бессознательным, это не значит, что ты их решаешь. Если зеркала нет, это не значит, что у тебя нет никакого лица.

Любовь и медитация должны идти рука об руку. Это одно из самых важных посланий, которыми я хотел бы с вами поделиться: любовь и медитация должны идти рука об руку. Любите и медитируйте, медитируйте и любите – и мало-помалу вы увидите, что в вас возникает новая гармония. Только такая гармония даст вам удовлетворенность.

ВОПРОСЫ

Как узнать, что женщина действительно влюблена, а не просто играет в игры?

Это трудно! Никто никогда не мог этого узнать, потому что фактически любовь и есть игра. Это ее реальность! Поэтому если ты ждешь, наблюдаешь, думаешь и анализируешь, действительно ли женщина в тебя влюблена или только играет в игру, ты никогда не сможешь любить ни одну женщину, потому что любовь – это игра, величайшая из игр.

Нет необходимости в том, чтобы просить, чтобы любовь была реальной. Играй в игру, это и есть реальность. И если ты слишком большой искатель реальности, любовь – не для тебя. Это мечта, фантазия, вымысел – это

романтика, поэзия. Если ты слишком большой искатель реальности, одержимый реальностью, тогда любовь не для тебя. Тогда медитируй.

Но я знаю, что задавший этот вопрос не относится к этому типу – для него никакая медитация невозможна, по крайней мере не в этой жизни! У него много карм, которые он должен исполнить с женщинами. Поэтому он постоянно думает о медитации и постоянно продолжает двигаться то с одной, то с другой женщиной. И женщины, с которыми он движется, тоже приходят ко мне и говорят: "Действительно ли он любит нас? Что делать?" А теперь и он сам приходит с таким же вопросом!

Но эта проблема рано или поздно приходит к каждому, потому что нет способа об этом судить. Мы так незнакомы – мы действительно незнакомы, и наши встречи совершенно случайны. Посреди дороги мы вдруг сталкиваемся друг с другом, не зная, кто такие мы сами, не зная, кто такой другой человек. Два незнакомца на дороге, которым одиноко, берутся за руки – и думают, что любят друг друга.

Они, безусловно, нуждаются друг в друге, но как узнать точно, есть ли в этом любовь?

Я прочитал прекрасную шутку; слушайте ее внимательно.

Одна женщина поздно ночью приехала в небольшой городок Среднего Запада, и в гостинице не оказалось свободной комнаты.

– Сожалею, – сказал клерк, – но последняя комната, которая у нас была, была только что занята одним итальянцем.

– Какой это номер? – спросила женщина в отчаянии. – Может быть, я смогу с ним как-то договориться.

Клерк сказал ей номер комнаты, и женщина поднялась вверх и постучала в двери. Итальянец впустил ее.

– Послушайте, мистер, – сказала она, – я не знаю вас, и вы не знаете меня, но мне отчаянно нужно какое-то место, чтобы переночевать. Я вас ничем не побеспокою, обещаю, если вы только позволите мне воспользоваться этой небольшой кушеткой.

Итальянец подумал минуту и сказал:

– Ладно.

Женщина свернулась на кушетке, а итальянец вернулся в свою кровать. Но на кушетке было очень неудобно, и через несколько минут женщина на цыпочках подошла к кровати и похлопала итальянца по руке.

– Послушайте, мистер, – сказала она, – я не знаю вас, и вы не знаете меня, но на этой кушетке спать невозможно. Нельзя ли мне спать здесь, на краешке кровати?

– Ладно, – сказал итальянец, – воспользуйтесь краем кровати.

Женщина легла на кровать, но через несколько минут ей стало очень холодно. Снова она похлопала итальянца по руке.

– Послушайте, мистер, – сказала она. – Я не знаю вас, и вы не знаете меня, но мне здесь очень холодно.

Нельзя ли мне укрыться вашим одеялом.

– Ладно, – сказал итальянец, – укройтесь.

Женщина забралась под одеяло, но близость мужского тела взволновала ее, и она почувствовала некоторое возбуждение. Снова она похлопала итальянца:

– Послушайте, мистер, – сказала она, – я не знаю вас, вы не знаете меня, но как насчет небольшой вечеринки?

В раздражении итальянец вскочил с кровати.

– Послушайте, дама, – завопил он. – Я не знаю вас, вы не знаете меня.

Кого, черт возьми, мы пригласим на вечеринку среди ночи?

Но именно это происходит: "Ты меня не знаешь, я тебя не знаю". Это просто случайность. Есть потребности; людям одиноко, им нужен кто-то, чтобы заполнить это одиночество. Они называют это любовью. Они изображают любовь, потому что это единственный способ подманить другого. Другой тоже называет это любовью, потому что это единственный способ подманить тебя. Но кто знает, любовь это или нет? Фактически, любовь – это только игра.

Да, есть возможность настоящей любви, но это случается только когда тебе никто не нужен – и в этом трудность. Это точно так же, как действуют банки. Если ты приходишь в банк, и тебе нужны деньги, их тебе не дадут. Если тебе не нужны деньги, и у тебя их достаточно, к тебе будут всегда готовы прийти и принести деньги. Когда они тебе не нужны, тебе готовы их дать; когда они тебе нужны, тебе их не дадут.

Когда человек тебе совершенно не нужен, когда ты совершенно самодостаточен, когда ты можешь быть один и оставаться совершенно счастливым и экстаичным, любовь возможна. Но и тогда ты не можешь быть уверенным, реальна ли любовь другого – ты можешь быть уверенным только в одном: реальна ли твоя собственная любовь. Как ты можешь быть уверенным в чем-то о другом? Но тогда нет и необходимости.

Эта постоянная тревога о том, реальна ли любовь другого, просто показывает одно: что твоя собственная любовь нереальна. Иначе какая разница? Зачем об этом беспокоиться? Наслаждайтесь ею, пока она длится, будьте вместе, пока можете быть вместе! Это вымысел, но этот вымысел вам нужен.

Ницше говорил, что человек устроен так, что не может жить без лжи. Он не может жить в истине; истина слишком невыносима. Вам нужна ложь – ложь, чтобы, тонким образом, смазывать твою систему. Это смазка – ты видишь женщину, ты говоришь: "Какая она красивая! Я никогда не встречал такого красивого человека". Это просто смазочная ложь – ты это знаешь! Ты говорил то же самое раньше и другим женщинам и знаешь, что будешь говорить то же самое другим женщинам в будущем. А женщина тоже говорит, что ты единственный мужчина, который ее привлекает. Это ложь. За этой ложью нет ничего, кроме потребности. Ты хочешь, чтобы женщина была с тобой, чтобы заполнить внутреннюю дыру; ты хочешь заполнить эту внутреннюю пустоту ее присутствием. Она хочет того же самого. Ты пытаешься использовать другого как средство.

Именно поэтому любовники, так называемые любовники остаются в вечном конфликте – потому что никто не хочет, чтобы его использовали, потому что, когда ты используешь человека, этот человек становится как вещь, ты низвел его до товара. И каждая женщина чувствует себя после акта любви с мужчиной немного печальной, обманутой, одураченной, потому что мужчина поворачивается к ней спиной и засыпает – все кончено!

Многие женщины мне говорили, что они плакали и рыдали после того, как занимались любовью с мужчинами – потому что после этого мужчину больше ничего не интересует. Его интерес был сосредоточен только на определенной потребности; затем он поворачивается и засыпает, не заботясь о том, что происходит с женщиной. Мужчины тоже чувствуют себя обманутыми. Они мало-помалу начинают подозревать, что женщина любит их ради чего-то другого – ради денег, власти, безопасности. Это может быть чисто экономический интерес, не любовь.

Но это правда. Именно так и бывает; бывает только так! То, как вы живете, почти во сне, двигаясь в ступоре, как сомнамбулы... это единственный возможный исход. Но не беспокойся о том, действительно ли тебя любит женщина. Пока ты спишь, тебе будет нужна чья-то любовь – даже если она ложная, она тебе нужна. Наслаждайся ею! Не создавай тревоги. И старайся быть более и более пробужденным.

Однажды, когда ты действительно проснешься, ты сможешь любить – и тогда ты будешь уверен только в собственной любви. Но этого достаточно! Какая разница? Потому что прямо сейчас ты хочешь использовать других; когда ты действительно блажен сам по себе, ты не хочешь никого использовать. Ты просто хочешь делиться. У тебя есть так много, и ты так переполнен, что тебе хочется с кем-то поделиться. И ты чувствуешь признательность, потому что кто-то готов это принять. Вот и все!

Прямо сейчас ты так обеспокоен, любит ли тебя другой, и на самом деле это потому, что ты не уверен в своей собственной любви. Это первое. И ты не уверен в своем собственном достоинстве. Ты не можешь поверить, что кто-то может действительно тебя любить; ты не находишь в себе ничего. Ты не

можешь любить себя; как ты можешь любить кого-то другого? Это кажется нереальным, это кажется невозможным.

Любишь ли ты себя? Ты даже не задавался этим вопросом. Люди ненавидят себя, люди осуждают себя – и продолжают осуждать; они продолжают считать себя прогнившими. Как может другой любить тебя, такого прогнившего человека. Нет, никто на самом деле не может тебя любить – другой, наверное, тебя дурачит, обманывает; наверное, есть какая-то другая причина. Наверное, она хочет чего-то другого; наверное, он хочет чего-то другого.

Я слышал:

Грязный, вонючий, потасканного вида бродяга сел на скамейку в парке рядом с милой молодой девушкой. Девушка взглянула на него и в отвращении отвернулась. Довольно скоро она услышала шум и повернула голову, чтобы посмотреть, что происходит. К своему ужасу она увидела, что он вынул из бумажного пакета бутерброд и откусил большой кусок. Мясо в нем протухло, салат почернел, хлеб заплесневел.

Почувствовав на себе ее взгляд, бродяга повернулся к ней и сказал: – Извините, мисс, не желаете ли кусочек моего бутерброда? Я думаю, о том, чтобы заняться любовью, не может быть речи.

Именно это происходит. Ты знаешь о себе – о любви, кажется, не может быть речи. Ты знаешь свою гниль, недостойность – о любви, кажется, не может быть и речи. И когда какая-то женщина приходит и говорит, что боготворит тебя, ты не можешь ей доверять. Когда ты приходишь к женщине и говоришь, что боготворишь ее, а она ненавидит себя, как она может тебе верить?

Именно ненависть к себе создает эту тревогу.

Нет способа быть уверенным в другом. Сначала будь уверенным в самом себе. И человек, который уверен в самом себе, уверен и во всем остальном мире. Уверенность, достигнутая в твоём собственном глубочайшем внутреннем ядре, становится уверенностью во всем, что ты делаешь, и во всем, что с тобой происходит. Укорененный, центрированный, твердо стоящий на земле, в самом себе, ты никогда не беспокоишься о таких вещах. Ты принимаешь.

Если кто-то тебя любит, ты это принимаешь, потому что любишь себя. Ты доволен самим собой, кто-то другой тобой доволен – хорошо! Это не входит тебе в голову, это не делает тебя безумно эгоистичным. Тебе просто радостно с самим собой; кто-то другой тоже находит, что ты приносишь ему радость, – хорошо! Пока это продолжается, проживи этот вымысел как можно красивее – он не будет длиться вечно.

Это тоже создает проблему. Когда любовь кончается, ты начинаешь думать, что она была ложной – и именно поэтому кончилась. Нет, необязательно – необязательно. Может быть, в ней было какое-то мерцание истины, но вы оба не смогли удержать и сберечь это мерцание. Вы его убили. Оно было, а вы убили его. Вы оказались не способными к любви. Вы нуждались в любви, но не были к ней способны. Таким образом, ты встречаешь мужчину или женщину; все идет очень хорошо и гладко, фантастически красиво – поначалу. В то мгновение, как все устанавливается, все начинает скисать и становиться горьким. Чем более все устанавливается, тем больший возникает конфликт. Это убивает любовь.

Насколько я вижу, каждая любовь поначалу содержит луч света, но влюбленные разрушают его. Они набрасываются на этот луч со всей своей внутренней темнотой... – темные континенты, темные Африки внутри... Они набрасываются на него и разрушают его. Когда он разрушен, они думают, что он был ложным. Они его убили! Он не был ложным – ложными были они. Луч был настоящим, истинным.

Поэтому не беспокойся о другом; не беспокойся о том, настоящая это любовь или нет. Пока она есть, наслаждайся ею. Даже если это мечта, хорошо о ней мечтать. И становись более и более бдительным и осозанным, чтобы был отброшен сон.

Когда ты осознан, в твоём сердце возникает совершенно другого рода любовь – которая абсолютно истинна, которая часть вечности. Но это не потребность, это роскошь.

Если ревность, чувство собственности, привязанность, потребности, ожидания, желания и иллюзии отпадут, останется ли что-нибудь от моей любви? Были ли ложью вся моя поэзия и страсть? Была ли боль моей любви более болью, чем любовью? Научусь ли я когда-нибудь любить?

Любви нельзя научиться, её нельзя привить. Привитая любовь совершенно не будет любовью. Она не будет настоящей розой, она будет искусственным цветком. Когда ты чему-то учишься, это означает, что что-то приходит снаружи; это не внутренний рост. А любовь должна быть твоим внутренним ростом, чтобы быть подлинной и реальной.

Любовь – это не учение, но рост. Все, что нужно с твоей стороны, это не научиться путям любви, но разучиться путям нелюбви. Нужно удалить преграды, разрушить препятствия, и тогда любовь – это твоё естественное, спонтанное бытие. Как только преграды удалены, скалы отодвинуты, начинается поток. Он уже есть – погребённый под скалами, но ключ уже бьёт. Это само твоё существо.

Это дар, но не что-то такое, что случится в будущем; это дар, который уже случился вместе с твоим рождением. Быть значит любить. Быть способным дышать значит быть способным любить. Любовь подобна дыханию. То же самое, что дыхание для физического тела, любовь для духовного существа. Без дыхания тело умирает; без любви умирает душа.

Поэтому вот первое, что нужно помнить: это не что-то такое, чему ты можешь научиться. И если ты этому научишься, то упустишь всю суть; под названием любви ты научишься чему-то другому. Это будет фальшивым, ложным. И фальшивая монета может выглядеть как настоящая; если ты не знаешь настоящего, фальшивое может продолжать тебя обманывать. Только зная настоящее, ты сможешь увидеть различие между ложным и настоящим. Все это препятствия: ревность, чувство собственности, привязанность, ожидания, желания... И твой страх правилен: "Если все это исчезнет, останется ли что-нибудь от моей любви?" От твоей любви ничего не останется. Останется любовь... но любовь не имеет ничего общего с "тобой" или "твоей". Фактически, когда все чувство собственности, вся ревность, все ожидания исчезают, исчезает не любовь – исчезаешь ты, исчезает эго. Это тени эго.

Ревнует не любовь. Наблюдай, смотри, замечай снова и снова. Когда ты чувствуешь ревность, не любовь чувствует ревность; любовь никогда не знает ничего подобного ревности. Точно как солнце никогда ничего не знает о темноте, любовь ничего не знает о ревности. Именно эго чувствует боль, именно эго хочет соревноваться, постоянно бороться. Именно эго полно амбиций и хочет быть выше других, хочет быть кем-то особенным. Именно эго начинает чувствовать ревность, чувство собственности – потому что эго может существовать только в собственности.

Чем больше ты владеешь, тем более усиливается эго; без собственности эго не может существовать. Таким образом, если у тебя есть больше денег, больше власти, больше престижа, красивая женщина, красивый мужчина, красивые дети, эго получает огромное питание. Когда собственность исчезает, когда ты вообще ничем не владеешь, ты не найдешь внутри никакого эго. Тогда не будет никого, кто мог бы сказать "я".

И если ты думаешь, что это твоя любовь, тогда, безусловно, твоя любовь тоже исчезнет. Твоя любовь – это на самом деле не любовь. Это ревность, чувство собственности, ненависть, гнев, насилие; это тысяча и одна вещь, кроме любви. Они переодеваются в любовь – потому что все эти вещи так уродливы, что не могут существовать без маски.

Древняя притча:

Было создано слово, и Бог каждый день посылал в мир новые вещи. Однажды он послал в мир Красоту и Уродство. Путешествие из рая на землю долго – в

то мгновение, как они прибыли, было раннее утро и всходило солнце. Они приземлились у озера и решили искупаться, потому что все их тела, все их одежды были запылены.

Ничего не зная о мире – они были такими новыми – они сняли одежду; и совершенно голые прыгнули в прохладную воду озера. Солнце взошло, стали появляться люди. Уродство сыграло шутку – когда Красота заплывла далеко в озеро, Уродство выбралось на берег, надело одежду Красоты и убежало. К тому времени, как Красота осознала: "Эти люди собрались вокруг, а я голая", и начала оглядываться по сторонам в поисках одежды... ее одежда исчезла! Уродство скрылось, и Красота стояла обнаженная на солнце, и вокруг нее собиралась толпа. Не найдя ничего лучшего, она надела одежду Уродства и пошла искать Уродство, чтобы снова обменяться одеждой.

Эта история говорит, что она все еще ищет... но Уродство коварно и продолжает ускользать. Уродство по-прежнему носит одежду Красоты, маскируется под Красоту, а Красота ходит в одежде Уродства.

Это замечательно красивая притча.

Все вещи, которые уродливы, ты не сможешь стерпеть в себе ни на мгновение, если увидишь их реальность. Поэтому они не позволяют тебе видеть их реальности. Ревность притворяется любовью, чувство собственности создает маску любви... и тогда тебе легко и хорошо. Ты не дурачишь никого, кроме самого себя. Все эти вещи – не любовь. Поэтому то, что ты знаешь как любовь, что ты до сих пор знал как любовь, исчезнет. В этом нет ничего от поэзии. Да, есть страсть, но страсть – это лихорадочное состояние, страсть – это бессознательное состояние. Страсть – это не поэзия. Поэзия познается только буддами – поэзия жизни, поэзия существования.

Волнение, лихорадка – это не экстаз. Они выглядят похожими, и в этом проблема. В жизни многие вещи выглядят похожими, и различия очень деликатны, тонки и трудно различимы. Волнение может выглядеть как экстаз – это не экстаз, потому что экстаз, по своей сути, прохладен. Ненависть холодна. Страсть, похоть горяча. Любовь точно посередине. Она прохладна – ни холодна, ни горяча. Это состояние безмерного покоя, спокойствия, безмятежности, молчания. И из этого молчания в твоём существе возникают поэзия, песня, танец.

То, что ты называешь поэзией и страстью, – не что иное, как ложь с красивыми фасадами. Из сотни ваших поэтов девяносто девять на самом деле не поэты, но только люди в состоянии замешательства, эмоций, страсти, жара, похоти, сексуальности, чувственности. Лишь один из ста ваших поэтов настоящий поэт.

И настоящий поэт может никогда не писать никакой поэзии, потому что поэзия составляет все его существо. То, как он ходит, то, как он сидит, то, как он ест, то, как он спит, – все это поэзия. Он существует как поэзия. Он может создавать поэзию, может не создавать, это неважно.

Но то, что вы называете поэзией, – не более чем выражение вашей лихорадочности, вашего разгоряченного состояния сознания. Это состояние безумия. Страсть ненормальна, слепа, бессознательна – и она лжива. Она лжива, потому что дает тебе такое ощущение, словно это любовь.

Любовь возможна, только когда случилась медитация. Если ты не знаешь, как быть центрированным в своём существе, если не умеешь отдыхать и расслабляться в своём существе, если ты не умеешь быть в полном одиночестве и блаженстве, ты никогда не узнаешь, что такое любовь.

Любовь выглядит как отношения, но начинается в глубоком одиночестве. Любовь выражает себя как бытие вместе, но источник любви не в бытии вместе; источник любви в медитации. Когда ты абсолютно счастлив в своём одиночестве – когда тебе совершенно не нужен другой, когда другой не является потребностью – тогда ты способен к любви. Если другой является твоей потребностью, ты можешь только эксплуатировать, манипулировать, доминировать, но не можешь любить.

Поскольку ты зависишь от другого, возникает чувство собственности – из страха. "Кто знает – другой со мной сегодня; завтра он может не быть со

мною. Кто знает о следующем мгновении?" Твоя женщина может тебя бросить, твои дети могут вырасти и тебя покинуть, твой муж может от тебя уйти. Кто знает о следующем мгновении? Из страха перед будущим ты движешься в чувство собственности. Ты окружаешь оковами человека, которого, как ты думаешь, любишь.

Но любовь не сможет создать тюрьму - и если любовь создает тюрьму, ненависти не остается никакой работы. Любовь приносит свободу, любовь дает свободу. Это не-собственничество. Но это возможно, лишь когда ты познал совершенно другое качество любви, не из потребности, но из желания поделиться.

Любить - значит делиться переполняющей радостью. Ты так полон радости; ты не можешь ее содержать, ты вынужден ею поделиться. Тогда есть поэзия, и тогда есть что-то безмерно красивое, что не от этого мира, нечто от запредельного. Такой любви научиться нельзя, но можно удалить препятствия к ней.

Я часто говорю: научитесь искусству любви, но вот что на самом деле имею в виду: научитесь искусству удалять все, что преграждает путь любви. Это негативный процесс. Это все равно что рыть колодец: ты продолжаешь удалять многие слои земли, камней, скал, и вдруг внезапно появляется вода. Вода была всегда; она текла под землей. Теперь ты удалил все преграды, и вода доступна. Так и любовь: любовь течет в глубине твоего существа. Она уже течет, но на ее пути столько скал, столько слоев земли, которые нужно удалить.

Именно это я подразумеваю, когда говорю научиться искусству любви. Это на самом деле значит не что иное, как разучиться путям нелюви.

В чем разница между симпатией и любовью, между тем, чтобы симпатизировать и любить? И еще, в чем разница между обычной любовью и духовной любовью? Между симпатией и любовью есть огромная разница. В симпатии нет преданности, любовь же - это преданность. Именно поэтому люди мало говорят о любви. Фактически, люди начинают говорить о любви в таких контекстах, в которых не нужно никакой преданности. Например, кто-то говорит: "Я люблю мороженое". Как ты можешь любить мороженое? Оно может тебе нравиться, но ты не можешь его любить. А кто-то еще говорит: "Я люблю собаку, машину, то или другое".

Фактически, люди очень боятся кому-то сказать: "Я тебя люблю". Я слышал...

Мужчина встречался с девушкой несколько месяцев подряд. И девушка, конечно, ждала и ждала - они даже занимались любовью, но мужчина ей не говорил: "Я тебя люблю".

Просто увидьте разницу - в древние времена люди обычно говорили: "Впасть в любовь"*.

Теперь люди "делают любовь"**.

* "Fall in love" (англ.).

** "Make love" (англ.).

Вы видите разницу? Влюбиться, "впасть" в любовь значит быть ошеломленным любовью; это пассивно. "Заниматься" любовью - почти святотатственно, почти равнозначно тому, чтобы разрушить ее красоту. Это активно, словно ты что-то делаешь; ты манипулируешь и контролируешь. Сейчас люди изменили язык - вместо того чтобы "падать" в любовь, они "занимаются любовью".

И мужчина занимался любовью с этой женщиной, но ни разу ей не сказал: "Я тебя люблю". А женщина все ждала и ждала.

Однажды он ей позвонил и сказал:

- Я много раз думал это тебе сказать. Кажется, для этого пришло время. Я должен это сказать; я больше не могу этого сдерживать.

И женщина была глубоко взволнована, и вся обратилась в слух - именно этого она ждала. И она сказала:

- Скажи же это! Скажи!

И мужчина сказал:

- Я должен это сказать, я больше не могу этого сдерживать: ты мне действительно очень нравишься.

Люди говорят друг другу: "Ты мне нравишься". Почему не сказать: "Я тебя люблю"? Потому что любовь - это преданность, вовлеченность, риск, ответственность. Симпатия просто мгновенна - ты можешь мне нравиться или не нравиться завтра; в этом нет ничего рискованного. Когда ты говоришь человеку: "Я тебя люблю", то идешь на риск. Ты говоришь: "Я тебя люблю: я буду продолжать тебя любить, я буду, любить тебя и завтра. Ты можешь положиться на меня, это обещание".

Любовь - это обещание, симпатия не имеет ничего общего с обещанием. Когда ты говоришь человеку: "Ты мне нравишься", ты говоришь что-то о себе, не об этом человеке. Ты говоришь: "У меня такой вкус, ты мне нравишься. Кроме тебя, мне нравится мороженое, и еще моя машина. Таким же образом мне нравишься и ты". Ты говоришь что-то о самом или самой себе.

Когда ты говоришь человеку: "Я тебя люблю", ты говоришь что-то об этом человеке, не о себе. Ты говоришь: "Ты достоин любви". Стрела направлена к другому человеку. И тогда возникает опасность - ты даешь обещание. В любви есть это качество обещания, преданности, вовлеченности. И в любви есть что-то от вечности. Симпатия мгновенна; симпатия не рискованна, не ответственна.

Ты спрашиваешь меня: В чем разница между симпатией и любовью? И еще, в чем разница между обычной любовью и духовной любовью?

Симпатия и любовь разные, но между обычной и духовной любовью разницы нет. Любовь как таковая духовна. Я никогда не сталкивался с обычной любовью; обычной бывает симпатия. Любовь никогда не обычна - и не может быть; ей присуща необычность. Она не от этого мира.

Когда ты говоришь мужчине или женщине: "Я тебя люблю", ты просто говоришь: "Меня не может обмануть твое тело, я увидел тебя. Твое тело может состариться, но я увидел тебя, бестелесного тебя. Я увидел твое глубочайшее внутреннее ядро, ядро, которое божественно". Симпатия поверхностна. Любовь проникает к самому ядру человека, касается самой души этого человека.

Никакая любовь не бывает обычной. Любовь не может быть обычной, иначе это не любовь. Назвать любовь обычной значит неверно истолковать явление любви. Любовь никогда не обычна, любовь всегда незаурядна, всегда духовна. Именно в этом разница между симпатией и любовью: симпатия материальна, любовь духовна.

Ты привел меня в замешательство, говоря о различиях между любовью и симпатией. Ты сказал, что любовь означает преданность, но я считал преданность очередным видом привязанности. Есть многие люди, которых я люблю, но я не чувствую преданности. Как я могу предсказать, буду ли я их любить завтра?

Этот вопрос важен. Тебе понадобится очень, очень большое понимание, потому что он также и тонок, и сложен.

Когда я сказал, что любовь - это преданность, что я под этим подразумевал? Я не имею в виду, что ты должен обещать о завтра, но обещание есть. Тебе не нужно обещать, но обещание есть. В этом сложность и тонкость. Ты не говоришь: "Я буду любить тебя и завтра" - но в мгновение любви есть и обещание, совершенно явственное обещание. Оно не нуждается в выражении.

Когда ты любишь человека, то не можешь себе представить ничего другого; ты не можешь и подумать о том, что однажды не будешь любить этого человека; это невозможно, это не часть любви. И я не говорю, что ты никогда не сможешь выйти из этого любовного романа. Может быть, будет так, может быть, нет; суть не в этом. Но когда ты в мгновении любви, когда между двумя людьми течет энергия, есть мост, золотой мост, и они им соединены. Этого просто не происходит: ум не может вообразить и себе представить, что будет время, когда ты не будешь с этим человеком, и этот

человек не будет с тобой. Это преданность. Не потому, что ты это говоришь, не потому, что идешь в суд и окончательно и бесповоротно заявляешь: "Я останусь с тобой навсегда". Фактически, если ты делаешь это формальным заявлением, это просто показывает, что никакой любви не было; тебе нужны законные гарантии. Если есть преданность, не нужно никаких законных гарантий.

Брак нужен потому, что не хватает любви. Если любовь есть и достаточно глубока, брака не нужно. Какой смысл в браке? - это все равно что приделать змее ноги, выкрасить красную розу в красный цвет. Этого не нужно. Зачем идти в суд? Наверное, у тебя внутри есть какой-то страх, что твоя любовь не тотальна.

Даже когда ты глубоко влюблен, ты думаешь о возможности того, чтобы завтра оставить эту женщину. Женщина думает: "Кто знает? Завтра этот мужчина может меня оставить. Лучше пойти в суд. Сначала пусть это будет узаконено, тогда можно быть уверенной". Но что это показывает? - это просто показывает, что любовь не тотальна. Иначе, тотальная любовь сама по себе обладает качеством преданности. Его не нужно вносить извне; это качество ей присуще от природы.

И когда ты влюблен, это приходит к тебе естественно, ты не планируешь. Это чувство приходит естественно, и иногда также и в словах: "Я буду любить тебя всегда". Это глубина этого мгновения. Это ничего не говорит о завтра, помни. Это не обещание. Это только потому, что так велики глубина и тотальность любви, что автоматически ты говоришь: "Я буду любить тебя вечно. Даже смерть не сможет нас разлучить". Это чувство тотальной любви. И позволь мне повторить - это не значит, что завтра вы будете вместе. Кто знает? Суть совершенно не в этом. Завтра само о себе позаботится. Завтра никогда не входит в ум, который влюблен. Завтра вообще невообразимо; будущее исчезает, этот миг становится вечностью. Это преданность.

А когда завтра... возможно, вы не будете вместе, но вы и не предадите друг друга. Это не будет обманом, это не будет подвохом. Вам от этого грустно, вам этого жаль, но вам приходится расстаться. И я не говорю, что это должно случиться - этого может не случиться. Это зависит от тысячи и одной вещи.

Жизнь состоит не только из вашей любви. Если бы все зависело только от вашей любви, вы жили бы вместе вечно. Но жизнь состоит из тысячи и одной вещи. Любовь придает ощущение, что "мы будем вместе всегда", но любовь - это не вся жизнь. Когда она есть, она так интенсивна, что человек ею опьянен. Но есть еще тысяча и одна вещь, иногда какая-то мелочь... Ты можешь влюбиться в мужчину, и в это мгновение ты готова пойти за ним в самый ад - и ты можешь это сказать, это не будет обманом. Ты совершенно правдива и честна, когда говоришь: "Я пойду за тобой в ад, если придется!" - и я говорю снова, ты правдива, ты никаким образом не лжешь. Но завтра, живя с этим мужчиной... появятся какие-то мелочи - ваш роман может потревожить грязная ванная. Ад слишком далеко, не нужно ходить так далеко - достаточно грязной ванной! Или небольшая привычка: этот мужчина храпит во сне, и это сводит тебя с ума. А ты была готова пойти за ним в ад, и это было правдой, подлинной правдой в то мгновение. Это не было ложью, но у тебя была другая идея ада - а этот мужчина храпит во сне, или от него плохо пахнет, и когда он тебя целует, это доставляет тебе мучения.

Просто небольшие вещи, очень небольшие; человек никогда о них не думает, когда влюблен. Кто беспокоится о ванной, кто думает о храпе? Но когда ты живешь вместе с этим мужчиной, это складывается из тысячи и одной вещи, и любая мелочь может стать камнем преткновения и разрушить цветок любви. Поэтому я не говорю, что у преданности есть какое-то обещание. Я просто говорю, что миг любви - это миг преданности. Ты совершенно этим поглощен, и это все решает. И естественно, из этого мгновения придет следующее, поэтому очень возможно, что вы будете вместе. Из сегодня рождается завтра. Оно не появится, как гром среди ясного неба, оно вырастет из сегодня. Если сегодняшней день был днем великой любви, завтра тоже будет нести ту же самую любовь. Это будет продолжительностью. Поэтому очень

возможно, что ты будешь продолжать любить – но это всегда "возможно". И любовь это понимает.

И если однажды ты оставишь свою женщину, или женщина оставит тебя, ты не начнешь на нее кричать: "Что ты теперь скажешь? Ты мне говорила однажды, что "будешь со мной всегда". И что теперь? Почему ты уходишь?" Если ты любил, если ты знал любовь, ты поймешь. Любовь обладает этим качеством преданности.

Любовь – это тайна. Когда она есть, все кажется небесным. Когда она уходит, все выглядит просто тусклым, бессмысленным. Ты не мог жить без этой женщины, а теперь не можешь жить вместе с ней. И оба эти состояния подлинны.

Ты спрашиваешь: Ты привел меня в замешательство, говоря о различиях между любовью и симпатией. Ты сказал, что любовь преданна, но я считал преданность очередным видом привязанности.

В слово "преданность" я вкладываю один смысл, а ты – другой. Ты подразумеваешь закон, я не подразумеваю закона. Я просто описываю тебе качество любви, описываю, что происходит, когда ты ею поглощен: происходит преданность. Не преданность создает любовь, любовь создает преданность. Любовь первична; за ней следует преданность. Если однажды любовь исчезнет, исчезнет и эта преданность; она была ее тенью.

Когда любовь уходит, не говори о преданности; тогда это будет просто глупость. Преданность была тенью любви. Она всегда приходит с любовью. И если любви больше нет, она уходит – исчезает. Ты не продолжаешь говорить об этой преданности: "А как же преданность?" Никакой преданности больше нет, если нет любви. Любовь есть преданность! Нет любви, нет и преданности. В этом мой смысл.

Я понимаю и твой смысл. Вот твой смысл: когда любовь ушла, как насчет преданности? Это твой смысл. Ты хочешь, чтобы преданность продолжалась, когда любовь ушла, и любви больше нет. Твой смысл – смысл закона.

Всегда помни: слушая меня, пытайся понять мой смысл. Это трудно, но ты должен попытаться. В самой этой попытке ты выберешься из своих собственных смыслов. Мало-помалу откроется окно, и ты сможешь увидеть, что я имею в виду. Иначе будет замешательство: я говорю что-то одно, ты слышишь что-то другое.

Даже если иногда чувства, похожие на любовь, и возникают у меня в сердце, тотчас же в следующее мгновение я начинаю чувствовать, что это совершенно не любовь: это мои скрытые сексуальные позывы и все остальное в этом роде.

Что в этом плохого? Любовь должна возникнуть из похоти. Если ты избегаешь похоти, ты будешь избегать и самой возможности любви. Любовь – это не похоть, это правда; но любовь не лишена похоти – это тоже правда. Любовь выше похоти, да, но если ты совершенно разрушишь похоть, то разрушишь саму возможность того, чтобы из грязи возник цветок. Любовь – это лотос, похоть – грязь, из которой вырастает лотос.

Помни это, иначе ты никогда не достигнешь любви. Самое большее, ты можешь притворяться, что трансцендировал похоть. Потому что без любви никто не может трансцендировать похоть; ты можешь только ее подавить. Подавленная, она становится более ядовитой. Она распространяется на всю твою систему, становится токсичной, разрушает тебя. Похоть, трансформированная в любовь, дает тебе свечение, сияние. Ты начинаешь чувствовать такую легкость, словно можешь летать. У тебя начинают расти крылья. Подавив похоть, ты становишься тяжелым, словно несешь груз, словно у тебя на шее привязан камень. Трансформировав похоть, ты прошел испытание существования.

Тебе были даны сырые материалы, чтобы ты с ними работал и был творческим. Похоть – это сырой материал.

Я слышал...

Беркович и Михельсон, которые были не только деловыми партнерами, но и друзьями с детства, договорились: тот из них, кто умрет первым, вернется и расскажет другому, на что похож рай.

Через шесть месяцев Беркович умер. Он был очень моральным человеком, почти святым, пуританином, который никогда не делал ничего плохого, который всегда боялся похоти и секса. И Михельсон ждал, чтобы его дорогой усопший друг подал какой-нибудь знак о том, что вернулся на землю. Михельсон сторал от нетерпения, надеясь вскоре получить отчет Берковича. И вот однажды, через год после смерти, Беркович заговорил с Михельсоном. Была поздняя ночь, и Михельсон лежал в постели.

- Михельсон, Михельсон, - сказал призрачный голос.

- Это ты, Беркович?

- Да.

- И как ты там теперь?

- Мы завтракаем и занимаемся любовью, потом обедаем и занимаемся любовью, потом ужинаем и занимаемся любовью.

- И как тебе нравится в раю? - спросил Михельсон.

- Кто тебе сказал, что я в раю? - сказал Беркович. - Я на ферме в штате Висконсин, я бык-производитель.

Помни, это происходит с людьми, которые подавляют секс. Ничего другого случиться не может, потому что вся подавленная энергия становится бременем и тянет тебя вниз. Ты движешься к низшим стадиям существа. Если из похоти возникает любовь, ты начинаешь двигаться к высшему существу. Поэтому помни - от тебя зависит, хочешь ли ты стать буддой или быком-производителем. Если ты хочешь стать буддой, тогда не бойся секса. Двигайся в него, хорошо его узнай, стань в нем более и более бдительным. Обращайся с ним бережно; это безмерно ценная энергия. Сделай ее медитацией и трансформируй, мало-помалу, в любовь. Это сырой материал, подобный неограненному бриллианту: ты должен его отшлифовать, отполировать, и тогда он приобретет огромную ценность. Если кто-то даст тебе неотшлифованный, неограненный, необработанный бриллиант, ты можешь даже не узнать, что это бриллиант. Даже Кохинор в первоначальном состоянии ничего не стоил.

Похоть - это Кохинор: ее нужно отшлифовать, ее нужно понять.

Задавший этот вопрос боится и борется: "Все это мои скрытые сексуальные позы и все остальное в этом роде". В этом есть осуждение. Ничего страшного; человек - это сексуальное животное. Мы именно такие. Именно такими хочет видеть нас жизнь. Именно такими мы оказались здесь. Иди в это. Не входя в это, ты никогда не сможешь этого трансформировать. Я не говорю о простом потакании. Я говорю, иди в это с глубокой, медитативной энергией, чтобы понять, что это такое. Наверное, это что-то очень ценное, потому что ты из этого произошел, потому что все существование наслаждается этим, потому что все существование сексуально.

Секс - это способ, который Бог выбрал, чтобы присутствовать в мире, несмотря на то, что продолжают говорить христиане - что Иисус родился от девственной матери, - все это глупость. Они притворяются, что секс не был вовлечен в рождение Иисуса. Они так боятся секса, что создают подобные дурацкие истории; что Иисус родился у девственной Марии. Наверное, Мария была очень чиста, это правда; наверное, она была духовно девственной, это правда - но нет другого способа войти в жизнь, кроме как пройдя через энергию, которая известна как секс. Тело не знает никакого другого закона. А природа всевключаяща: она не верит ни в какие исключения, она не допускает никаких исключений. Ты можешь родиться из секса, ты полон сексуальной энергии, но это не конец. Это может быть началом. Секс - это начало, но не конец.

Есть три типа людей. Человек первого типа думает, что секс - это конец. Это люди, которые живут жизнью потакания. Она упускают, потому что секс - это начало, но не конец. И есть люди, которые против потакания. Они принимают другую, противоположную крайность: они не хотят, чтобы секс был даже началом, и начинают отторгать его. Отторгая его, они отторгают самих себя. Разрушая его, они разрушают самих себя, они увядают. Оба эти подхода глупы.

Есть третья возможность, возможность того, кто смотрит на жизнь мудро. У него нет теорий, которые он навязывал бы жизни; он просто пытается понять. Он приходит к видению того, что секс – это начало, но не конец. Секс – это только возможность расти за пределы его, но человек должен через него пройти.

На Востоке подчеркивалось, что в любовных отношениях человек должен оставаться с одним партнером, с одним и тем же человеком. Сейчас на Западе люди дрейфуют из одних отношений в другие. За что ты?

За любовь.

Позволь мне это тебе объяснить: будь верным любви и не заботься о партнерах. Один у тебя партнер или много, дело не в этом. Вопрос в том, верен ли ты любви. Если ты живешь с женщиной или мужчиной и не любишь их, ты живешь в грехе. Если ты с кем-то состоишь в браке и не любишь этого человека, и все же продолжаешь с ним или с ней жить и заниматься любовью, ты совершаешь грех против любви.

Ты выбираешь вопреки любви в пользу социальных удобств, комфорта, формальностей. Это так же неправильно, как если ты пойдешь и изнасилуешь женщину, которую не любишь. Ты идешь и насилуешь женщину; это преступление – потому что ты не любишь эту женщину, и женщина не любит тебя. Но то же самое происходит, если ты живешь с женщиной, которую не любишь. Это изнасилование – социально принятое, конечно, но изнасилование – и ты идешь против бога любви.

Поэтому, как на Востоке, люди решили жить с одним партнером всю жизнь; в этом нет ничего плохого. Если ты остаешься верным любви, красивее всего оставаться с одним и тем же человеком, потому что близость растет. Но на девяносто девять процентов вероятно, что никакой любви нет; вы просто живете вместе. И когда вы живете вместе, растут определенные отношения, и это отношения просто совместной жизни, не любви. Не принимай по ошибке это за любовь.

Но если это возможно, если ты любишь человека и живешь с ним или с ней всю жизнь, будет расти огромная близость, и любовь будет давать тебе более и более глубокие откровения. Это невозможно, если ты продолжаешь слишком часто менять партнеров. Это все равно что постоянно пересаживать дерево с одного места на другое; тогда у него нет никаких корней. Чтобы вырастить корни, дереву нужно оставаться на одном месте. Тогда корни растут глубже; тогда дерево становится сильнее.

Близость хороша, оставаться преданным красиво, но основная потребность – любовь. Если дерево пустило корни в таком месте, где почва состоит из одних камней, и они убивают дерево, лучше пересадить его. Тогда не настаивай, что оно должно оставаться на одном месте. Оставайся верным жизни – пересади дерево, потому что теперь оно идет против жизни.

На Западе люди меняют все – слишком много связей. То и другое убивает любовь. На Востоке любовь убивает то, что люди боятся перемен. На Западе любовь убивает то, что люди боятся надолго остаться с одним партнером – боятся, потому что это становится преданностью. Прежде чем это станет преданностью, измени все, оставайся текучим и свободным. Поэтому растет определенная распушенность, и под именем свободы любовь оказывается почти раздавленной, умирающей от голода. Любовь страдала от обоих подходов: на Востоке люди цепляются за безопасность, комфорт, формальность; на Западе они цепляются за свободу эго, не-преданность. Но любовь страдает от того и другого.

Я за любовь. Я не принадлежу ни Востоку, ни Западу, и меня не интересует, к какому обществу принадлежишь ты. Я не принадлежу ни к какому обществу, я за любовь.

Всегда помни: если отношения основываются на любви, хорошо. Пока любовь длится, оставайся в ней, и оставайся как можно более глубоко преданным. Оставайся в ней как можно более тотально; будь поглощен отношениями. Тогда любовь сможет трансформировать тебя. Если любви нет, лучше это изменить. Но тогда не становись наркотически зависимым от перемен. Не

делай из этого привычки. Не позволяй этому стать механической привычкой, чтобы тебе не приходилось все менять через каждые два или три года, как человек каждые два или три года меняет машину. Появляются новые модели, и что делать? – тебе приходится сменить машину. Внезапно ты сталкиваешься с новой женщиной – это мало чем отличается.

Женщина есть женщина, мужчина есть мужчина. Различия только вторичны, потому что дело в энергии. Женственная энергия есть женственная энергия. В каждой женщине представлены все женщины, и в каждом мужчине представлены все мужчины. Различия очень поверхностны: нос больше или меньше, или немного длиннее; волосы светлые или темные – небольшие различия, только на поверхности. Глубоко внутри дело в женственной или мужественной энергии. Поэтому если есть любовь, оставайся в ней. Дай ей шанс расти. Но если ее нет, измени все, пока ты не стал наркотически привязанным к отношениям без любви.

Молодая жена в исповедальне спросила священника о противозачаточных средствах.

– Ты не должна их использовать, – сказал священник. – Они против закона Божьего. Выпей стакан воды.

– До или после? – спросила жена.

– Вместо! – ответил священник.

Ты спрашиваешь меня, стоит ли следовать восточному или западному пути. Ни тому, ни другому; следуй пути божественного. А что значит путь божественного? – оставайся верным любви. Если любовь есть, все разрешено. Если любви нет, ничто не разрешено. Если ты не любишь свою жену, не касайся ее, потому что это вторжение. Если ты не любишь женщину, не спи с ней; это против закона любви, а это – высший закон. Только когда ты любишь, разрешено все.

Кто-то спросил Августина Иппийского*:

* Augustine of Hippo (англ.).

– Я очень необразованный человек и не могу читать писаний и великих теологических книг. Дай мне простое послание. Я глуп, и к тому же у меня не очень хорошая память, поэтому дай мне самое существенное, чтобы я мог его помнить и ему следовать.

Августин был великий философ, великий святой и читал великие проповеди, но никто не просил у него саму суть. Он закрыл глаза и, говорят, много часов медитировал. И этот человек сказал:

– Пожалуйста, если ты нашел ответ, просто скажи мне, чтобы я мог уйти, потому что я ждал много часов.

Августин сказал:

– Я не могу найти ничего, кроме вот этого: люби, и все остальное будет тебе разрешено. Просто люби.

Иисус говорит: "Бог есть любовь". Я хотел бы вам сказать: любовь есть Бог. Забудьте все о Боге; достаточно любви. Оставайтесь достаточно храбрыми, чтобы двигаться в любовь; не стоит принимать во внимание ничего больше. Если ты принимаешь во внимание любовь, все остальное будет для тебя возможным.

Прежде всего, не двигайся с мужчиной или женщиной, которых ты не любишь. Не будь с ними просто ради прихоти; не будь с ними только из похоти.

Почувствуй, возникло ли в тебе желание быть преданным этому человеку.

Достаточно ли ты зрел, чтобы войти в глубокий контакт? Потому что этот, контакт изменит всю твою жизнь.

И когда тыходишь в контакт, войди в него истинно. Не прячься от своего возлюбленного или возлюбленной – будь настоящим. Отбрось все фальшивые лица, которые ты научился носить. Отбрось все маски. Будь настоящим.

Открой все свое сердце; будь обнаженным. Между двумя влюбленными не должно быть никаких секретов, иначе любви нет. Отбрось всю скрытность.

Это политика; скрытность – это политика. Ее не должно быть в любви. Ты не должен ничего прятать. Что бы ни возникло в твоём сердце, это должно быть

прозрачным для твоей возлюбленной, и что бы ни возникло в ее сердце, это должно быть прозрачным для тебя. Вы должны стать друг для друга двумя прозрачными существами. Мало-помалу вы увидите, что посредством друг друга растете в высшую сущность.

Встретив женщину снаружи, действительно встретившись с ней, любя ее - предав себя полностью ее существу, растворившись в ней, слившись с ней, - ты будешь мало-помалу встречаться с женщиной у себя внутри; ты начнешь встречаться с мужчиной у себя внутри. Внешняя женщина - это только путь для внутренней; внешний мужчина - это только путь для внутреннего.

Настоящий оргазм происходит, когда встречаются твои внутренние мужчина и женщина. И этом смысл индуистского символа Ардханаришвара. Наверное, ты видел статуи, изображающие Шиву наполовину мужчиной, наполовину женщиной - каждый мужчина наполовину мужчина, наполовину женщина; каждая женщина наполовину женщина, наполовину мужчина. Так должно быть, потому что половина твоего существа происходит от твоего отца, половина от матери - ты то и другое. Нужен внутренний оргазм, внутренняя встреча, внутренний союз. Но, чтобы достичь этого внутреннего союза, тебе придется найти женщину снаружи, которая соответствует твоей внутренней женщине, которая вибрирует в твоём внутреннем существе, и твоя внутренняя женщина, которая крепко спит, проснется. С помощью внешней женщины тебе придется встретиться с внутренней; то же самое с мужчиной.

Поэтому если отношения продолжают долгое время, это будет лучше, потому что этой внутренней женщине нужно время, чтобы проснуться. Так, как это происходит на Западе, - отношения "ударь-и-убеги" - у внутренней женщины нет времени, у внутреннего мужчины нет времени, чтобы возникнуть и проснуться. К тому времени как происходит какое-то движение, женщины больше нет... другая женщина, с другой вибрацией, с другой энергией. И конечно, если ты продолжаешь менять партнеров, то станешь невротичным, потому что столько вещей, столько разных звуков войдут в твое существо, и столько разных качеств вибраций, что ты будешь в растерянности и не сможешь найти свою внутреннюю женщину. Это будет трудно. И возможно, что ты станешь наркотически зависимым от перемен. Ты начнешь просто наслаждаться переменами. Тогда ты потеряешься.

Внешняя женщина - только путь ко внутренней, и внешний мужчина только путь к внутреннему. И высшая йога, высший мистический союз происходит у тебя внутри. Когда это происходит, ты свободен от всех женщин или мужчин. Тогда, внезапно, ты выходишь за пределы; тогда ты ни то, ни другое. Именно это и есть трансценденция; именно это и есть брахмачарья. Тогда ты снова достигаешь своей чистой девственности; снова предьявляешь права на свое оригинальное лицо.

В последнее время я начинаю осознавать, что даже мой возлюбленный для меня незнакомец. В то же время есть интенсивная жажда преодолеть эту отделенность между нами. У меня такое ощущение, словно мы линии, параллельные друг другу, которым предназначено никогда не встретиться. Похож ли мир сознания на мир геометрии - или есть какой-то шанс того, чтобы параллельные линии встретились?

Это одна из величайших тайн, с которыми приходится столкнуться влюбленному: влюбленным невозможно отбросить эту незнакомость, отчужденность, отделенность. Фактически, само действие любви таково, что влюбленные должны быть полярными противоположностями. Чем дальше они друг от друга, тем более они друг для друга привлекательны. В их отделенности - их влечение друг к другу. Они подходят близко, очень близко, но никогда не становятся одним. Они подходят так близко, что, кажется, еще один шаг, и они станут одним целым. Но этот шаг никогда не совершается, не может свершиться по природе вещей, по естественному закону.

Напротив, когда они очень близко, тотчас же они начинают снова отделяться, отдаляться. Потому что когда они очень близко, влечение теряется; они начинают ссориться, пилить друг друга. Это способы снова создать расстояние. И как только есть расстояние, тотчас же они начинают

снова чувствовать друг к другу влечение. И это продолжается как ритм: сближение, отдаление; сближение, отдаление.

Есть жажда быть одним целым – но на уровне биологии, на уровне тела стать одним целым невозможно. Даже занимаясь любовью, вы не одно целое; отдаленность на физическом уровне неизбежна.

Ты говоришь: "В последнее время я начинаю осознавать, что даже мой возлюбленный для меня незнакомец". Это хорошо. Это часть растущего понимания. Только инфантильные люди могут думать, что знают друг друга. Ты не знаешь даже самого себя, как ты можешь вообразить, что знаешь своего возлюбленного?

Ни возлюбленный не знает себя, ни ты сам. Два неизвестных существа, два незнакомца, которые ничего не знают о себе, пытаются узнать друг друга – это упражнение в бесполезности. Оно обречено на разочарование, поражение. И именно поэтому все влюбленные злы друг на друга. Они думают, что, может быть, другой не допускает их в свой личный мир: "Он держит меня на расстоянии, он держит меня в некотором отдалении". И оба они думают одно и то же. Но это неправда, все эти жалобы ложны. Дело просто в том, что они не понимают законов природы.

На уровне тела вы можете подойти друг к другу очень близко, но не можете стать одним целым. Стать одним целым можно лишь на уровне сердца – но лишь на мгновение, не навсегда.

На уровне существа вы есть одно целое. Не нужно становиться одним целым; это нужно только обнаружить.

Ты говоришь: "В то же время есть интенсивная жажда преодолеть эту отдаленность между нами". Если ты будешь продолжать пытаться ее преодолеть на физическом уровне, это будет постоянным поражением. Эта жажда просто показывает, что любовь должна выйти за пределы тела, что любовь хочет чего-то высшего, чем тело, чего-то большего, чем тело, чего-то более глубокого, чем тело. Даже встречи двух сердец – хотя и сладкой, безмерно радостной – все же недостаточно, потому что она происходит лишь на мгновение, и тогда незнакомцы снова становятся незнакомцами. Пока ты не откроешь мир существа, ты не сможешь удовлетворить эту жажду быть одним целым. И вот странный факт: в тот день, когда ты станешь одним целым со своим возлюбленным, ты станешь одним целым и со всем существованием.

Ты говоришь: "У меня такое ощущение, словно мы линии, параллельные друг другу, которым суждено никогда не встретиться". Может быть, ты не знаешь неевклидовой геометрии, потому что ей еще не учат в наших учебных заведениях. Нас все еще учат евклидовой Геометрии, которой две тысячи лет. В евклидовой геометрии параллельные линии никогда не встречаются. Но последние открытия показывают, что никаких параллельных линий нет; именно поэтому они встречаются. Нельзя создать две параллельные линии. Новые открытия очень странны – нельзя создать даже линию, прямую линию, потому что земля круглая. Если ты создашь прямую линию и будешь продолжать оба конца, в конце концов она станет кругом. И если линия, доведенная до конца, становится кругом, это прежде всего не прямая линия; это часть очень большого круга, и часть этого круга – дуга, а не линия. В неевклидовой геометрии линии исчезли, какие могут быть параллельные линии? Нет и никаких параллельных линий.

Поэтому если дело в параллельных линиях, есть шанс, что влюбленные где-то смогут встретиться – может быть, в старости, когда они не смогут больше ссориться, у них не останется на это сил. Они так привыкли... какой смысл? – те же самые ссоры, те же самые проблемы, те же самые конфликты; им скучно друг с другом.

На самом деле, влюбленные прекращают даже разговаривать друг с другом. Какой смысл? Потому что начать разговаривать значит начать ссориться, и это та же ссора, что и раньше; ничего не изменится. И они ссорились столько раз, и все заканчивалось одинаково. Но даже тогда, параллельные линии, в том, что касается влюбленных... в геометрии они могут начать встречаться, но в любви никакой надежды нет; они не могут встретиться.

И хорошо, что они не могут встретиться, потому что если бы влюбленные смогли удовлетворить свою жажду стать одним целым на уровне физического тела, они никогда не смотрели бы вверх. Они никогда не пытались бы найти гораздо большее, скрытое в физическом теле, – сознание, душа, бог. Хорошо, что любовь терпит поражение, потому что поражение любви обязательно отправит тебя в новое паломничество. Эта жажда будет преследовать тебя, пока не приведет в храм, где происходит встреча, – но встреча всегда происходит с целым... в котором будет и твой возлюбленный, но будут и деревья, и реки, и горы, и звезды. В этой встрече не будет только двух вещей: не будет твоего эго, и не будет эго твоего возлюбленного. Кроме этих двух вещей будет все существование. И в этих двух эго на самом деле была вся проблема, именно они делали вас параллельными линиями. Не любовь создает проблемы, а эго. Но жажда не будет удовлетворена. Рождение за рождением жажда будет оставаться, пока ты не найдешь правильную дверь, чтобы выйти за пределы тела и войти в храм.

Муж и жена в возрасте девяносто трех и девяноста пяти лет пришли к адвокату и сказали, что хотят развестись.

– Развод! – воскликнул адвокат. – В вашем возрасте? Но ведь теперь вы нужны друг другу больше, чем когда-либо, и, в любом случае, если вы так долго были женаты, какой в этом смысл?

Муж сказал:

– Мы хотели развестись много лет, но решили подождать, пока не умрут все дети.

Они действительно долго ждали! Теперь нет никаких проблем, они могут развестись – даже теперь не встреча, а развод.

Просто поддерживай свою жажду горячей, пылающей; не теряй сердца. Твоя жажда – семя духовности. Твоя жажда – начало высшего союза с существованием. Твой возлюбленный только служит поводом.

Не печалься, будь счастлив. Радуйся тому, что нет возможности встретиться на физическом уровне. Иначе у влюбленных не было бы никакого пути трансформации. Они приклеились бы друг к другу, они разрушили бы друг друга.

И нет ничего плохого в том, чтобы любить незнакомца. Фактически, гораздо более волнующе любить незнакомца. Когда вы не были вместе, влечение было сильнее. Чем больше вы вместе, тем более тускнеет влечение. Чем более вы узнаете друг друга, поверхностно, тем меньше волнение. Жизнь очень скоро становится рутинной.

Люди продолжают раз за разом повторять одно и то же. Если ты посмотришь на лица людей в мире, то удивись: почему все эти люди выглядят такими грустными? Почему у них такие глаза, словно они потеряли всякую надежду? Причина проста; причина в повторении. Человек разумен; повторение создает скуку. Скука создает грусть, потому что человек знает, что случится завтра, послезавтра... пока он не окажется в могиле, все будет прежним, одним и тем же.

Финкельштейн и Ковальский сидят в баре и смотрят по телевизору новости. В новостях показывают женщину, стоящую на краю крыши и грозящую прыгнуть вниз. Финкельштейн говорит Ковальскому:

– Вот что я тебе скажу. Давай заключим пари: если она прыгнет, я получаю двадцать долларов. Если она не прыгнет, ты получаешь двадцать долларов. Идет?

– Идет, – говорит Ковальский.

Через несколько минут женщина прыгает с края крыши и разбивается.

Ковальский достает кошелек и протягивает Финкельштейну двадцать долларов. Через несколько минут Финкельштейн оборачивается к Ковальскому и говорит:

– Послушай, я не могу взять у тебя эти двадцать долларов. Я должен тебе кое в чем признаться: я смотрел этот выпуск новостей днем. Это был повтор.

- Нет, нет, - говорит Ковальский. - Оставь себе деньги, ты их выиграл честно и по правилам. Видишь ли, я тоже смотрел этот выпуск по телевизору днем.

- Ты тоже его смотрел? - говорит Финкельштейн. - Но почему же тогда ты принял пари, что эта женщина не прыгнет?

- Я не мог поверить, что она будет достаточно глупа, чтобы сделать это дважды.

Но такова жизнь...

Эту печаль в мире, эту скуку и несчастье можно изменить, если люди узнают, что они просят невозможного.

Не проси невозможного.

Открой законы существования и следуй им.

Твоя жажда быть одним целым - духовное желание, сама основа твоей религиозной природы. Неправильна только точка твоего фокуса.

Возлюбленный - это только повод. Пусть возлюбленный будет просто опытом для большей любви - любви ко всему существованию.

Пусть эта жажда будет поиском твоего собственного внутреннего существа; там встреча уже происходит, там мы уже одно целое.

Там ты никогда не был отдельным.

Жажда совершенно правильна; неправилен только ее объект. Это создает все страдание и ад. Просто измени объект, и твоя жизнь становится раем.

СВОБОДА

Мужчина обратил женщину в рабство, а женщина обратила в рабство мужчину.

И, конечно, оба они ненавидят рабство, оба они сопротивляются ему. Они постоянно ссорятся; чтобы началась ссора, достаточно небольшого повода. Но настоящая ссора где-то глубоко внутри; настоящая ссора состоит в том, что они просят свободы. Может быть, они не могут сказать этого ясно, может быть, они совершенно забыли. Люди жили таким образом тысячи лет. Они видели, что их отец и мать прожили точно так же, они видели, что их дед и бабушка прожили точно так же. Именно так живут люди - они это приняли. Их свобода разрушена.

Это так, словно мы пытаемся летать в небе на одном крыле. У некоторых людей есть крыло любви, у некоторых крыло свободы - но ни те, ни другие не могут летать. Нужны оба крыла.

Табула Раса

Философии всегда верили, что суть предшествует существованию, и когда человек рождается, то кем он станет, уже предрешиено. Точно как семя он содержит в себе всю программу; теперь дело только в том, чтобы она была исполнена. Нет никакой свободы - это было подходом всех философий в прошлом: у человека есть определенная судьба, предназначение. Другое дело, что ты его не осознаешь, но что бы ты ни делал, это делаешь не ты. Это происходит посредством тебя, движимое естественными бессознательными силами, или Богом.

Это подход детерминиста, фаталиста. Все человечество очень от этого пострадало, потому что этот подход означает, что невозможно никакой радикальной перемены. Ничего нельзя сделать с человеческой трансформацией; все случится так, как должно случиться. Больше всего пострадал от этого подхода Восток. Если ничего нельзя сделать, человек начинает принимать все - рабство, бедность, уродство; ему приходится принимать все. Это не понимание, не осознанность; это не то, что Гаутама Будда называет "таковостью", татхатой. Это просто отчаяние, безнадежная попытка спрятаться за красивыми словами.

Но последствия этого были самыми плачевными. В Индии их можно увидеть в самой развитой форме: бедность, нищие, болезни, калеки, слепые. И никто этого не замечает, потому что "такова жизнь", и именно такой жизнь всегда была и всегда будет. В саму душу закрадывается своего рода летаргия.

Но весь этот подход неправилен в своей основе. Это утешение, не открытие, возникающее из видения реальности. Это попытка так или иначе скрыть собственные раны - это рационализация. И каждый раз, когда рационализации

начинают скрывать твою реальность, ты обязательно будешь падать в более и более темные царства.

Мне хотелось бы сказать, что сущность не предшествует существованию; напротив, существование предшествует сущности. Человек – это единственное на земле существо, у которого есть свобода. Собака рождается собакой, проживет собакой и собакой умрет; никакой свободы нет. Роза останется розой, невозможна никакая трансформация; она не сможет стать лотосом. Нет никакого выбора, нет вообще никакой свободы. Именно в этом человек полностью отличается. В этом его достоинство, в этом его особенность в существовании, его уникальность.

Именно поэтому я говорю, что Чарльз Дарвин неправ, потому что он начинает классифицировать человека наравне с животными; это основное отличие он не принимает во внимание. Основное отличие в том, что все животные рождаются с программой, а человек – без программы. Человек рождается как табула rasa, чистая грифельная доска; на ней ничто не написано. Если хочешь ее заполнить, ты должен написать все; это будет твоё творение.

Человек не просто свободен, я хотел бы сказать, что он есть свобода. Это его существенное ядро, это сама его душа. В то мгновение, как человеку отказано в свободе, ему отказано в его самом драгоценном сокровище, в самом его царстве. Тогда он только нищий, и это гораздо более уродливая ситуация, чем у других животных, потому что по крайней мере у них есть определенная программа. Человек просто теряется.

Как только это понято, – что человек рождается свободой, – открываются все измерения для роста. Тогда от тебя зависит, кем стать и кем не стать; это будет твоим собственным творением. Тогда жизнь становится приключением – не разворачиванием программы, но приключением, исследованием, открытием. Истина еще тебе не дана; ты должен ее создать. В определенном смысле в каждое мгновение ты создаешь себя.

Даже если ты принимаешь теорию судьбы, это тоже акт решения твоей собственной жизни. Принимая фатализм, ты выбираешь жизнь раба – это твой выбор! Ты выбрал войти в тюрьму, ты выбрал быть закованным в цепи, но все же это твой выбор. Ты можешь выйти из тюрьмы.

Конечно, люди боятся быть свободными, потому что свобода рискованна. Человек никогда не знает, что делает, куда движется и каким будет окончательный результат всего этого. Если ты не "заготовлен заранее", вся ответственность лежит на тебе. Нельзя переложить ответственность ни на кого другого. В конечном счете ты стоишь один перед лицом существования, полностью ответственный за себя. Кем бы ты ни был, каким бы ты ни был, ты не можешь от этого уклониться; не можешь от этого бежать – и это страшно. Из этого страха люди выбирают все возможные фаталистические подходы.

И, странное дело: религиозные и нерелигиозные люди соглашаются в одном: в том, что свободы нет. Во всем остальном они не согласны друг с другом, но странно то, что все они соглашаются в одном. Коммунисты говорят, что они атеисты, нерелигиозные люди, но они говорят, что человека определяют социальные, экономические, политические ситуации. Человек не свободен; сознание человека определяется внешними силами. Это та же самая логика! Ты можешь назвать внешние силы экономической структурой. Гегель называет это "Историей" – с заглавной буквы, заметьте, – а все религиозные люди называют это "Богом", снова с заглавной буквы. Бог, История, Экономика, Политика, Общество – все это внешние силы, и все подходы соглашаются в одном: в том, что ты не свободен.

А я вам говорю, вы абсолютно свободны, свободны без всяких условий. Не избегайте ответственности; избегание не поможет. Чем скорее ты ее примешь, тем лучше, потому что тотчас же ты начнешь создавать самого себя. А в то мгновение, как ты создаешь самого себя, возникает великая радость, и когда ты завершаешь самого себя, таким, каким хочешь себя видеть ты сам, это приносит безмерную удовлетворенность. Точно как когда художник заканчивает картину, наносит последний штрих, у него в сердце возникает великая удовлетворенность. Хорошо сделанная работа приносит огромный покой. Человек чувствует, что соучаствовал с целым.

Единственная молитва – быть творческим, потому что только в творчестве ты можешь соучаствовать с целым; нет другого способа соучаствовать. О Боге нельзя учить, ты должен каким-то образом в нем участвовать. Ты не можешь быть наблюдателем, ты можешь быть только участником; лишь тогда ты можешь испытать вкус его тайны. В том, чтобы создать картину, нет ничего особенного. Создать стихотворение, создать музыку – ничто в сравнении с тем, чтобы создать себя, создать собственное сознание, создать само свое существо.

Но люди боятся, и тому есть причины. Первая причина состоит в том, что это рискованно, потому что ответствен только ты. Во-вторых, свободой можно злоупотребить – потому что ты можешь выбрать быть не тем, кем нужно. Свобода означает, что ты можешь выбрать правильное или неправильное; если ты свободен только выбрать правильное, это не свобода. Тогда это будет похоже на первые машины Форда – все они были черными. И он приводил своих покупателей в магазин и говорил: "Вы можете выбрать любой цвет, при условии, что этот цвет черный!"

Что это за свобода? – при условии, что этот цвет черный. При условии, что ты следуешь Десяти Заповедям, при условии, что ты живешь согласно Гите или Корану, при условии, что ты почитаешь Будду, Махавиру, Заратустру. Это вообще не свобода! Свобода по своей сути, по своему существу означает, что ты способен на то и другое: выбрать правильное или неправильное.

И опасность в том – и это пугает – что неправильное сделать всегда легче. Неправильное – это путь под гору, а правильное – подъем. Подниматься тяжело и трудно; чем выше ты поднимаешься, тем тяжелее становится подъем. Но спускаться под гору очень легко. Ничего не нужно делать, гравитация делает все за тебя. Ты можешь просто подтолкнуть камень, чтобы он покатился с вершины холма, и он скатится до самого дна долины; ничего не нужно делать. Но если хочешь подниматься в сознании, если хочешь подниматься в мир красоты, истины, блаженства, тогда ты жаждешь высочайших из всех возможных вершин, и, безусловно, это трудно. Во-вторых, чем выше ты поднимаешься, тем больше опасность упасть, потому что тропа становится узкой, и со всех сторон тебя окружают темные долины. Один неверный шаг, и ты просто упадешь в пропасть, исчезнешь. Гораздо комфортнее, удобнее ходить по ровной земле, не заботясь о высотах. Свобода дает тебе возможность или пасть ниже животных, или подняться выше ангелов. Свобода – это лестница. Один конец лестницы простирается в ад, другой касается небес. Это одна и та же лестница; направление выбирать тебе.

И для меня, если ты не свободен, ты не можешь злоупотребить своей несвободой. Несвободой злоупотребить нельзя. Заключенный не может злоупотребить своей ситуацией – он закован в цепи, он не свободен ничего делать. И в такой ситуации находятся все животные, кроме человека, – они не свободны; они рождены определенного вида животными и должны этому соответствовать. Фактически соответствовать заставляет их сама природа; от них вообще ничего не требуется. В их жизни нет вызова. Только человеку приходится встретить вызов, великий вызов. Очень немногие люди решились рискнуть, достичь высот, открыть высочайшие вершины. Лишь немногие – Будда, Христос – лишь очень немногие, которых можно пересчитать по пальцам.

Почему все человечество не выбрало достичь такого же состояния блаженства, что и Будда, такого же состояния любви, что и Христос, такого же состояния празднования, что и Кришна? Почему? – по той простой причине, что опасно даже стремиться к этим высотам. Лучше об этом не думать, а лучший способ о них не думать – это принять, что нет никакой свободы, и ты уже заранее предопределен. Есть определенный код, переданный тебе до твоего рождения, и ты должен просто осуществить его. Злоупотребить можно только свободой, рабством злоупотребить нельзя. Именно поэтому ты видишь в сегодняшнем мире столько хаоса. Его никогда раньше не было, и по той простой причине, что человек никогда не был так свободен. В Америке можно найти больше хаоса по той простой причине, что

американцы наслаждаются величайшей свободой, которая только существовала где-либо в мире за все время истории. Где бы ни возникла свобода, там происходит извержение хаоса. Но этот хаос того стоит, потому что только из хаоса рождаются звезды.

Я не даю вам никакой дисциплины, потому что каждая дисциплина – это тонкого вида рабство. Я не даю вам никаких заповедей, потому что любые заповеди, данные кем-то другим, извне, будут для вас тюремным заключением, порабощением. Я учу вас только тому, как быть свободными, и предоставляю вас самим себе, чтобы вы могли делать со своей свободой, что хотите. Если хочешь пасть ниже животных, это твое решение, и тебе это абсолютно позволено, потому что это твоя жизнь. Если ты решаешь таким образом, это твоя прерогатива. Но если ты понимаешь свободу и ее ценность, ты не начнешь падать; ты не опустишься ниже животных, ты начнешь подниматься выше ангелов.

Человек не сущность, он мост, мост между двумя сущностями – животным и богом, бессознательным и сознательным. Расти в сознании, расти в свободе. Совершай каждый шаг по собственному выбору. Создавай себя и возьми на себя всю ответственность за это.

Основа Рабства

Секс – это самый мощный в человеке инстинкт. Политик и священник с самого начала поняли, что секс – это самая мотивирующая в человеке энергия. Его нужно отнять, его нужно отсечь. Если человеку позволить полную свободу в сексе, тогда не будет никакой возможности над ним главенствовать. Сделать его рабом будет невозможно.

Не замечали ли вы, что происходит именно это? Когда вы хотите запрячь быка в ярмо, что вы делаете? Вы его кастрируете, разрушаете его сексуальную энергию. Видели ли вы разницу между быком и мулом? Какая огромная разница! Мул – это бедное явление, раб. Бык прекрасен; бык – это великолепное явление, великая красота. Посмотрите, как ходит бык, – он ходит, как император! И посмотрите, как тащится мул в упряжке. То же самое было сделано с человеком: сексуальный инстинкт был отторгнут, отсечен, искалечен. Человек больше не существует как бык, он существует как мул, и каждый человек тащит тысячу и одну упряжку, и ярмо каждой из них лежит на твоей шее.

Почему нельзя запрячь в ярмо быка? Бык слишком силен. Если он увидит, что мимо идет корова, он сбросит и тебя, и твою упряжку и бросится к корове! Он нисколько не будет заботиться о том, кто ты такой, он не будет тебя слушать. Быка невозможно контролировать. Сексуальная энергия – это жизненная энергия; она неподвластна контролю. А политика и священника интересуешь ты, их интересует лишь то, как направить твою энергию в других направлениях. За этим стоит определенный механизм – его нужно понять.

Сексуальное подавление, сексуальные табу – это сама основа человеческого рабства. Человек не может быть свободным, пока не свободен секс. Человек не может быть действительно свободным, пока его сексуальной энергии не позволен естественный рост.

Вот пять трюков, посредством которых человек обращается в раба, в уродливое явление, в калеку.

Первый:

Удерживать человека как можно более слабым, если хочешь над ним главенствовать. Если священник или политик хочет над тобой главенствовать, тебя нужно удерживать в состоянии как можно большей слабости. А самый лучший способ удерживать человека в слабости – это не давать полной свободы любви. Любовь – это питание. Сейчас психологи открыли, что если ребенку не давать любви, он замыкается в себе и становится слабым. Ему можно давать молоко, лекарства и все что угодно, кроме любви. Не обнимай его, не целуй, не прижимай к теплу своего тела, и ребенок начнет становиться слабее, слабее и слабее. И у него будет больше шансов умереть, чем выжить.

Что происходит? Почему? Просто обнимая, целуя, давая тепло... каким-то образом ребенок чувствует, что получает питание, что его принимают,

любят, что он нужен. Ребенок начинает чувствовать себя достойным; ребенок начинает чувствовать в жизни определенный смысл.

И с самого детства мы морим его голодом; мы не даем ему столько любви, сколько ему нужно. Потом мы пытаемся заставить молодых людей и девушек не влюбляться, пока они не женятся. К возрасту четырнадцати лет они достигают сексуальной зрелости. Но их образование может занять больше времени, десять лет или больше, пока им не исполнится двадцать четыре, двадцать пять лет – тогда они получают свои степени М.А., Ph.D, M.D. И мы пытаемся заставить их не любить.

Сексуальная энергия достигает кульминации в возрасте около восемнадцати лет. Никогда больше мужчина не будет так силен, никогда больше женщина не будет способна к большему оргазму, чем в возрасте восемнадцати лет. Но мы заставляем их не заниматься любовью – юношей и девушек держат по отдельности, и между ними стоит весь механизм полиции, суда, проректоров, ректоров, директоров школ. Все они стоят между ними, просто удерживая мальчиков от девочек, удерживая девочек от мальчиков. Почему? Почему принимается столько мер? Они пытаются убить быка и создать мула.

К возрасту восемнадцать лет ты достигаешь вершины сексуальной энергии, энергии любви. К тому времени, как ты женишься, тебе двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь лет... и возраст продолжает расти и расти. Чем более культурна страна, тем дольше ты ждешь, потому что тем большему нужно научиться, и нужно найти работу, сделать то или другое. К тому времени как ты женишься, твои силы уже почти начинают идти на спад. Тогда ты любишь, но любовь никогда не становится действительно жаркой; она никогда не достигает точки, в которой люди просто испаряются, она остается тлеющей. И если ты никогда не мог любить тотально, то не сможешь любить и своих детей, потому что не умеешь. Если ты не смог узнать вершин любви, чему ты можешь научить детей? Как ты можешь помочь детям достичь этих вершин?

Таким образом, человеку многие века отказывали в любви, чтобы он оставался слабым.

Второй трюк:

Удерживать человека в состоянии как можно более невежественном и легковерном, чтобы его легко было обмануть. И если ты хочешь создать своего рода идиотизм, – а для политика, священника и их заговора это неременное условие, тогда самое лучшее – это не позволять человеку свободно двигаться в любовь. Без любви разум человека падает до нуля. Вы этого не замечали? Когда ты влюбляешься, внезапно все способности достигают пика, кульминации. Лишь мгновение тому назад ты выглядел угасшим, потом встретился со своей женщиной, в твоём существе взрывается огромная радость; ты воспламенен. Пока люди влюблены, они действуют по максимуму своих способностей. Когда любовь исчезает, или когда любви нет, они действуют по минимуму.

Самые разумные люди – это и самые сексуальные люди. Это нужно понять, потому что энергия любви – это по своей основе разум. Если ты не можешь любить, ты так или иначе закрыт, холоден; ты не можешь течь. Пока человек влюблен, он течет. Пока он влюблен, он так уверен в себе, что может коснуться звезд. Именно потому женщина становится великим вдохновением, мужчина становится великим вдохновением. Когда женщина любима, она становится красивее тотчас же, мгновенно! Лишь мгновение тому назад она была обычной женщиной, а теперь на нее излилась любовь – ее орошает новая энергия, вокруг нее возникает новая аура. Она ходит изящнее, в ее шагах появляется танец. В ее глазах теперь есть огромная красота; ее лицо сияет, она вся светится. И то же самое происходит с мужчиной.

Когда люди влюблены, они действуют в оптимуме. Не позволяй им любви, и они останутся в минимуме. Когда они остаются в минимуме, они глупы, они невежественны, они не заботятся о том, чтобы что-то знать. А когда люди невежественны, глупы и легковерны, их легко одурачить.

Когда люди сексуально подавлены, подавлены в любви, они начинают жаждать жизни иной. Они думают о небесах, о рае, но не думают о том, как создать рай здесь и сейчас. Когда ты влюблен, рай здесь и сейчас. Тогда ты ни о

чем не заботишься; кто тогда пойдет к священнику? Кто тогда будет заботиться о каком-то другом рае? Ты уже в нем! Тебя он больше не интересует. Но когда твоя энергия любви подавлена, ты начинаешь думать: Здесь ничего нет, сейчас пусто. Наверное, должна быть где-то какая-то цель..." Ты идешь к священнику и спрашиваешь о небесах, и он рисует прекрасные картины небес. Секс подавлен до такой степени, что тебя может начать интересовать жизнь иная. И когда людей начинает интересовать жизнь иная, естественно, их больше не интересует эта жизнь.

Эта жизнь – единственная жизнь. Жизнь иная скрыта внутри этой жизни! Она не против нее, не удалена от нее; она в ней. Иди в нее – это она и есть! Иди в нее, и ты найдешь и вторую. Бог скрыт в этом мире, Бог скрыт здесь и сейчас. Если ты любишь, то сможешь его почувствовать.

И третий секрет:

Удерживай людей как можно более испуганными. И верный способ это сделать – не позволять им любить, потому что любовь разрушает страх – "любовь изгоняет страх". Когда ты влюблен, ты ничего не боишься. Когда ты влюблен, ты можешь бороться со всем миром. Когда ты влюблен, ты чувствуешь, что способен на все. Но если ты не влюблен, ты боишься даже небольших вещей. Если ты не влюблен, тебя более интересует безопасность, защищенность. Когда ты влюблен, тебя более интересует приключение, исследование. Людям не позволяли любить, потому что это единственный способ заставить их бояться. И когда они боятся и дрожат, они всегда остаются на коленях, кланяются священнику и политику.

Это великий заговор против человечества. Это великий заговор против тебя! Твой политик и священник – твои враги, но они притворяются народными слугами. Они говорят: "Мы здесь, чтобы тебе служить, чтобы тебе помочь достичь лучшей жизни. Мы здесь, чтобы создать для тебя хорошую жизнь". Тогда как на самом деле они – разрушители самой жизни.

Четвертый:

Удерживать человека как можно более несчастным – потому что несчастный человек остается в замешательстве, несчастный человек не имеет собственного достоинства, несчастный человек осуждает себя, несчастный человек чувствует, что, наверное, сделал что-то плохое. У несчастного человека нет почвы под ногами – ты можешь толкать его туда-сюда, и его очень легко превратить в плывущее по реке полено. Несчастный человек всегда готов к тому, чтобы им командовали, чтобы ему приказывали, чтобы его дисциплинировали, потому что он знает: "Сам по себе я просто несчастен. Может быть, кто-то другой может дисциплинировать мою жизнь". Он готов быть жертвой.

И пятое:

Удерживать людей как можно более отчужденными друг от друга, чтобы они не могли собираться вместе ни для какой цели, которую могут не одобрить политик и священник. Удерживать людей отдельными друг от друга. Не позволять им никакой близости. Когда люди отделены, одиноки, отчуждены друг от друга, они не могут собраться вместе. И есть тысяча и один трюк, чтобы удерживать их порознь.

Например: если ты берешь кого-то за руку, – ты мужчина, и берешь за руку мужчину, идешь по дороге и поешь, – ты начинаешь чувствовать себя виноватым, потому что люди начинают на тебя смотреть: "Ты что, голубой? Гомосексуалист?" Двоим мужчинам не разрешается вместе быть счастливыми. Им не разрешается держаться за руки, не разрешается обнимать друг друга. Их осуждают как гомосексуалистов. Возникает страх. Если твой друг придет и возьмет тебя за руку, ты оглянешься по сторонам: "Не смотрит ли кто-нибудь?" И ты так торопишься отнять руку.

Вы пожмаете руки так торопливо. Вы не наблюдали? Едва вы коснулись рук друг друга, как рукопожатие уже окончено. Вы не держитесь за руки, не обнимаете друг друга; вы боитесь. Помнишь ли ты, чтобы тебя обнимал твой отец? Помнишь ли ты, чтобы тебя обнимала твоя мать после того, как ты стал сексуально зрелым? Почему нет? Возник страх. Молодой человек обнимает мать? – может быть, между ними возникнет какой-то секс, какая-то

идея, фантазия. Возникает страх: отец и сын, отец и дочь – нет. Брат и сестра – ... нет; брат и брат – ... нет!

Людей держат в изолированных коробках, окруженных толстыми стенами. Каждого классифицируют, и между людьми устанавливают тысячу и один барьер. Да, однажды, через двадцать пять лет этой тренировки, тебе будет позволено заниматься любовью со своей женой. Но теперь эта тренировка проникла в тебя так глубоко, что внезапно ты не знаешь, что делать. Как любить? Ты не научился этому языку. Это все равно что двадцать пять лет не давать человеку говорить. Просто представь: двадцать пять лет ему не разрешали сказать ни слова, а потом внезапно его выводят на сцену и говорят: "Прочти-ка нам хорошую лекцию". Что произойдет? Он упадет на месте. Он может упасть в обморок, может умереть... двадцать пять лет молчания, и тут внезапно от него ждут, чтобы он прочел хорошую лекцию? Это невозможно.

Происходит именно это! Двадцать пять лет антилюбви, страха, и вот внезапно закон тебе разрешает – выдана лицензия, и теперь ты можешь любить эту женщину. "Это твоя жена, а ты ее муж, и вам разрешается любить друг друга". Но куда денутся эти двадцать пять лет тренировки? Они останутся с вами.

Да, ты будешь "любить"... ты будешь изображать и жестикулировать. Это не будет взрывным, не будет оргазмическим; это будет очень крошечным. Именно поэтому вы разочаровываетесь, когда занимаетесь любовью – девяносто девять процентов людей разочарованы после того, как занимаются любовью, более разочарованы, чем когда-либо раньше. И они чувствуют... "Что это такое? В этом ничего нет! Это неправда!"

Сначала политик и священник устраивают так, чтобы ты не мог любить, потом приходят и проповедуют, что ничто не может быть важнее любви. И конечно, их проповеди кажутся правильными, их проповеди выглядят так, словно полностью соответствуют твоему опыту. Сначала они создают опыт бесполезности, разочарования – потом проповедуют. И то и другое вместе кажется логичным, целостным. Это великий трюк, величайший трюк, который только когда-либо играли с человеком.

Эти пять целей можно осуществить посредством одной – наложить табу на любовь. Этих пяти целей можно достичь, так или иначе помешав людям любить друг друга. И это табу устраивается очень научным способом. Это табу – великое произведение искусства: в него вложено великое искусство и коварство. Это действительно шедевр! Это табу нужно понять.

Во-первых: оно не прямое, оно скрытое. Оно не очевидно, потому что когда табу очевидно, оно не работает. Табу должно быть очень скрытым, чтобы ты не видел, как оно работает. Табу должно быть настолько скрытым, чтобы ты не мог даже вообразить, что такое возможно. Табу должно идти глубоко в бессознательное, не оставаться в сознательном. Но как сделать его таким тонким и косвенным?

Вот в чем состоит трюк: сначала учить, что любовь великая ценность, чтобы никто никогда не подумал, что священники и политики против любви.

Продолжай учить о том, как велика любовь, что любовь самое правильное, и в то же время не допускай никакой ситуации, в которой любовь могла бы случиться. Не допускай ни малейшей возможности. Не давай возможности и продолжай учить, что еда замечательна, что есть очень радостно: "Ешьте как можно лучше" – но не давай никакой еды. Удерживай людей голодными и продолжай говорить о любви. Поэтому все священники без конца говорят о любви. Любовь восхваляется, объявляется выше всего, ставится рядом с Богом, и в то же время любая возможность того, чтобы она случилась, уничтожена. Прямо ее поощряют; косвенно же обрубают самые ее корни. Это шедевр.

Никакие священники не говорят о том, как они причинили этот вред. Это все равно что продолжать говорить дереву: "Будь зеленым, цвети, радуйся", и в то же время обрубать его корни, чтобы дерево не могло быть зеленым. И когда дерево не зелено, ты набрасываешься на него и говоришь: "Слушай! Ты не слушаешь. Ты нас не слушаешься. Мы все тебе говорим: "Будь зеленым,

цвети, наслаждайся, танцуй"... И тем временем вы продолжаете обрубать его корни...

Любовь так отвергаема, а любовь – это редчайшая в мире вещь; ее нельзя отвергать. Если человек может любить пять человек, он должен любить пять человек. Если человек может любить пятьдесят человек, он должен любить пятьдесят человек. Если человек может любить сто человек, он должен любить сто человек. Любовь так редка, что чем более ты ее распространяешь, тем лучше. Но это великие трюки – тебя загоняют в узкий, очень узкий угол. Ты можешь любить только свою жену, ты можешь любить только своего мужа, ты можешь любить только это, только то – условий так много. Это все равно что закон, что ты можешь дышать, только когда ты со своей женой, ты можешь дышать, только когда ты со своим мужем. Тогда само твое дыхание станет невозможным! Тогда ты умрешь, и даже тогда не сможешь дышать только со своим мужем или со своей женой. Тебе придется дышать двадцать четыре часа в сутки или не дышать вообще.

Будь любящим.

И вот еще один трюк: они говорят о "высшей любви" и разрушают "низшую". Они говорят, что низшую любовь нужно отвергнуть: телесная любовь плоха, духовная любовь хороша.

Но видел ли ты когда-нибудь дух без тела? Видел ли ты когда-нибудь дом без фундамента? Низшее служит высшему основанием. Тело – твое жилище; дух живет в теле, с телом. Ты воплощенный дух, одухотворенное тело – ты то и другое вместе. Низшее и высшее не отделены, они одно целое – ступени одной лестницы. Низшее нельзя отвергать, низшее нужно трансформировать в высшее. Низшее хорошо – если ты застрял в низшем, в этом виноват ты, не низшее. Нет ничего плохого в нижней ступени лестницы. Если ты застрял на ней, застрял ты: это что-то в тебе самом.

Двигайся.

В самом сексе нет ничего плохого. Плох ты, если ты в нем застрял.

Двигайся выше. Высшее не против низшего; низшее делает возможным существование высшего.

Все эти трюки создали многие другие проблемы. Каждый раз, когда ты влюбляешься, ты чувствуешь себя виноватым; возникло чувство вины. Если есть чувство вины, ты не можешь тотально двигаться в любовь – тебе мешает чувство вины, оно продолжает тебя сдерживать. Даже занимаясь любовью с женой или мужем, ты чувствуешь вину: ты знаешь, что это грех, ты знаешь, что делаешь что-то нехорошее. "Святые этого не делают" – ты грешник. Поэтому ты не можешь быть тотальным, даже если тебе разрешается – на поверхности – любить свою жену. Внутри тебя, в этом чувстве вины, прячется священник; он помыкает тобой изнутри, дергает за веревочки. Когда возникает чувство вины, ты начинаешь чувствовать, что с тобой что-то не в порядке; ты теряешь собственное достоинство, теряешь самоуважение. И возникает другая проблема: когда есть чувство вины, ты начинаешь притворяться. Матери и отцы не позволяют детям узнать, что они занимаются любовью, они притворяются. Они притворяются, что секса не существует. Рано или поздно дети узнают об их притворстве. Когда дети узнают об этом притворстве, они потеряют все доверие. Они почувствуют себя преданными, они почувствуют себя обманутыми.

Отцы и матери говорят, что их дети их не уважают, – вы сами тому причина, как они могут вас уважать? Вы обманывали их всеми возможными способами, вы были нечестными, вы обошлись с ними подло. Вы говорили им не влюбляться – "Остерегайтесь!", а сами все это время занимались любовью. И рано или поздно придет день, когда они осознают, что даже их отец, даже их мать не были с ними честными. Как они могут вас уважать?

Прежде всего чувство вины создает притворство. Затем притворство создает отчужденность от других людей. Даже ребенок, твой собственный ребенок, не будет чувствовать себя с тобой сонастроенным. Есть преграда – твое притворство. И когда ты знаешь, что каждый притворяется... Однажды ты узнаешь, что притворяешься не только ты, но и другие. Если притворяются все, как ты можешь общаться? Если фальшивы все, как ты можешь с кем-то общаться? Как ты можешь быть другом, если всюду вокруг только притворство

и обман? Ты становишься очень, очень скептическим в отношении реальности, ты наполняешься горечью.

И каждый носит фальшивое лицо, никто не подлинный. Каждый носит маску, никто не показывает своего оригинального лица. Ты чувствуешь себя виноватым, чувствуешь, что притворяешься, и знаешь, что притворяются все остальные. Каждый чувствует себя виноватым, и каждый становится точно как уродливая рана. Теперь очень легко сделать всех этих людей рабами - превратить их в клерков, станционных смотрителей, сборщиков налогов, священников, губернаторов, президентов. Теперь очень легко этих людей отвлечь. Они отсечены от своих собственных корней.

Секс - это корни; отсюда название муладхара в языке тантры и йоги.

Муладхара значит "корень энергии".

Я слышал...

Это было в ее первую брачную ночь, и высокомерная леди Джэйн впервые выполняла супружеские обязанности.

- Сэр, - спросила она жениха, - это и есть то, что простолюдины называют "заниматься любовью"?

- Да, это так, леди, - ответил лорд Реджинальд, продолжая.

Через некоторое время леди Джэйн воскликнула:

- Это слишком хорошо для простолюдинов!

Простолюдинам на самом деле не разрешалось заниматься любовью: "Это для них слишком хорошо". Но проблема в том, что если ты отравляешь весь мир простолюдинов, то отравляешь и себя. Если ты отравляешь воздух, которым дышат простые люди, будет отравлен и воздух, которым дышит король. Его нельзя отделить - все это едино. Когда священник отравляет простых людей, в конце концов оказывается отравленным и он сам. Когда политик отравляет воздух простых людей, в конце концов тот же воздух вдыхает и он сам - другого воздуха нет.

Приходской священник и архиепископ сидели напротив друг друга в одном купе в долгом путешествии. Когда вошел епископ, приходской священник спрятал экземпляр журнала "Плэйбой", накрыв его "Вестником Церкви". Епископ совершенно игнорировал его, и все его внимание было поглощено решением кроссворда в "Тайме". Царило молчание.

Через некоторое время приходской священник попытался завязать беседу. И когда епископ стал чесать затылок и говорить "так-так-так", он попытался снова.

- Не могу ли я вам помочь, сэр?

- Может быть. Мне не хватает только одного слова. В нем четыре буквы, последние буквы u-n-t, и вот описание: женское по существу.

- Как же, сэр, - сказал приходской священник после непродолжительной паузы, - это будет "тетя".

- Конечно, конечно! - сказал епископ. - Слушайте, молодой человек, у вас не найдется стирательной резинки?*

* Игра слов; епископ хочет стереть, исправить на "aunt" написанное им слово "sunt" - английский эквивалент русского "п..да".

Когда ты подавляешь вещи на поверхности, они проникают глубоко вовнутрь, в бессознательное. Они остаются там. Секс не был разрушен - по счастью. Он не был разрушен, он был только отравлен. Его нельзя разрушить; это жизненная энергия. Он стал загрязненным, и его можно очистить.

Твои жизненные проблемы можно свести в самой их основе к твоим сексуальным проблемам. Можешь продолжать решать другие проблемы, но никогда не сможешь их решить, потому что это не настоящие проблемы. Но если ты решишь сексуальную проблему, все остальные проблемы исчезнут, потому что ты решил основную. Но ты боишься даже смотреть на нее.

Это просто. Если ты можешь отложить в сторону свою обусловленность, это очень просто. Это просто, как в этой истории.

Разочарованная старая дева была бичом полиции. Она непрерывно звонила и говорила, что у нее под кроватью прячется мужчина. В конце концов ее послали в психбольницу, где ей прописали последние лекарства, и через несколько недель доктор пришел с ней побеседовать и решить, достигнуто ли излечение.

- Мисс Растифан, - сказал доктор, - видите ли вы мужчину под кроватью, как и раньше?

- Нет, не как раньше, - сказала она. Но как только доктор приготовился ее выписать, она добавила:

- Теперь я вижу двух.

Доктор объявил консилиуму, на что жалуется эта женщина, и что только одно средство может исцелить ее болезнь, которая называется "злостная девственность" - и предложил устроить ее в спальне с Большим Даном, плотником больницы.

Большого Дана привели, объяснили, на что жалуется эта женщина, и сказали, что его запрут с нею на час. Он сказал, что ему не потребуется столько времени, и вся группа столпилась у дверей в тревожном ожидании... Они услышали:

- Нет, нет, перестань, Дан. Моя мать тебе бы этого никогда не простила!

- Замолчи, это нужно сделать рано или поздно. Это нужно было сделать много лет назад!

- Тогда примени силу, грубиян!

- Это всего лишь то, что должен был сделать твой муж, если бы он у тебя был.

Вне себя от нетерпения медики ввалились в комнату.

Он отпилил ножки у кровати.

Иногда лекарство очень просто. А ты продолжаешь делать тысячу и одну вещь... И этот плотник нашел правильный выход - просто отпилил ножки у кровати, и все было кончено! Где теперь спрятаться мужчине?

Секс - это коренная причина почти всех твоих проблем. Это неизбежно, из-за тысяч лет отравления. Нужно великое очищение. Предъяви вновь права на свою свободу. Воспользуйся своим правом любить. Обрети вновь свою свободу быть, и жизнь больше не будет проблемой. Это тайна, это экстаз, это благословение.

Берегитесь Римских Пап

Я слышал, что Папа, обращаясь к молодежи Латинской Америки, сказал:

- Мои дорогие, берегитесь дьявола. Дьявол будет искушать вас наркотиками, алкоголем и в особенности сексом до брака.

Кто же этот дьявол? Я никогда его не встречал, он никогда не искушал меня. Я не думаю, что кто-нибудь из нас когда-нибудь встречал дьявола или был им искушен.

Желания приходят из вашей природы, это не какой-то дьявол вас искушает. Но это стратегия религий - перекладывать ответственность на воображаемую фигуру, на дьявола, чтобы вы не чувствовали себя осужденными. Осуждают тебя, косвенно, не прямо. Папа говорит, что дьявол ты - но сказать это прямо ему не хватает храбрости, поэтому он говорит, что дьявол где-то еще, отдельная организация, единственная функция которой состоит в том, чтобы искушать людей.

Но это очень странно... миллионы лет прошли, а дьявол все не устает, продолжает искушать. И что он от этого имеет? Ни в одном писании я не нашел, какую награду он получает за миллионы лет усердной работы. Кто ему платит? Кто его наниматель? Это первое...

И второе: разве ваш Бог не всемогущ? Именно это говорят ваши писания: что Бог может все. Если он всемогущ, разве он не может сделать простую вещь?

- просто заставить дьявола перестать искушать людей! Вместо того чтобы подходить к каждому человеку и говорить: "Не поддавайся искушениям дьявола", почему бы не покончить с этим единственным дьяволом?.. Или дать ему, что он хочет, что бы это ни было.

Этот вопрос должен быть решен между Богом и дьяволом. Почему мы должны напрасно путаться у них под ногами? Бог за миллионы лет так и не смог

убедить дьявола или его изменить, или с ним покончить. А если Бог так бессилён перед дьяволом, что сказать о бедных людях, которым эти представители Бога продолжают говорить: "Не поддавайтесь искушениям дьявола"? Если перед дьяволом даже Бог так беспомощен и бессилён, что могут сделать обычные человеческие существа?

Веками эти люди говорили всю эту ложь, и ни разу они не попытались взять на себя ответственность. Это безответственность – говорить молодым людям: "Берегитесь, дьявол будет вас искушать". Фактически этот человек уже вложил искушение в умы этих молодых людей. Может быть, в этот момент они и не думали о наркотиках, алкоголе, сексе до брака. Они пришли послушать Папу, услышать духовную проповедь. Они вернутся домой, думая о сексе до брака, о том, как подвергнуться искушению дьявола, как найти продавцов наркотиков.

Но алкоголь, несомненно, не может быть искушением дьявола, потому что Иисус Христос пил алкоголь – не только пил, но и раздавал апостолам. Алкоголь не против христианства – христианство прекрасно принимает алкоголь, потому что отвергать алкоголь значило бы подвергать опасности Иисуса. Иисус не был членом Общества Анонимных Алкоголиков. Он наслаждался питьем алкоголя и никогда не говорил, что пить грешно – как он мог это говорить? А теперь, кажется, Польский Папа считает себя гораздо религиознее Иисуса Христа.

И я могу, конечно, вообразить, что если единственный единородный сын выпивает, отец, должно быть, был пьяница, да и Святой Дух тоже. Наверное, причиной были они, потому что у кого ещё этому мог научиться Иисус? Безусловно, его не мог искушить дьявол. Мы знаем, что дьявол пытался его искушать, и он сказал дьяволу: "Изыди от меня, ты не можешь меня искушить".

Но эти люди кажутся умственно больными. Ты никогда не встречаешься с дьяволом и ничего подобного ему не говоришь: "Изыди от меня, позволь мне идти своей дорогой. Не мешай мне, не пытайся меня искушать". И если ты будешь говорить все эти вещи, и кто-то услышит, он сообщит в ближайший полицейский участок: "Тут один человек разговаривает с дьяволом, а дьявола нигде не видно".

Иисус также загрязнен равиннами и священниками. Это одна и та же компания, просто разные ярлыки и разные торговые марки. Но бизнес один и тот же, компания одна и та же, работа одна и та же – они развращают человеческие существа, они разрушают твою невинность. Папа беспокоится о сексе до брака – наверное, это то, о чем он сам думает, иначе как могло это предупреждение прийти из его ума? А это самая главная его мысль!

Но что плохого в сексе до брака? Это было проблемой в прошлом, но вы вошли в двадцатый век или нет? Это было проблемой в прошлом, потому что секс может привести к беременности, к рождению детей, и тогда возникнет проблема, кто будет растить этих детей. Кто тогда женится на девушке, которая родила ребенка? Будет масса затруднений и проблем...

необязательно – проблемы только в уме.

Фактически большинство проблем брака возникает потому, что не позволено секс до брака. Это все равно что говорить, что до двадцати одного года ты не можешь плавать. Не поддавайся искушению дьявола: плавание до наступления зрелости грешно. Ладно, однажды тебе исполняется двадцать один год – но ты не умеешь плавать. И думая, что теперь, когда тебе двадцать один год, и ты можешь плавать, ты прыгаешь в реку. Ты прыгаешь навстречу смерти! Потому что обязательно... нет никакого закона, что ты научаешься плавать только потому, что тебе исполняется двадцать один год. И когда ты будешь учиться? Что на самом деле говорят эти люди? Они говорят, что прежде чем войти в реку, ты должен научиться плавать; если тыходишь в реку, то совершаешь грех. Но где тебе научиться плавать? – в спальне, на матрасе? Чтобы плавать, тебе придется пойти к реке.

Есть первобытные племена, которые гораздо более человечны, естественны, где добрый секс поддерживается обществом, поощряется, потому что чтобы научиться, нужно время. В четырнадцать лет девочка становится сексуально зрелой; в восемнадцать лет мальчик становится сексуально зрелым. И этот

возраст становится все более ранним - по мере того как человеческие общества становятся более научными, технологичными, возраст становится более и более ранним. В Америке девочки становятся зрелыми раньше, чем в Индии. И конечно, в Эфиопии, как ты можешь стать сексуально зрелым? - ты умрешь задолго до этого. В Америке возраст снизился с четырнадцати до двенадцати, потому что люди физически сильнее, у них лучше еда, комфортабельнее жизнь. Они становятся сексуально зрелыми рано и смогут функционировать гораздо дольше, чем в бедных странах.

В Индии люди просто не могут поверить, когда читают в газетах, что какой-то американец в возрасте девяноста лет собирается жениться. Индийцы не могут в это поверить - что происходит с этими американцами? К тому времени, как индийцу девяноста лет, он почти двадцать лет провел в могиле; жениться может только его привидение, не он сам. И даже если они остаются в теле, девяностолетний мужчина, который женится на восьмидесятилетней женщине... просто потрясающе! Просто невероятно! И они отправляются в свадебное путешествие. Они действительно хорошо тренированы, они делали это всю жизнь, много раз - женились и отправлялись в свадебное путешествие - и им повезло достаточно, чтобы в одной жизни они смогли прожить по крайней мере пять, шесть, семь жизней. Секс до брака - это один из самых важных вопросов, которые должно решить человеческое общество.

Девочка никогда не будет более живой сексуально, чем была в возрасте четырнадцати лет, и мальчик никогда не будет более живым сексуально, чем был в возрасте восемнадцати лет. Когда природа достигает вершины, вы им мешаете. К тому времени, как мальчику тридцать лет, вы позволяете ему жениться. Его сексуальность уже идет на спад. Его жизненная энергия уже движется под уклон, он теряет интерес. Биологически он уже на четырнадцать или шестнадцать лет опоздал - его поезд давно ушел. Именно из-за этого возникает столько проблем в браке, и благоденствует столько советников - потому что оба партнера пропустили свои кульминационные часы, а эти кульминационные часы были временем, когда они могли узнать, что такое оргазм. Теперь они читают о нем в книгах и мечтают, фантазируют - и его не происходит. Слишком поздно. Путь преграждают Римские Папы.

Я хотел бы вам сказать: не поддавайтесь искушениям Римских Пап. Они настоящие вершители зла. Они отравят вам всю жизнь. Они отравили жизни миллионов людей.

Когда тебе тридцать лет, у тебя не может быть такого качества, такой интенсивности, такого огня, какой был, когда тебе было восемнадцать. Но это было время безбрачия, время избегать искушений дьявола. Каждый раз, когда дьявол тебя искушает, ты начинаешь молиться Богу, повторять мантру, ом мани падме хум. Именно это делают тибетцы.

Каждый раз, когда ты видишь, что тибетец быстро повторяет: "Ом мани падме хум", можешь быть уверен, он подвергается искушениям дьявола, потому что эта мантра используется для того, чтобы отпугнуть дьявола. И чем быстрее ты ее повторяешь, тем быстрее убегает дьявол.

В Индии есть небольшая книга, Хануман Чализа. Это молитва обезьяньему богу, Хануману, который считается безбрачным и защитником всех, кто хочет оставаться безбрачным. Поэтому все люди, которые хотят оставаться безбрачными, поклоняются Хануману. И эту небольшую книгу можно очень легко запомнить. Они продолжают повторять эту молитву, чтобы Хануман продолжал охранять их безбрачие, продолжал охранять их от дьявола, который всегда рыщет вокруг, выжидая шанса поймать их и искушить. Никто вас не искушает. Это просто природа, не дьявол. И природа не против вас, она всецело за вас.

В лучшем человеческом обществе секс до брака будет оцениваться точно так, как в этих немногочисленных первобытных племенах. Логика очень проста. Во-первых: природа приготовила тебя для чего-то, и тебе нельзя отказывать в твоём естественном праве. Если общество не готово к тому, чтобы ты женился, это проблема общества, не твоя. Общество должно найти какой-то способ. Очень редко девочка беременеет. Если девочка беременеет, мальчик

и девочка женятся. В этом нет ничего постыдного, нет никакого скандала, никакого осуждения. Напротив, старейшие благословляют молодую пару, потому что они оказались самыми жизнеспособными; природа в них сильнее всего, их биология активнее, чем у всех остальных. Но это происходит редко.

Происходит так, что каждый мальчик и каждая девочка получают тренировку. В первобытных обществах, которые я посещал, есть правило, что девочкам после того как им исполняется четырнадцать лет, и мальчикам после того как им исполняется восемнадцать, не разрешается спать дома. У них есть общий холл посреди деревни, куда приходят спать все мальчики и девочки. Теперь им не нужно прятаться за машиной или в гараже. Это уродливо - это общество заставляет людей быть ворами, обманщиками, лжецами. И их первый опыт любви происходит в таких уродливых ситуациях - прячась, боясь, чувствуя себя виноватыми, зная, что это искушение дьявола. Они не могут этим наслаждаться, когда способны наслаждаться полнее всего, переживать это как кульминацию.

Вот что я хочу сказать: если бы они пережили секс в его кульминации, он потерял бы свою власть над ними. Тогда всю жизнь они не смотрели бы журналы "Плэйбой"; не было бы необходимости. И они не видели бы снов о сексе, у них не было бы сексуальных фантазий. Они не читали бы третьесортных романов и не смотрели бы голливудских фильмов. Все это возможно лишь потому, что им было отказано в их праве от рождения. В первобытном обществе на ночь они собираются вместе. Им дается только одно правило: "Не будь с одной и той же девочкой дольше трех дней, потому что она не твоя собственность, а ты не ее собственность. Тебе нужно познакомиться со всеми девочками, а девочке нужно познакомиться со всеми мальчиками, прежде чем вы выберете партнера на всю жизнь".

Вот это кажется абсолютно здравым. Прежде чем выбрать партнера на всю жизнь, тебе нужно дать шанс познакомиться со всеми женщинами, которые доступны, со всеми мужчинами. Во всем мире можно увидеть, что никогда не были успешными ни браки по расчету, ни так называемые браки по любви. Те и другие потерпели поражение, и основная причина в том, что в обоих случаях пары не имели никакого опыта; паре не была предоставлена свобода выбрать правильного человека.

Нет другого способа найти правильного человека, кроме как опытным путем. Очень небольшие вещи могут быть беспокоящими. Запаха чьего-то тела может быть достаточно, чтобы испортить весь брак. Это небольшая вещь, но этого достаточно: каждый день... сколько ты можешь это терпеть? Но запах кого-то другого может очень хорошо подходить, может пахнуть как раз так, как нравится.

Просто позвольте людям переживать опыт - и особенно сейчас, когда проблемы беременности больше нет. Эти первобытные племена были достаточно храбры, чтобы делать это тысячи лет - и даже тогда не было больших проблем. Изредка девочка беременела, и тогда пара женилась; иначе никакой проблемы не было.

В этих племенах не было никаких разводов, конечно, потому что как только ты увидел всех женщин, был со всеми женщинами племени и только потом сделал выбор, что теперь ты захочешь изменить? Ты выбрал из опыта, поэтому в этих обществах нет никакой необходимости, никакой речи о разводе. Вопрос не поднимается. Не потому, что развод не разрешается; в этих племенах не возникает самого вопроса о разводе. Они никогда об этом не думали, это никогда не было проблемой. Никто никогда не говорил, что хочет развестись.

Все цивилизованные общества страдают от проблем брака, потому что муж и жена почти враги. Можете называть их "интимными врагами", но это совершенно ничего не меняет - было бы лучше, если бы враги были как можно дальше друг от друга и между ними не было никакой интимности! Если они близки, это означает войну двадцать четыре часа в сутки, непрерывно - изо дня в день. И все это по той простой причине, что учителя пропагандируют эту дурацкую идею: "Остерегайтесь секса до брака".

Если хотите чего-то остерегаться, то остерегайтесь секса в браке, потому что проблема именно в нем. Секс до брака не проблема, и особенно теперь, когда доступны все методы контроля рождаемости.

Каждый колледж, каждый университет, каждая школа должны взять за правило, чтобы каждый ребенок, девочка или мальчик, прошли через все возможные опыты, узнали все типы людей и в конце концов сделали выбор. Этот выбор будет укоренен и основан в знании, в понимании.

Но проблема Римского Папы не в том, что все человечество страдает от брака, что все пары страдают от брака, и из-за их страдания дети учатся путям страдания - его это не волнует. Его волнует только то, что нельзя использовать методов контроля рождаемости. Фактически Папа не говорит: "Берегитесь дьявола", он говорит: "Берегитесь методов контроля рождаемости".

Настоящие проблемы не решаются - только ненастоящие, ложные. А он продолжает давать всему миру советы...

Есть ли Жизнь после Секса?

В определенном возрасте секс становится важным - не потому, что ты делаешь его важным, это не что-то такое, что исходит от тебя; это случается. В возрасте четырнадцати лет, или около того, внезапно энергия наводняется сексом. Это происходит так, словно в тебе прорывает плотину. Тонкие источники энергии, которые еще не были открыты, раскрываются, и вся твоя энергия становится сексуальной, окрашенной сексом. Ты думаешь сексом, ты поешь сексом, ты ходишь сексом - все становится сексуальным. Каждое действие окрашено. Это происходит; ты ничего для этого не сделал. Это естественно.

Трансценденция тоже естественна. Если секс прожит тотально, без всякого осуждения, без всякой идеи о том, чтобы от него избавиться, тогда в возрасте сорока двух лет - точно так же, как в возрасте четырнадцати лет, секс раскрывается, и вся энергия становится сексуальной, в возрасте около сорока двух лет или около того эта плотина закрывается снова. И это так же естественно, как и когда секс становится живым; он начинает исчезать. Секс трансцендируется не каким-то усилием с твоей стороны. Если ты делаешь какое-то усилие, это будет подавляющим усилием, потому что секс не имеет ничего общего с тобой. Он встроен в твое тело, в твою биологию. Вы рождаетесь сексуальными существами; в этом нет ничего неправильного. Это просто способ родиться. Быть человеческим существом значит быть сексуальным. Когда ты был зачат, твои отец и мать не молились, не слушали проповедь священника. Они не были в церкви, они занимались любовью. Даже подумать о том, что твой отец и мать занимались любовью, когда ты был зачат, трудно. Они занимались любовью; их сексуальные энергии встречались и сплавлялись друг с другом. Тогда ты был зачат; ты был зачат в глубоком сексуальном акте. Первая твоя клетка была сексуальной клеткой, и затем из этой клетки возникли другие. Но каждая из клеток осталась в своей основе сексуальной. Все твое тело сексуально, сделано из сексуальных клеток. Теперь их миллионы.

Помни это: ты существуешь как сексуальное существо. Как только ты это принимаешь, конфликт, который создавался веками, растворяется. Как только ты это глубоко принимаешь, без всяких стоящих на пути идей, когда секс считается просто естественным, ты его проживаешь. Ты не спрашиваешь меня, как выйти за пределы еды, и ты не спрашиваешь, как выйти за пределы дыхания - потому что никакая религия тебя не учила трансцендировать дыхание, вот почему. Иначе ты спрашивал бы: "Как трансцендировать дыхание?" Ты дышишь! Ты дышащее животное; точно так же ты и сексуальное животное. Но есть разница. Четырнадцать лет жизни, в самом начале, не были сексуальными, или, самое большее, просто рудиментарной сексуальной игрой, которая не была действительно сексуальной - просто подготовка, репетиция, вот и все. В возрасте четырнадцати лет внезапно энергия созревает.

Наблюдай... рождается ребенок - тут же, через три секунды ребенок должен начать дышать, иначе он умрет. Затем дыхание сохраняется всю его жизнь, потому что оно пришло на первом же шагу жизни. Его нельзя

трансцендировать. Может быть, прежде чем ты умрешь, всего за три секунды, оно остановится, но не раньше. Всегда помни: оба конца жизни, начало и конец, в точности похожи, симметричны. Ребенок рождается, через три секунды он начинает дышать. Когда ребенок старится и умирает, в то мгновение, когда он прекращает дышать, - через три секунды он умирает. Секс входит в очень поздней стадии: четырнадцать лет ребенок прожил без секса. И если общество не слишком подавлено, и поэтому не одержимо сексом, ребенок может продолжать жить, совершенно не осознавая, что секс, или что-то подобное сексу, существует. Ребенок может оставаться абсолютно невинным. Эта невинность также невозможна, потому что люди так подавлены. Когда происходит подавление, рука об руку с ним приходит и одержимость. Священники продолжают подавлять; и есть анти-священники, Хью Хефнеры и другие - они продолжают создавать больше и больше порнографии. Таким образом, с одной стороны, священники продолжают подавлять, с другой, анти-священники, которые продолжают придавать сексуальности больше и больше блеска. Они существуют вместе - стороны одной монеты. Когда церкви исчезнут, только тогда исчезнут и журналы "Плэйбой", не раньше. Они партнеры по бизнесу. Они кажутся врагами, но не обманывайтесь этим. Они выступают друг против друга, но именно так это работает.

Я слышал о двух людях, которые разорились и были совершенно на мели; и они решили создать очень простой новый бизнес. Они стали путешествовать из одного города в другой. Сначала в городе появлялся первый, и ночью он размазывал сажу по всем окнам и дверям. Через два или три дня появлялся второй и начинал их чистить. Он объявлял, что может смыть даже сажу с окон и дверей, и он мыл окна. За это время первый выполнял свою часть работы в следующем городе. Таким образом они начали зарабатывать много денег.

Именно это происходит между церковью и Хью Хефнерами и другими людьми, создающими порнографию. Они заодно; они партнеры по заговору. Если ты слишком подавлен, ты начинаешь находить извращенные интересы. Проблема в извращенном интересе, не в сексе.

Поэтому никогда не носи в уме идей против секса, иначе ты никогда не сможешь его трансцендировать. Люди, которые трансцендируют секс, это люди, которые принимают его естественно. Это трудно, я знаю, потому что вы родились в обществе, которое невротично в отношении секса. В ту или иную сторону, но оно все равно невротично. Очень трудно выбраться из этого невроза, но если ты немного бдителен, ты сможешь из него выбраться. Поэтому главное не в том, как трансцендировать секс, но в том, как трансцендировать эту извращенную идеологию общества: этот страх секса, это подавление секса, эту одержимость сексом.

Секс красив. Секс сам по себе - это естественное, ритмичное явление. Оно происходит, когда ребенок готов к зачатию, и хорошо, что это происходит, - иначе жизнь не существовала бы. Жизнь существует благодаря сексу; секс - это проводник. Если ты понимаешь жизнь, если ты любишь жизнь, ты узнаешь, что секс священен, свят. Тогда ты проживаешь его, радуешься ему, и так же естественно, как он пришел, он сам собой уходит. К возрасту сорока двух лет или около того секс начинает исчезать так же естественно, как и пришел в существо. Но этого не случается.

Вы удивитесь, когда я скажу "около сорока двух лет". Вы знаете людей, которым семьдесят, восемьдесят лет, и все же они не вышли за пределы секса. Вы знаете "грязных стариков". Это жертвы общества. Поскольку общество не естественно, это его пережиток - потому что они подавляли, когда должны были наслаждаться и радоваться. В эти мгновения радости они не были в сексе тотальны. Они не были в оргазме, они не были в сексе всем сердцем.

Каждый раз, когда ты не идешь во что-то всем сердцем, это остается на долгое время. Если ты сидишь за столом и ешь, и если ты не ешь от всего сердца, и голод сохраняется, тогда ты будешь продолжать думать о еде целый день. Ты можешь попытаться поститься, и увидишь: ты будешь постоянно думать о еде. Но если ты хорошо поел - и когда я говорю "хорошо поел", я не имею в виду просто набить живот... Тогда это необязательно

значит, что ты хорошо поел; может быть, ты просто набил себя едой. Но хорошо есть – это искусство, просто набивание себя едой. Это великое искусство – чувствовать вкус еды, запах еды, жевать еду, переваривать еду, и переваривать ее как божественное. Она божественна; это дар Бога. Индуисты говорят, анам Брахма, еда божественна. Поэтому ты ешь с глубоким уважением и забываешь все на свете, потому что это молитва. Это экзистенциальная молитва. Ты ешь Бога, и Бог дает тебе питание. Это дар, который нужно принимать с глубокой любовью и благодарностью. И ты не набиваешь тело едой, потому что набивать тело едой – против тела. Это другая полярность. Есть люди, которые одержимы постом, и есть люди, которые одержимы тем, чтобы набивать себя. Те и другие не правы, потому что тем и другим образом тело теряет равновесие.

Действительно любящий тело человек ест только до тех пор, пока тело чувствует себя совершенно спокойным, уравновешенным, безмятежным; когда тело чувствует, что не клонится ни влево, ни вправо, но просто остается посередине. Это искусство – понимать язык тела, понимать язык своего желудка, понимать, что ему нужно, и давать только то, что нужно, и давать художественно, эстетически.

Животные едят, человек ест. В чем же тогда разница? Человек может сделать еду великим эстетическим переживанием. Какой смысл в красивом обеденном столе? Какой смысл в том, чтобы зажигать свечи? Какой смысл зажигать благовония? Какой смысл приглашать друзей? Все это нужно для того, чтобы сделать это искусством, не просто набиванием себя едой. Но это внешние признаки искусства; внутренние признаки – понимать язык своего тела, слушать его, быть чувствительным к его потребностям. И тогда ты ешь, и тогда целый день ты совершенно не думаешь о еде. Воспоминание приходит снова, только если тело голодно. Тогда это естественно.

С сексом происходит то же самое. Если у тебя нет никакого подхода "анти", ты принимаешь его как естественный, божественный дар, в глубокой благодарности. Ты наслаждаешься им; с молитвой ты наслаждаешься им. Тантра говорит, что прежде чем заниматься любовью с женщиной или мужчиной, молись – потому что это будет божественной встречей энергий. Вас будет окружать Бог – где бы ни были влюбленные, там есть и Бог. Где бы ни встречались и ни сплавлялись энергии двух влюбленных, там есть и жизнь, живая до предела; вас окружает Бог. Церкви пусты; чертоги любви полны Богом. Если ты испытал вкус любви так, как говорит испытать его Тантра, если ты узнал любовь таким образом, как говорит узнать ее Дао, тогда к возрасту сорока двух лет секс начинает исчезать сам собой. И ты прощаешься с ним с глубокой благодарностью, потому что ты осуществлен. Это было радостно, это было благословением; ты прощаешься с ним. Сорок два года – это возраст для медитации, правильный возраст. Секс исчезает; этой переполняющей энергии больше нет. Человек становится спокойнее. Страсть ушла, возникает сострадание. Теперь больше нет лихорадочности; человека не интересует другой. Когда секс исчезает, другой больше не становится центром фокуса. Человек начинает обращаться к собственному источнику – начинается обратное путешествие.

Секс трансцендируется не твоими усилиями. Это происходит, если ты прожил его тотально. И вот мое предложение: отбрось все "анти" подходы, анти-жизненные подходы, и прими факты: секс есть, и кто ты такой, чтобы его отбрасывать? И кто пытается его отбросить? – это только это. Помни, секс создает для эго величайшие проблемы.

Есть два типа людей: очень эгоистические люди всегда против секса; скромные люди никогда не против секса. Но кто слушает скромных людей? Фактически, скромные люди не ходят и не проповедуют, только эгоисты. Почему возникает такой конфликт между сексом и эго? – потому что секс – это что-то такое в твоей жизни, в чем ты не можешь быть эгоистичным, в чем другой становится важнее, чем ты сам. Твоя женщина, твой мужчина становятся важнее тебя самого. В любом другом случае важнее всего остаешься ты. В отношениях любви другой становится очень, очень важным, безмерно важным. Ты становишься спутником, а другой ядром, и то же самое

происходит с другим: ты становишься ядром, а он – спутником. Это обоюдная капитуляция. Оба вы сдаетесь богу любви, и оба вы становитесь скромными. Секс – это единственная энергия, которая дает тебе намеки на то, что есть что-то, что ты не можешь контролировать. Деньги ты можешь контролировать, политику ты можешь контролировать, рынок ты можешь контролировать, знание ты можешь контролировать, науку ты можешь контролировать, мораль ты можешь контролировать. В каком-то смысле секс – это совершенно другой мир: ты не можешь его контролировать. А это – великий любитель контроля. Оно счастливо, если может контролировать; оно несчастно, если не может контролировать. Поэтому начинается конфликт между это и сексом. Помни, это обреченная на поражение битва. Это не может ее выиграть, потому что это только поверхностно. Секс очень глубоко укоренен. Секс – твоя жизнь; это – только твой ум, твоя голова. Секс укоренен во всем тебе; это укоренено только в твоих идеях – очень поверхностное, только в голове. Таким образом, кто будет пытаться трансцендировать секс? – голова. Если ты слишком подвешен в голове, ты захочешь трансцендировать секс, потому что секс приведет тебя вниз, в инстинктивные чувства. Он не позволит тебе оставаться в голове. Все остальное ты можешь устраивать оттуда; секс ты не можешь организовывать из головы. Вы не можете заниматься любовью головами. Вам придется спуститься вниз, вам придется низойти со своих высот, приблизиться к земле.

Секс унизителен для это, поэтому эгоистические люди всегда против секса. Они продолжают находить способы и средства его трансцендировать – и никогда не могут его трансцендировать. Они могут, самое большее, стать извращенными. Все их усилия с самого начала обречены на поражение. Ты можешь притвориться, что победил секс, но подспудно... Ты можешь рационализировать, находить причины, можешь притворяться, можешь окружить себя очень жесткой оболочкой, но глубоко внутри настоящая причина, реальность, останется нетронутой. И настоящая причина взорвется; ты не сможешь ее скрыть, это невозможно.

Таким образом, ты можешь пытаться контролировать секс, но подспудное течение сексуальности будет продолжаться и выражать себя многими способами. Среди всех твоих рационализации оно снова и снова будет поднимать голову.

Я не предложу тебе совершить попытку его трансцендировать. Я предложу прямо противоположное: забудь о том, чтобы его трансцендировать. Двигайся в него как можно глубже. Пока есть энергия, двигайся как можно глубже, люби как можно глубже и сделай это искусством. Это нужно не просто "сделать" – в этом весь смысл всего искусства заниматься любовью. Есть тонкие нюансы, которые смогут узнать только люди с великим эстетическим чувством. Иначе ты можешь заниматься любовью всю жизнь и остаться неудовлетворенным, потому что ты не знаешь, что удовлетворение – это нечто очень эстетическое. Это словно тонкая музыка, возникающая у тебя в душе.

Если посредством секса ты приходишь в гармонию, если в любви ты становишься расслабленным и ненапряженным, если любовь – это не просто выбрасывание энергии, потому что ты не знаешь, что еще с ней делать, если это не просто облегчение, но расслабление, если ты расслабляешься в своей женщине, а женщина расслабляется в тебе, – если на несколько секунд, на несколько часов или на несколько мгновений ты забываешь, кто ты такой и совершенно теряешься в забытии, ты выйдешь из этого более чистым, невинным, девственным. И у тебя будет другого рода существо – расслабленное, центрированное, укорененное.

Если это происходит, однажды внезапно ты увидишь, что наводнение прошло и оставило тебя очень, очень богатым. Тебе не будет жаль, что оно ушло. Ты будешь благодарен, потому что теперь открываются более богатые миры. Когда секс покидает тебя, открываются двери медитации. Когда секс покидает тебя, ты не пытаешься потерять себя в другом. Ты становишься способным потерять себя в самом себе. Теперь возникает другой мир оргазма, внутренний оргазм бытия с самим собой. Но он возникает только благодаря бытию с другим.

Человек растет и становится зрелым благодаря другому; тогда приходит мгновение, когда ты можешь быть один и оставаться совершенно счастливым. Нет потребности ни в ком другом, потребность исчезла, но ты многому из нее научился – ты многое узнал о самом себе. Другой стал зеркалом. И ты не разбил зеркало – ты столькому научился о самом себе, что тебе не нужно больше смотреть в зеркало. Ты можешь закрыть глаза и увидеть свое лицо. Но ты не сможешь увидеть это лицо, если с самого начала не было зеркала. Пусть твоя женщина будет тебе зеркалом – или твой мужчина будет тебе зеркалом. Глядя ей в глаза и видя свое лицо, двигайся в нее, чтобы узнать себя. Тогда однажды зеркало не будет нужно. Но ты не будешь против зеркала – ты будешь так ему благодарен, как ты можешь быть против него? Ты будешь так признателен, как ты можешь быть против него? Тогда – трансценденция.

Трансценденция – это не подавление. Трансценденция – это естественное перерастание, ты растешь выше, растешь за пределы, точно как семя раскалывается, и из земли начинает прорасти росток. Когда секс исчезает, исчезает семя. В сексе ты мог дать рождение кому-то другому, ребенку. Когда секс исчезает, вся энергия начинает давать рождение тебе. Именно это индуисты называют двиджа, дважды рожденный. Одно рождение дали тебе твои родители, другое рождение тебя ждет. Его должен дать себе ты сам. Ты должен стать себе отцом и матерью.

Тогда вся твоя энергия обращается вовнутрь – она становится внутренним кругом. Прямо сейчас тебе будет трудно замкнуть внутренний круг. Легче будет коснуться другой полярности – женщины или мужчины, и тогда круг станет завершенным. Тогда ты можешь наслаждаться благословениями круга. Но мало-помалу ты станешь более и более способным создавать внутренний круг и один, потому что и у себя внутри тоже ты и мужчина, и женщина, и женщина, и мужчина.

Никто не бывает только мужчиной, никто не бывает только женщиной – потому что ты приходишь от единения мужчины и женщины. Оба они участвовали; что-то дала тебе твоя мать, что-то дал отец. Они вложили в тебя по половине; есть и тот, и другая. И есть возможность того, что оба они встретятся у тебя внутри; снова отец и мать могут любить – у тебя внутри. Тогда родится твоя реальность. Когда-то они встретились, и родилось твое тело; теперь, если они могут встретиться у тебя внутри, родится твоя душа. Именно это и есть трансценденция секса: это высшая форма секса. Позволь мне тебе сказать: когда ты трансцендируешь секс, то достигаешь высшей формы секса. Обычный секс груб, высший секс совершенно не груб. Обычный секс движется наружу, высший секс движется вовнутрь. В обычном сексе встречаются два тела, и встреча происходит снаружи. В высшем сексе встречаются твои собственные внутренние энергии. Он не физический, он духовный – это трансценденция.

На Миру...

Человек перерос семью. Полезность семьи кончилась; она жила слишком долго. Это одна из самых древних институций, и только очень восприимчивые люди могут увидеть, что она уже мертва. Другим потребуется время, чтобы осознать тот факт, что семья мертва.

Она сделала свою работу. Она более не уместна в новом контексте вещей; она более не уместна в новом человечестве, которое рождается.

Семья была хороша и плоха. Она была помощью – человек благодаря ей выжил – и в то же время очень вредна, потому что она развратила человеческий ум. Но в прошлом никакой альтернативы не было, нельзя было выбрать ничего другого. Это было необходимым злом. В будущем это необязательно. Будущее может предложить альтернативные решения.

Моя идея состоит в том, что будущее не будет фиксированным образцом; в нем будет много, много альтернативных решений. Если некоторые люди по-прежнему решат завести семью, у них будет свобода ее завести. Это будет очень небольшой процент людей. На земле есть семьи – очень редко, не больше одного процента – которые действительно красивы, которые очень благоприятны, в которых происходит рост... В которых нет авторитарности, никаких путешествий власти, никакого чувства собственности; в которых

дети не разрушаются... В которых жена не пытается разрушить мужа, а муж не пытается разрушить жену; где есть любовь и есть свобода; где люди собираются вместе просто из радости – не ради других мотивов; где нет политики. Да, такие семьи существовали на земле; они все еще есть. Для таких людей не нужно никаких перемен. В будущем они смогут продолжать жить семьями.

Но для подавляющего большинства семья – это уродливая вещь. Ты можешь спросить психоаналитиков, и они скажут, что все возможные психические болезни возникают из семьи. Все виды психозов, неврозов возникают из семьи. Семья создает очень, очень болезненное человеческое существо. В этом нет необходимости; будут возможны другие решения. Дети принадлежат коммуне – они принадлежат всем. Нет никакой личной собственности, никакого личного эго. Мужчина живет с женщиной, потому что им нравится жить вместе, потому что они лелеют это, радуются этому. В то мгновение, как они чувствуют, что любви больше не происходит, они не цепляются друг за друга. Они прощаются с полной благодарностью, с полной дружбой. Они начинают двигаться с другими людьми.

Единственной проблемой в прошлом было, что делать с детьми. В коммуне дети могут принадлежать коммуне, и это будет гораздо лучше. У них будет больше возможностей расти со многими разными людьми. Иначе ребенок вырастает рядом с матерью – много лет мать и отец для него единственные образы существа. Естественно, он начинает им подражать. Дети становятся подражателями своих отцов, они увековечивают в мире ту же болезнь, что и их родители. Они становятся копиями под копирку. Это очень разрушительно. И нет никакого пути для детей стать кем-то другим; у них нет никакого другого источника информации.

Если сто человек живут вместе в коммуне, в ней будут членами женщины и мужчины; ребенок не будет зафиксирован и одержим одним образом жизни. Он сможет учиться у отца, он сможет учиться у дяди, он сможет учиться от всех людей в сообществе. У него будет большая душа.

Семьи раздавливают людей и дают им очень маленькие души. В сообществе у ребенка душа будет больше; у него будет больше возможностей, он будет гораздо богаче в существе. Он будет видеть многих женщин; у него не будет одного представления о женщине. Очень разрушительно иметь одно представление о женщине – потому что всю свою жизнь ты будешь продолжать и продолжать искать мать. Каждый раз, когда ты влюбляешься в женщину, наблюдай! Очень возможно, что ты нашел кого-то, кто похож на твою мать, а это, может быть, как раз то, чего тебе нужно избежать.

Каждый ребенок полон гнева на свою мать. Матери приходится многое запрещать, матери приходится говорить нет – этого нельзя избежать. Даже хорошей матери приходится иногда говорить нет и ограничивать, и отказывать. Ребенок чувствует ярость, гнев. Он ненавидит мать и любит одновременно, потому что она – его выживание, его источник жизни и энергии. Поэтому он одновременно ненавидит и любит мать. И это становится образцом. Ты любишь женщину и ее же ненавидишь. И у тебя нет никакого другого выбора. Ты всегда будешь продолжать искать – бессознательно – свою мать. И это происходит и с женщинами, они продолжают искать своего отца. Вся их жизнь – это поиск папы в качестве мужа.

Твой папа – не единственный человек в мире; мир гораздо богаче. И фактически, если ты сможешь найти папу, ты не будешь счастлива. Ты можешь быть счастлива только с возлюбленным, с любовником, не с папой. Если ты сможешь найти свою мать, ты не будешь с ней счастлив. Ты ее уже знаешь, и исследовать нечего. Это уже знакомо, а знакомое не внушает уважения. Ты должен искать что-то новое, но у тебя уже есть образ.

В коммуне у ребенка будет более богатая душа. Он узнает многих женщин, он узнает многих мужчин; он не будет наркотически привязан к одному или двум людям.

Семья создает в тебе одержимость, а одержимость против человечности. Если твой отец с кем-то ссорится, и ты видишь, что он не прав, это неважно – ты должен быть на стороне отца. Точно как люди говорят: "Правильно или нет, моя страна – это моя страна!", они говорят: "Мой отец есть мой отец,

прав он или нет. Моя мать есть моя мать, я должен быть за нее". Иначе это будет предательством. Это учит тебя быть несправедливым. Может быть, ты видишь, что мать не права, и она ссорится с соседом, и прав сосед – но ты должен быть за мать. Это обучение несправедливой жизни.

В коммуне ты не будешь слишком привязан к одной семье – не будет семьи, чтобы создавать привязанность. Ты будешь более свободным, менее одержимым. Ты будешь более справедливым. И ты будешь получать любовь из многих источников. Ты будешь чувствовать, что жизнь полна любви.

Семья учит тебя своего рода конфликту с обществом, с другими семьями. Семья требует монополии – она требует от тебя, чтобы ты был за нее и против всех остальных. Ты вынужден оставаться на службе своей семьи, вынужден продолжать бороться во имя, во славу своей семьи. Семья учит тебя амбициям, конфликту, агрессии. В коммуне ты будешь менее агрессивным, более непринужденным с остальным миром, потому что знаешь столько разных людей.

Поэтому на месте семьи я хотел бы видеть коммуну, где все будут друзьями. Даже мужья и жены должны быть не более чем друзьями. Их брак должен быть просто соглашением между ними – они решили быть вместе, потому что счастливы вместе. В то мгновение, как один из них решает, что возникает несчастье, тогда они просто расстаются. Не нужно никакого развода – не было никакого брака, поэтому нет и никакого развода. Человек живет спонтанно.

Когда ты живешь несчастно, мало-помалу ты привыкаешь к несчастью. Никогда, ни на мгновение человек не должен терпеть никакого несчастья. Может быть, в прошлом жить с этим мужчиной было хорошо, радостно, но если это больше не радостно, ты должна из этого выйти. И нет необходимости в том, чтобы быть разрушительными или злыми, не нужно носить в себе никакой обиды – потому что ничего нельзя сделать с любовью. Любовь похожа на порыв ветра. Ты видишь... он просто приходит. Если он есть, он есть.

Потом его нет. А если его нет, его нет. Любовь – это тайна, и манипулировать ею невозможно. Любовь нельзя манипулировать, любовь нельзя узаконить, к любви нельзя вынудить – ни по какой причине.

В коммуне люди будут жить вместе просто ради сущей радости быть вместе, без всякой другой причины. И когда радость исчезает, они расстаются. Может быть, это грустно, но они должны расстаться. Может быть, ностальгия о прошлом все еще продолжается в уме, но они должны расстаться. Их долг друг перед другом состоит в том, чтобы не жить в несчастье; иначе несчастье входит в привычку. Они расстаются с тяжелым сердцем, но без обиды. Они ищут других партнеров.

В будущем не будет такого брака, каким он был в прошлом, не будет такого развода, каким он был в прошлом. Жизнь будет более текучей, более доверяющей. Будет больше доверия тайнам жизни, чем ясностей закона, больше доверия к самой жизни, чем к чему-либо еще – суду, полиции, священнику, церкви. И дети должны принадлежать всем – они не должны носить опознавательных знаков своей семьи. Они будут принадлежать коммуне; коммуна позаботится о них.

Это будет самый революционный шаг в истории – когда люди начнут жить в коммунах и начнут быть правдивыми, честными, доверяющими и продолжать более и более отбрасывать закон.

В семье любовь рано или поздно исчезает. Прежде всего, ее могло вообще не быть с самого начала. Может быть, это был брак по расчету – ради других мотивов, ради денег, власти, престижа. Может быть, любви не было с самого начала. Тогда дети рождаются из брачного ложа, в котором больше от смертного одра, – дети рождаются не из любви. С самого начала они оказываются брошенными. И это состояние нелюбви в доме делает их притупленными, нелюбящими. Они получают первый урок жизни от родителей, а родители не любят друг друга, и вместо любви происходит постоянная ревность, ссоры и гнев. И дети продолжают видеть уродливые лица своих родителей.

Сама их надежда разрушена. Они не могут поверить, что в их жизни случится любовь, если ее не случилось в жизни родителей. И они видят и других

родителей, и другие семьи. Дети очень восприимчивы; они постоянно все видят и замечают. Когда они видят, что нет никакой возможности любви, они начинают чувствовать, что любовь бывает только в стихах – она существует только для поэтов, мечтателей и не имеет ничего общего с действительностью жизни. И как только ты научаешься идее, что любовь – это только поэзия, тогда она никогда не случится, потому что ты стал для нее закрытым.

Видеть, что она происходит, – это единственный способ позволить ей случиться в твоей собственной жизни. Если ты видишь, что твои отец и мать глубоко любят друг друга, живут в большой любви, заботятся друг о друге, сопереживают друг другу, уважают друг друга – тогда ты видел, как происходит любовь. Возникает надежда. Семя падает в твое сердце и начинает расти. Ты знаешь, что это случится и с тобой.

Если ты этого не видел, как ты можешь поверить, что это случится и с тобой? Если этого не случилось с твоими родителями, как это может случиться с тобой? Фактически ты сделаешь все для того, чтобы этого с тобой не случилось, – иначе это покажется предательством родителей. Вот мое наблюдение о людях: женщины продолжают говорить глубоко в бессознательном: "Смотри, мама, я страдаю не меньше, чем страдала ты". Мальчики продолжают говорить: "Папа, не беспокойся, моя жизнь ничуть не менее несчастна, чем твоя. Я не пошел дальше тебя, я тебя не предал. Я остался таким же несчастным человеком, что и ты. Я несу цепь, традицию. Я твой представитель, папа, я не предал тебя. Смотри, я делаю те же самые вещи, что и ты делал с моей матерью, – я делаю это с матерью моих детей. И то, что ты делал со мной, я делаю со своими детьми. Я ращу их так же, как ты растил меня".

Сама идея о том, чтобы "растить" детей, абсурдна. Ты можешь, самое большее, не мешать, но не можешь "их растить". Сама идея о воспитании детей суший вздор – и не только вздор, но и очень вредный, безмерно вредный. Ты не можешь воспитывать... Ребенок – это не вещь, его нельзя "сделать". Ребенок похож на дерево. Да, ты можешь помочь. Ты можешь подготовить почву, можешь принести удобрения, можешь его поливать, можешь следить за тем, получает ли растение достаточно света, – вот и все. Но в твои задачи не входит "растить" растение; оно растет само по себе. Ты можешь помочь, но не можешь его "вырастить" или "воспитать".

Дети – это великие тайны. В то мгновение, как ты начинаешь их воспитывать, в то мгновение, как ты начинаешь создавать в них образцы и характер, ты заключаешь их в тюрьму. Они никогда не смогут тебе этого простить. Но это единственный путь, которому они научатся, и они будут делать то же самое со своими собственными детьми, и так далее, и так далее. Каждое поколение продолжает передавать свои невроты новым людям, которые пришли на землю. И каждое общество упорствует во всем своем безумии, несчастье.

Нет, теперь нужно что-то совершенно другое. Человек достиг совершеннолетия, и семья отжила свое; у нее на самом деле нет никакого будущего. На смену семье придет коммуна, и это будет гораздо благоприятнее.

Но жить вместе в коммуне могут только медитативные люди. Только если вы умеете праздновать жизнь, вы сможете быть вместе, сможете быть любящими. Старый вздор о том, чтобы монополизировать любовь, должен быть отброшен, и только тогда вы можете жить в коммуне. Если вы продолжаете носить старые идеи о монополии – что твоя женщина не должна держать за руку никого другого, и твой муж не должен смеяться ни с кем другим, – если ты носишь все эти вздорные вещи в уме, тогда ты не сможешь стать частью коммуны.

Если твой муж смеется с кем-то другим, хорошо. Твой муж смеется – смех всегда хорош. С кем это происходит, не имеет значения, – смех хорош, смех ценен. Если твоя женщина держит кого-то за руку, хорошо! Течет тепло – поток тепла хорош, это ценность. С кем это происходит, это несущественно. И если это происходит с твоей женщиной, со многими людьми, это будет продолжать происходить и с тобой. Если это перестало происходить с кем-то

другим, тогда это перестанет происходить и с тобой. Вся эта старая идея просто глупа! Это все равно что если ты будешь говорить мужу, если он куда-то уходит: "Не дыши больше нигде. Придя домой, можешь дышать сколько хочешь, но только рядом со мной. Снаружи задерживай дыхание, стань йогином. Я не хочу, чтобы ты дышал где-то еще". Это кажется глупым - но почему тогда любовь не должна быть как дыхание?

Любовь есть дыхание. Дыхание - это жизнь тела, а любовь - это жизнь души. Она гораздо важнее дыхания. Когда муж уходит, ты настаиваешь на том, чтобы он не смеялся ни с кем другим, по крайней мере не с другой женщиной. Он не должен быть любящим ни с кем другим. Двадцать три часа он должен быть нелюбящим, а потом один час, в постели с тобой, он будет притворяться любящим? Ты убила любовь, она больше не течет. Если двадцать три часа он должен оставаться йогином, сдерживать любовь, думаешь ли ты, что он сможет внезапно расслабиться на один час? Это невозможно. Ты разрушаешь этого мужчину, ты разрушаешь эту женщину, и тогда вы друг другу надоедаете, вам становится скучно. Тогда ты начинаешь чувствовать: "Он меня не любит!", тогда как сама создала все своими руками. И он начинает чувствовать, что ты не любишь его и больше не так счастлива, как раньше.

Когда люди встречаются на пляже, когда они встречаются в саду, когда они на свидании, ничто не определено и все текуче; оба счастливы. Почему? Потому что они свободны. Птица на крыле - это одно, и та же самая птица в клетке - совершенно другое. Они счастливы, потому что свободны.

Человек не может быть счастливым без свободы, а ваша старая семейная структура разрушила свободу. И поскольку она разрушила свободу, она разрушила и счастье, она разрушила и любовь.

Это было своего рода мерой выживания. Да, так или иначе это защищало тело, но разрушало душу. Теперь в этом нет необходимости. Мы должны защитить и душу. Это гораздо существеннее и гораздо важнее.

У семьи нет будущего, по крайней мере в том смысле, в котором ее понимали до сих пор. Будущее есть у любви и отношений. "Муж" и "жена" станут уродливыми и грязными словами.

И каждый раз, когда ты монополизируешь женщину или мужчину, естественно, ты монополизируешь и детей. Я совершенно согласен с доктором Томасом Гордоном, который говорит: "Я считаю всех родителей потенциальными угнетателями детей, потому что сам способ воспитания детей основывается на власти и авторитете. Я считаю разрушительным представлением многих родителей: "Это мой ребенок, и я могу делать со своим ребенком, что хочу". Это насильственно, это разрушительно". Ребенок не вещь, не стул, не машина. Ты не можешь делать с ним, что захочешь. Он появляется из тебя, но тебе не принадлежит. Он принадлежит существованию. Ты, самое большее, заботишься о нем; не становишься его собственником.

Но вся идея семьи - это идея владения: владения собственностью, владения женщиной, владения мужчиной, владения детьми. А собственничество ядовито; поэтому я против семьи. Но я не говорю, что те, кто действительно счастлив в семье - кто остается текучим, живым, любящим, - должны ее разрушить. Нет, в этом нет никакой необходимости. Их семья уже коммуна, небольшая коммуна.

И конечно, еще большая коммуна будет гораздо лучше, в ней будет больше возможностей, больше людей. Разные люди будут приносить разные песни, разные люди будут приносить разные стили жизни, разные люди будут приносить разные ветры, разные люди будут приносить разные лучи света - и на детей будет изливаться как только возможно больше разных стилей жизни, и они смогут выбирать, и у них будет свобода выбирать.

И они должны быть обогащены тем, чтобы знать многих женщин, чтобы они не были одержимы лицом матери или ее образом жизни. Тогда они смогут любить больше женщин, больше мужчин. В жизни будет больше от приключения. Я слышал...

Мать пришла в большой магазин и отвела сына в отдел игрушек. Увидев гигантскую лошадку-качалку, он взобрался на нее и катался целый час.

- Ну, слезай, сынок, - взмолилась мать, - я должна идти домой, чтобы приготовить ужин твоему отцу.

Но малыш отказался сдвинуться с места, и все ее усилия были напрасны. Продавец отдела игрушек тоже попытался уговорить малыша, но не добился никакого успеха. В конце концов, в отчаянии, они позвали психиатра магазина.

Он потихоньку подошел к мальчику и прошептал ему на ухо несколько слов, и тотчас же тот спрыгнул с лошадки и подбежал к матери.

- Как вам это удалось? - спросила пораженная мать. - Что вы ему сказали? После некоторого колебания психиатр ответил:

- Вот все, что я ему сказал: "Если ты сейчас же не спрыгнешь с этой лошадки-качалки, сынок, я вышибу из тебя мозги!"

Люди рано или поздно узнают, что работает страх, что работает авторитет, что работает власть. А дети так беспомощны и так зависимы от родителей, что вы можете их испугать. И это становится вашей техникой, чтобы их эксплуатировать и угнетать, и им некуда от вас деваться.

В коммуне им будет куда уйти. У них будет много дядь и тетя, и много других людей - они будут не так беспомощны. Они не будут в ваших руках до такой степени, как сейчас. У них будет больше независимости, меньше беспомощности. Вам будет не так легко их вынудить к чему-то силой.

И все, что они видят дома, это несчастье. Иногда, да, я знаю, иногда муж и жена любят друг друга, но каждый раз, когда они любят друг друга, это всегда лично. Дети об этом ничего не знают. Дети видят только уродливые лица, уродливую сторону. Когда мать и отец любят друг друга, они любят друг друга за закрытыми дверями. Они ведут себя тихо, чтобы не позволить детям узнать, что такое любовь. Дети видят только их конфликт - как они ссорятся, пилят, бьют друг друга, грубым или тонким образом, оскорбляют друг друга, унижают друг друга. Дети непрерывно видят, что происходит.

Мужчина сидит в гостиной и читает газету; к нему подходит жена и дает ему пощечину.

- За что это? - спрашивает возмущенный муж.

- За то, что ты паршивый любовник.

Через некоторое время муж подходит к жене, которая сидит и смотрит телевизор, и дает ей звучный шлепок.

- За что это? - вопит она.

- За то, что ты знаешь разницу, - отвечает он.

Это продолжается и продолжается, и дети постоянно наблюдают, что происходит. И это жизнь? И для этого предназначена жизнь? Они начинают терять надежду. Прежде чем они вошли в жизнь, они уже потерпели поражение; они приняли свое поражение. Если их родители, такие мудрые и сильные, не смогли добиться успеха - на что могут надеяться они сами? Это невозможно.

И они учатся трюкам - трюкам того, как быть несчастным, трюкам того, как быть агрессивным. Дети никогда не видят, как происходит любовь. В коммуне будет больше возможностей. Любовь должна быть немного более вынесена на всеобщее обозрение. Люди должны знать, что любовь происходит. Маленькие дети должны знать, что такое любовь. Они должны видеть людей, которые заботятся друг о друге.

Но это очень древняя идея, очень старая идея - что можно ссориться на людях, но нельзя любить. Ссориться приемлемо. Ты можешь убить, это позволено. Фактически, когда два человека ссорятся, вокруг собирается толпа, чтобы увидеть, что происходит, и все этому радуются! Именно поэтому люди продолжают читать и наслаждаться историями об убийствах, захватывающими детективными романами.

Убийство позволено, но не любовь. Если ты любишь на людях, это считается непристойным. Это абсурдно - любовь непристойна, а убийство не непристойно? Влюбленные не должны быть любящими на людях, а генералы могут продолжать ходить на людях, показывая все свои медали? Это убийцы,

и это медали за убийство! Эти медали показывают, сколько человек они убили, сколько человек они разрушили. Это ли не непристойно? Это должно считаться непристойностью. Никому нельзя разрешать ссориться на людях. Это непристойно; насилие непристойно. Как может любовь быть непристойной? Но любовь считается непристойной. Тебе приходится скрывать ее в темноте. Тебе приходится заниматься любовью так, чтобы об этом никто не знал. Тебе приходится делать это так тихо, крадучись... естественно, ты не можешь этим действительно наслаждаться. И люди не осознают, что такое любовь. И у детей в особенности нет никакой возможности узнать, что такое любовь.

В лучшем мире, в котором больше понимания, любовь будет везде и всюду. Дети будут видеть, что такое забота. Дети будут видеть, какую радость приносит забота о ком-то. Любовь должна быть более общепринятой, насилие должно быть более осуждаемым. Любовь должна быть более доступной. Двое людей, занимающиеся любовью, не должны беспокоиться о том, чтобы об этом никто не узнал. Они должны смеяться, они должны петь, они должны кричать от радости, чтобы вся округа знала, что кто-то кого-то любит - кто-то занимается любовью.

Любовь должна быть таким подарком. Любовь должна быть такой божественной. Она священна.

Ты можешь опубликовать книгу о том, как человека убили, это приемлемо, это не порнография - для меня это порнография. Нельзя опубликовать книгу о том, как обнаженные мужчина и женщина крепко обнимают друг друга, - это порнография. Этот мир до сих пор был против любви. Твоя семья против любви, твое общество против любви, твое государство против любви. Вообще чудо, что все еще сохранилось немного любви, и невероятно, что любовь все еще продолжается - она не должна была бы, это лишь небольшая капля в океане. Но просто чудо, что она выжила среди стольких врагов. Она не была разрушена полностью - это чудо.

В моем видении коммуна состоит из любящих людей, которые живут вместе без всякого противоборства друг с другом, без всякого соревнования друг с другом, с любовью, которая течет, которая более доступна, без всякой ревности или чувства собственности. И дети принадлежат всем, потому что они принадлежат существованию - о них заботится каждый. И они такие красивые люди - эти дети, - кто о них не позаботится? И у них есть столько возможностей видеть разных людей в состоянии любви, и каждый человек живет по-своему. Они станут богаче. И я вам скажу, что если в мире будут существовать такие дети, никто из них не будет читать "Плэйбой"; в этом не будет необходимости. И никто из них не будет читать "Камасутру" Ватсаяны, не будет необходимости. Фотографии голых людей исчезнут. Они просто показывают голодающий секс, голодающую любовь. Мир станет почти не сексуальным, таким он будет любящим.

Ваши священники и политики создали все виды непристойности в мире. Они породили все, что только есть уродливого. И ваша "семья" играет в этом большую роль. "Семья" должна исчезнуть. Она должна исчезнуть в большей версии коммуны, жизни, не основанной на маленьких отождествлениях, более текучей.

В коммуне кто-то будет буддистом, кто-то индуистом, кто-то джайном, кто-то христианином, кто-то евреем. Если семья исчезает, автоматически исчезает и церковь, потому что семья принадлежит церквям. В коммуне будут дрейфовать все виды людей, все виды религий, все виды философий, и у ребенка будет возможность учиться. В один день он пойдет в дядей с церковь, в другой день, с другим дядей - в храм и узнает, что все это есть, и что у него есть выбор. Он может выбирать и решать, к какой религии хочет принадлежать. Ничто ему не навязывается.

Жизнь может стать раем здесь и сейчас. Нужно только удалить преграды. Семья - одна из величайших преград.

ВОПРОСЫ

Ты сказал, что любовь может сделать человека свободным. Но обычно мы видим, что любовь становится привязанностью, и вместо того чтобы

освобождать, она нас порабощает. Поэтому, пожалуйста, расскажи нам что-нибудь о привязанности и свободе.

Любовь становится привязанностью, потому что любви нет. Вы просто играли, обманывали себя. Привязанность – это реальность; любовь была только предварительной игрой. Поэтому каждый раз, влюбившись, рано или поздно ты обнаруживаешь, что стал инструментом – и тогда начинается вся тайна. Каков механизм этого? Почему это происходит?

Как раз несколько дней назад ко мне пришел один человек, и он чувствует себя очень виноватым. Он сказал: "Я любил одну женщину. В тот день, когда она умерла, я плакал и рыдал, но внезапно я осознал внутри себя определенную свободу, словно с меня упало бремя. Я глубоко вздохнул, словно освободился".

В это мгновение он осознал второй слой своих чувств. Снаружи он плакал и рыдал и говорил: "Я не могу жить без нее. Теперь это невозможно, или жизнь будет похожа на смерть". Но глубоко внутри он говорил: "Я осознал, что чувствую себя хорошо, потому что я свободен".

Третий слой начинает чувствовать себя виноватым. Он говорит ему: "Что ты делаешь?!" Прямо перед ним лежало мертвое тело, сказал он мне, и он почувствовал огромное чувство вины. Он сказал:

– Помоги мне. Что случилось с моим умом? Почему я так скоро предал ее? Ничего не случилось, никто никого не предал. Когда любовь становится привязанностью, она превращается в бремя, оковы. Но почему любовь становится привязанностью? Вот первое, что нужно понять, – если любовь становится привязанностью, ты просто был в иллюзии, что влюблен. Ты просто играл с самим собой в игры, и думал, что это любовь. На самом деле тебе нужна была привязанность. И если ты пойдешь еще глубже, то найдешь, что тебе нужно было также и стать рабом.

Есть тонкий страх перед свободой, и каждый хочет быть рабом. Каждый, конечно, говорит о свободе, но ни у кого нет достаточно храбрости, чтобы быть действительно свободным, потому что если ты действительно свободен, ты один. Если у тебя достаточно храбрости быть одному, только тогда ты можешь быть свободным.

Но никто не храбр достаточно, чтобы быть одному. Тебе кто-то нужен. Почему тебе кто-то нужен? Ты боишься собственного одиночества. Ты становишься скучен самому себе. И на самом деле, когда тебе одиноко, ничто не кажется осмысленным. С кем-то ты занят, и это окружает тебя искусственными смыслами.

Ты не можешь жить ради самого себя, поэтому начинаешь жить ради кого-то другого. И то же самое происходит и со всеми остальными – он или она не могут жить одни, поэтому они кого-то ищут. Двое людей, которые боятся собственного одиночества, собираются вместе и начинают играть – в игру любви. Но глубоко внутри они ищут привязанности, преданности, рабства. Таким образом, рано или поздно то, чего ты хочешь, происходит. Это одно из самых больших несчастий в мире. Все, чего ты желаешь, случается. Рано или поздно ты это получишь, и предварительная игра исчезнет. Когда ее функция выполнена, она исчезнет. Когда вы станете мужем и женой, рабами друг друга, когда брак случится, любовь исчезнет, потому что любовь была только иллюзией, в которой двое людей могли стать рабами друг друга. Прямо ты не просишь рабства; это слишком унижительно. И прямо ты не можешь кому-то сказать: "Стань моим рабом". Он взбунтуется! И он не может тебе сказать: "Я хочу стать твоим рабом". Поэтому ты говоришь: "Я не могу жить без тебя". Но смысл остается прежним; это одно и то же. И когда это желание – настоящее желание – удовлетворено, любовь исчезает. Тогда ты ощущаешь оковы, рабство и начинаешь бороться, чтобы стать свободным. Помни это. Это один из парадоксов ума: что бы ты ни получил, тебе это надоедает, и ты жаждешь того, чего не получаешь. Когда ты один, ты жаждешь какого-то рабства, каких-то оков. Когда ты в рабстве, ты начинаешь жаждать свободы. На самом деле, только рабы жаждут свободы – а свободные люди пытаются быть рабами. Ум продолжает раскачиваться, как маятник, двигаясь от одной крайности к другой.

Любовь не становится привязанностью. Привязанность - это потребность; любовь была только приманкой. Ты искал рыбу под названием привязанность; любовь была только наживкой, чтобы поймать эту рыбу. Когда рыба поймана, приманку выбрасывают. Помни это, и каждый раз, когда ты что-то делаешь, войди глубоко внутрь себя и найди основную причину.

Если любовь настоящая, она никогда не станет привязанностью. Каков механизм того, как любовь становится привязанностью? В то мгновение, когда ты говоришь возлюбленному или возлюбленной: "Люби только меня", ты начинаешь им владеть. И в то мгновение, когда ты начинаешь кем-то владеть, ты глубоко его оскорбляешь, потому что превращаешь его в вещь. Если я владею тобой, тогда ты не человек, но только еще один предмет моей мебелировки - вещь. Тогда я тебя использую, и ты моя вещь, моя собственность, поэтому я не позволю никому другому использовать тебя. Это сделка, в которой ты владеешь мной, и ты делаешь меня вещью. Это сделка, которая оговаривает, что теперь никто другой не может тебя использовать. Оба партнера чувствуют себя скованными и порабощенными. Я сделал тебя рабом, и в ответ ты делаешь рабом меня.

Тогда начинается борьба. Я хочу быть свободным человеком, и все же я хочу тобой владеть; ты хочешь сохранить свободу и в то же время владеть мной - это борьба. Если я тобой владею, ты будешь владеть мной. Если я не хочу, чтобы ты мной владел, я не должен владеть тобой. Владение не должно входить и становиться между нами. Мы должны оставаться индивидуальностями, и мы должны двигаться как независимые, свободные сознания. Мы можем быть вместе, мы можем слиться друг с другом, но никто из нас никем не владеет. Нет никаких оков, и нет никакой привязанности. Привязанность - одна из самых уродливых вещей. И когда я говорю самая уродливая, я подразумеваю не только религиозный смысл, но и эстетический. Когда ты привязан, ты потерял свое одиночество; ты потерял все. Просто ради того, чтобы чувствовать себя хорошо, потому что ты кому-то нужен, и кто-то с тобой, ты потерял все - ты потерял себя.

Но трюк в том, что ты пытаешься быть независимым и сделать другого своей собственностью - и другой делает то же самое.

Поэтому: не владей, если не хочешь, чтобы владели тобой. Иисус где-то сказал: "Не судите, и не судимы будете". Это то же самое: "Не владейте, и не будете ничьей собственностью". Не делай никого рабом; иначе ты станешь рабом сам.

Так называемые хозяева - всегда рабы собственных рабов. Ты не можешь стать хозяином кого-то, не став рабом, - это невозможно. Ты можешь быть хозяином, только если у тебя нет никаких рабов.

Это кажется парадоксальным, потому что когда я говорю, что ты можешь быть хозяином, только если у тебя нет никаких рабов, ты скажешь: "Что же тогда значит быть хозяином? Как я могу быть хозяином, если у меня нет никаких рабов?" Но я говорю, только тогда ты хозяин. Тогда никто не твой раб, и никто не пытается сделать рабом тебя.

Любить свободу, пытаться быть свободным по сути значит, что ты пришел к глубокому пониманию себя. Теперь ты знаешь, что тебя достаточно самого по себе. Ты можешь с кем-то поделиться, но ты не зависишь. Я могу с кем-то поделиться самим собой. Я могу с кем-то поделиться своей любовью, счастьем, блаженством, молчанием. Но я делюсь, это не зависимость. Если никого нет, я буду так же счастлив, так же блажен. Если кто-то есть, это хорошо, и я могу поделиться.

Только когда ты осознаешь свое внутреннее сознание, свой центр, любовь не будет становиться привязанностью. Если ты не знаешь внутреннего центра, любовь станет привязанностью. Если ты знаешь внутренний центр, любовь станет преданностью. Но чтобы любить, сначала ты должен быть, а тебя нет. Прямо сейчас тебя нет. Если ты говоришь: "Когда я кого-то люблю, это становится привязанностью", ты тем самым говоришь, что тебя нет. Поэтому все, что бы ты ни делал, неправильно - потому что делающего нет. Нет внутренней точки осознанности, поэтому все, что ты делаешь, неправильно. Сначала будь, и тогда ты можешь делиться своим бытием. И делиться им -

значить любить. Прежде этого, что бы ты ни делал, это будет привязанностью.

И последнее: если ты борешься с привязанностью, ты повернул не в ту сторону. Ты можешь бороться – это делают многие монахи, отшельники, санньясины. Они чувствуют, что привязаны к дому, к собственности, к женам, к детям, и чувствуют себя так, словно они в клетке, в заключении. Они бегут, они покидают дома, покидают жен, покидают детей и собственность и становятся нищими, уходят в леса, в одиночество. Но походи и посмотри на них. Они становятся привязанными к своему новому окружению. Я навещал друга, который был отшельником и жил под деревом далеко в лесу, но там были и другие аскеты. Однажды случилось так, что я был с этим отшельником под его деревом, и когда моего друга не было – он пошел на реку искупаться, – пришел новый искатель. Под его деревом начал медитировать новый санньясин.

Этот человек вернулся с реки и вытолкнул этого нового человека из-под своего дерева; он сказал:

– Это мое дерево. Пойди и найди себе другое, где-нибудь в другом месте. Никто не может сидеть под моим деревом.

Этот человек покинул свой дом, жену, детей – и теперь его собственностью стало дерево:

– Ты не можешь медитировать под моим деревом.

Нельзя так легко бежать от привязанности. Она примет новые формы, новые образы. Ты будешь обманут, но привязанность останется. Поэтому не борись с привязанностью, просто попытайся понять, почему она возникает. И тогда узнай глубокую причину: эта привязанность есть, потому что нет тебя. Внутри твое собственное существо отсутствует до такой степени, что ты пытаешься уцепиться за что угодно, чтобы почувствовать себя в безопасности. Ты не укоренен, поэтому пытаешься сделать своими корнями что угодно. Когда ты укоренен в своем существе, когда ты знаешь, кто ты такой, и что такое это существо у тебя внутри, и что такое это сознание в тебе, тогда ты больше ни за кого не цепляешься.

Мой друг все меньше и меньше хочет заниматься любовью, и это меня расстраивает и разочаровывает до такой степени, что я начинаю вести себя с ним агрессивно. Что я могу сделать?

Первое: в жизни всегда приходит момент, когда один из партнеров не хочет секса. Это происходит в большей или меньшей мере с каждой парой. Когда один из партнеров не хочет секса, другой цепляется за него более чем когда-либо. Другой начинает чувствовать, что если секса не будет, отношения исчезнут.

Чем больше ты его просишь, тем более он будет пугаться. Отношения исчезнут не потому, что исчез секс, но потому, что ты продолжаешь требовать, и он чувствует, что его постоянно пилят. И ему не хочется заниматься любовью – он может либо принудить себя к этому и чувствовать себя плохо, или, если он сделает все по-своему, он будет чувствовать себя плохо, потому что делает тебя несчастной; он чувствует себя виноватым. Одно нужно понять – что секс не имеет ничего общего с любовью. Самое большее, это начало. Любовь больше секса, выше секса. Любовь может цвести без секса.

Задавшая вопрос перебивает: "Но он никогда не говорит, что любит меня".

Нет, ты заставляешь его бояться, потому что если он скажет, что любит тебя, ты уже наготове, чтобы попросить секса. В твоем уме любовь почти синонимична сексу; я это вижу. Именно поэтому он начал бояться касаться и обнимать тебя. Если он тебя касается, обнимает, ты готова. Ты заставляешь его бояться и не видишь суть. Ты, сама того не зная, отталкиваешь его. Он начнет бояться даже разговаривать с тобой, потому что он начинает говорить, и снова возникает эта ситуация, этот спор и все в этом роде.

Нельзя спорить о любви. Нельзя никого ни в чем убедить о любви. Если он ее не чувствует, он ее не чувствует. Он тебя любит; иначе он оставил бы тебя. И ты его любишь, но у тебя неправильное понимание секса. Вот мое понимание: любовь впервые начинает расти, когда лихорадочный, судорожный секс мало-помалу замедляется. Тогда любовь становится более и более спокойной, тонкой, высшей. Начинает происходить что-то деликатное. Но ты не позволяешь этому случиться. Он готов тебя любить, но ты цепляешься за секс. Ты продолжаешь тянуть его вниз. Если ты будешь тянуть его вниз, это может разрушить все отношения. Я могу это понять, потому что женственный ум всегда цепляется за секс, только когда мужчина в нем не заинтересован. Если мужчина заинтересован, женщина совершенно не заинтересована. Я вижу это каждый день. Если мужчина преследует тебя, ты играешь в игру отсутствия интереса. Если мужчина не заинтересован, ты пугаешься, и тогда роли меняются. Тогда ты начинаешь играть в игру, что тебе нужен секс, что без него ты сойдешь с ума; ты не можешь без него жить. И все это чепуха! Никто никогда не сходил с ума без секса. Если ты любишь этого человека, твоя энергия будет трансформирована. Если ты не любишь этого человека, тогда выйди из отношений. Если ты любишь человека, у энергии есть шанс трансформироваться в высшую реальность. Используй эту возможность. А если ты будешь продолжать его пилить, это не поможет. Это сделает все более уродливым и приведет к прямо противоположному, чем то, чего ты хочешь.

Моя сексуальная жизнь в последнее время очень стихла – не потому, что я не хочу секса, и не потому, что мне не хватает храбрости приближаться к женщинам, но просто этого не происходит. Я могу наслаждаться пребыванием с женщиной, но когда дело доходит до секса, энергия меняется – это почти так, словно я засыпаю. Что я делаю неправильно?

То, что с тобой происходит, – не проклятие, а благословение. Просто твой старый ум истолковывает это так, словно что-то неправильно. Все идет правильно, так, как и должно быть. Секс должен исчезнуть в прекрасную, игривую радость... В гармонию между двумя молчаливыми существами – не встреча их тел, но встреча самих их душ. Это случится с каждым медитирующим. Не принуждай себя делать ничего, что не происходит само по себе. Любое принуждение с твоей стороны станет препятствием в твоём духовном росте.

Это что-то очень важное, что нужно помнить, и это объяснит тебе, почему все религии пошли против секса. Это недопонимание – но очень естественное недопонимание. Каждый, кто был в медитации, переживает трансформацию энергий – энергии, которые текли вниз, начинают течь вверх, открывая высшие центры твоего сознания, принося твоему существу новые небеса. Но ты с ними незнаком, они тебе неизвестны; поэтому ты можешь испугаться. И если это происходит только с одним из партнеров, это создаст проблемы. Оба партнера в медитации должны переживать трансформацию одновременно – только тогда они могут идти друг с другом в ногу. Иначе они разойдутся в разные стороны.

Это создало идею безбрачия. Поскольку в браке постоянно оказывается, что если одного из партнеров интересует медитация, брак подвергается опасности. Лучше не вовлекаться, чтобы не ранить чувств другого, и оставаться одному. Но это было неправильным решением.

Правильным решением было бы, что если один из партнеров в браке или дружбе растёт, он должен помочь и другому двигаться в новые пространства. Он не должен оставлять партнера позади. Это было бы огромной революцией в человеческом сознании; но поскольку религии выбрали безбрачия, весь мир остался без медитации.

И те, кто выбрал безбрачие, – это было выбором, этого с ними не случилось, – стали сексуально извращёнными. Они не за пределами секса, отсюда безбрачие. Они попытались пойти другим путем: сначала двигаться в безбрачие, думая, что потом придет трансформация. Это не работает таким

образом. Трансформация должна случиться первой. Тогда, без всякого самоограничения, без всякой борьбы с сексом, без всякого осуждения секса трансформация случается сама по себе. И она не происходит путем подавления, она происходит в любящей атмосфере. Безбрачный человек движется в атмосфере подавления, ограничения, извращения; вся его атмосфера психологически больна. Это одна из самых фундаментальных точек, в которых религии двинулись в неправильном направлении.

Во-вторых, каждый медитирующий находит, что секс начинает превращаться во что-то совершенно другое – из биологии во что-то духовное. Вместо того чтобы создавать рабство, чувство собственности, он открывает двери свободы. Все отношения исчезают, и человек чувствует в своем одиночестве абсолютную удовлетворенность; осуществленность, о которой он раньше не мог даже мечтать.

Но поскольку медитирующие нашли, что это происходит со всеми без исключения, люди, которые хотели медитировать, ошибочно заключили, что, может быть, подавление секса поможет им трансформировать свои энергии. Поэтому все организованные религии начали учить жизни осуждения, отречения; жизни, которая негативна в самой своей основе. Это было недопониманием.

В подавлении секса ты можешь извратить свою энергию, но не сможешь ее обратить. Обращение происходит, когда ты становишься более тихим, когда твое сердце становится более гармоничным, когда твой ум становится более и более мирным. И когда ты начинаешь подходить ближе и ближе к своему существу, к самому своему центру, трансформация, которая не является твоим действием, происходит сама собой. Энергия, которую ты знал как секс, становится самой твоей духовностью. Это та же самая энергия, изменилось только ее направление. Она не течет вниз, она движется вверх. То, что происходит с тобой, произойдет с каждым ищущим – без исключения. Поэтому твой вопрос будет рано или поздно вопросом каждого. И когда это происходит, партнер, который остается позади, не должен чувствовать себя обиженным, но, наоборот, он должен чувствовать себя блаженным и счастливым, что по крайней мере с его возлюбленным или другом происходит прекрасный опыт, и надеяться присоединиться к нему или к ней как можно скорее. Твое усилие должно быть в том, чтобы двигаться глубже в медитацию, чтобы ты мог составить компанию своему партнеру, чтобы вы могли продолжать танцевать вместе к высочайшей цели жизни.

Но помни, по мере того как ты растешь в духовность, сексуальность будет исчезать. Будет нового рода любовь – чистота, глубокая невинность, без всякого чувства собственности, без ревности; но со всем состраданием в мире, помогая друг другу во внутреннем росте.

Поэтому ты не должен чувствовать, что с тобой что-то пошло неправильно; в тебе внезапно что-то пошло правильно. Ты не был бдителен; это застало тебя врасплох.

Маленький Хайме шел по улице с четырехлетней Бетти. Когда они собрались перейти дорогу, маленький Хайме вспомнил, чему учила его мать.

– Можно мне взять тебя за руку? – предложил он галантно.

– Можно, – ответила Бетти. – Но я хочу, чтобы ты знал, что играешь с огнем.

Любые отношения между мужчиной и женщиной – это игра с огнем, и в особенности если ты также начинаешь быть медитирующим. Тогда ты окружен пожаром, потому что с тобой произойдет столько перемен, к которым ты не готов и к которым не можешь подготовиться. Ты будешь каждое мгновение, каждый день путешествовать на неизвестную территорию. И много раз будет так, что либо ты, либо твой партнер останутся позади – и все это будет больно для вас обоих.

Поначалу, когда это начинается, естественно предположить, что отношения закончились, что ты больше не влюблен. Безусловно, ты больше не влюблен так, как был влюблен раньше, – старая любовь больше невозможна. Это была животная любовь, она была хороша, но она прошла. Теперь ее место занимает

высшее качество, что-то более божественное. Но вы должны помочь друг другу.

Это действительно трудные времена, когда ты узнаешь, действительно ли любишь своего партнера, и действительно ли твой партнер любит тебя, - когда возникают эти долгие промежутки между вами, и вы чувствуете, что отдаляетесь друг от друга. Это критические моменты, испытание огнем, когда ты должен попытаться приблизить к себе другого человека, который остался позади. Ты должен помочь другому человеку быть медитативным. Естественной идеей будет опуститься вниз, чтобы другому не было обидно. Это абсолютно неправильный подход. Ты не помогаешь другому, ты вредишь самому себе. Хорошая возможность упускается. Ты низвел себя, тогда как должен был вытащить другого вверх.

Не беспокойся о том, чтобы другой не обиделся. Приложи все усилия к тому, чтобы другой оказался в том же пространстве, в том же самом медитативном уме, и другой будет благодарен, а не обижен. Но это не те мгновения, когда вы должны отдалиться друг от друга. Это мгновения, когда вы должны приложить все усилия к тому, чтобы остаться связанными друг с другом, с как можно большим состраданием. Потому что, если любовь не может помочь другому трансформировать животные энергии в высшие духовные энергии, тогда ваша любовь - не любовь, она не стоит того, чтобы называть ее любовью.

И с той же самой проблемой придется столкнуться и посмотреть ей в лицо каждому - поэтому, когда возникает проблема, не раздумывайте. Задавайте вопрос без всякого страха, как бы глупо вы ни выглядели, его задавая. Потому что это поможет не только вам; это поможет многим другим, которые тоже борются в той же самой ситуации, но недостаточно храбры, чтобы вынести это на поверхность. Они пытаются как-то уладить эту ситуацию своими силами.

Дело не в том, чтобы что-то уладить. Хорошо, что она поверяла свое старое, отлаженное состояние. Хорошо, что отлаженное кончилось, что возникла проблема. Теперь от тебя и твоего разума зависит, как ты используешь эту возможность - в пользу ли своего роста или против него. И если ты задашь вопрос, это может тебе помочь.

Таким образом, две вещи... во-первых, помни, что тебе повезло в том, что секс уходит из твоей жизни. Во-вторых, не думай, что другой человек чувствует обиду. Открой другому свое сердце. Не пытайся привести себя в положение другого, но пытайся как только возможно взять другого за руку и привести - его или ее - в высшее состояние, в котором внезапно оказался сам.

Только поначалу это будет трудно, вскоре это станет очень легко. Когда двое людей растут вместе, много раз возникнут промежутки, потому что люди не могут двигаться с одинаковой скоростью; у каждого своя скорость, у каждого свой уникальный образец роста. Но если ты любишь, то сможешь обождать, пока не прибудет другой, и тогда рука об руку вы можете двигаться дальше.

Я хочу, чтобы мои люди не думали в особенности о безбрачии. Если безбрачие приходит само собой, это другое дело; ты за него не ответствен. И тогда оно никогда не будет приносить никакого извращения, тогда оно будет приносить великое обращение энергий.

Как мне узнать, что растет внутри меня: непривязанность или безразличие?

Узнать это нетрудно. Как ты узнаешь, болит у тебя голова или не болит? Это просто очевидно. Когда ты растешь в непривязанности, ты будешь становиться здоровее, счастливее; твоя жизнь станет жизнью радости. Это критерий всего, что хорошо.

Критерий - радость. Если ты растешь в радости, ты растешь и движешься в направлении дома. С безразличием нет никакой возможности того, чтобы росла радость. Фактически если у тебя и была какая-то радость, она исчезнет.

Счастье – это здоровье, и для меня религиозность в своей основе гедонистична. Гедонизм является самой основой религии. Быть счастливым – это все. Поэтому помни: если все правильно, и ты движешься в правильном направлении, каждое мгновение будет приносить больше радости – словно ты приближаешься к прекрасному саду. Чем ближе ты к нему подходишь, тем свежее, прохладнее, ароматнее воздух. Это будет указанием, что ты движешься в правильном направлении. Если воздух становится менее свежим, прохладным, ароматным, значит, ты движешься в противоположную сторону. Существование сделано из радости. Это само его вещество. Радость – это вещество, из которого сделано существование. Поэтому каждый раз, двигаясь к большему существу, ты будешь становиться более и более полным радости, наслаждения, без всякой причины. Если ты движешься в непривязанность, любовь будет расти, радость будет расти, и только привязанности будут отпадать – потому что привязанности приносят страдание, потому что привязанности приносят оковы, потому что привязанности разрушают твою свободу.

Но если ты становишься безразличным... Безразличие – это фальшивая монета; она только выглядит как непривязанность. Ничто не может в ней расти. Ты просто сжимаешься и умираешь. Пойди и посмотри: в мире есть столько монахов: католических, индуистских, джайнских, буддистских – наблюдай их. Они не дают ощущение сияния, они не распространяют ауры аромата, они не выглядят более живыми, чем ты; фактически они выглядят менее живыми, искалеченными, парализованными. Безусловно, они себя контролируют, но не пребывают в глубокой внутренней дисциплине; они себя контролируют, но они не сознательны... следуя определенной совести, которую дало им общество, но все же не осознанные, все же не свободные, все же не индивидуальности. Они живут так, словно уже легли в могилу и просто ждут смерти. Их жизнь становится угрюмой, монотонной, печальной – это своего рода отчаяние.

Остерегайся. Когда что-то идет не так, вот показатели в твоем существе: печаль – показатель, депрессия – показатель. Радость, празднование – тоже показатель. С тобой случится больше песен, если ты движешься к непривязанности. Ты будешь больше танцевать и станешь более любящим. Помни, любовь – это не привязанность. Любовь не знает никакой привязанности, а то, что знает привязанность, – не любовь. Это стремление владеть, главенствовать, цепляться, страх, жадность – это может быть тысячей и одной вещью, но не любовью. Под названием любви демонстрируются другие вещи, под названием любви скрываются другие вещи, но на коробке приклеена надпись "Любовь". Внутри ты найдешь множество вещей, но никакой любви.

Наблюдай. Если ты привязан к человеку, влюблен ли ты? Или боишься одиночества и поэтому цепляешься? Поскольку ты не можешь быть один, ты используешь этого человека, чтобы не быть одному. Тогда ты боишься. Если этот человек движется куда-то еще, или влюбляется в кого-то другого, ты убьешь этого человека и скажешь: "Я был так привязан". Или ты можешь убить себя и сказать: "Я был так привязан, что больше не мог без него – или без нее – жить".

Это сущая глупость. Это не любовь, это что-то другое. Ты боишься своего одиночества, ты еще не способен быть с самим собой, тебе нужен кто-то, чтобы тебя отвлекать. И ты хочешь владеть другим человеком, хочешь использовать другого человека как средство для достижения собственных целей.

Иммануил Кант сделал это одним из оснований моральной жизни – это так и есть. Он говорил, что использовать человека как средство – самое аморальное действие, которое только можно совершить. Это так и есть, потому что когда ты используешь другого человека как средство – ради собственного удовольствия, ради сексуального желания, из страха или чего-то еще, – когда ты используешь другого человека как средство, то низводишь этого человека до вещи. Ты разрушаешь его или ее свободу, ты убиваешь его или ее душу.

Душа может расти только в свободе - любовь дает свободу. И когда ты даешь свободу, ты свободен сам; именно это и есть непривязанность. Если ты навязываешь другому оковы, то будешь тем самым заключать в оковы себя. Если ты сковываешь другого, другой будет сковывать тебя; если ты определяешь другого, другой будет определять тебя; если ты пытаешься владеть другим, другой будет владеть тобой.

Именно так пары продолжают всю жизнь бороться за главенствование. Оба борются: мужчина по-своему, женщина по-своему. Они постоянно пилят друг друга и ссорятся. И мужчина думает, что каким-то образом контролирует женщину, а женщина думает, что каким-то образом контролирует мужчину. Контроль - это не любовь.

Никогда не обращай с человеком как со средством. Обращайся с каждым так, словно он сам по себе цель, - тогда ты не цепляешься, тогда ты не привязан. Ты любишь, но твоя любовь дает свободу - и когда ты даешь свободу другому, ты свободен сам. Только в свободе растет твоя душа. Ты чувствуешь себя очень, очень счастливым.

Этот мир стал очень несчастным местом - не потому, что мир - это несчастное место, но потому, что мы сделали с ним что-то неправильное. Тот же самый мир может стать празднованием.

Ты спрашиваешь: Как мне узнать, что растет внутри меня: непривязанность или безразличие?

Если ты чувствуешь себя счастливым, если то, что растет, делает тебя счастливым, более центрированным, более укорененным, более живым, чем раньше, тогда бросься в это очертя голову. Тогда никакого страха нет. Пусть счастье будет пробным камнем, критерием - ничто другое не может быть критерием.

Что бы ни говорили писания, это не критерий, если только твое сердце не бьется от счастья. Что бы я ни говорил, это не может быть критерием, если твое сердце не бьется от счастья. В то мгновение, когда ты родился, в тебя был помещен тонкий индикатор. Это часть жизни - чтобы ты всегда мог узнать, что происходит, чтобы ты всегда мог почувствовать, счастлив ты или нет. Никто не спрашивает, как узнать, счастлив он или нет. Никто никогда этого не спрашивал. Когда ты несчастен, ты это знаешь; когда ты счастлив, ты это знаешь. Это внутренняя ценность. Ты это знаешь, ты рождаешься, зная это, и пусть это будет внутренним указателем, и это никогда не допустит в твоей жизни ничего фальшивого.

В твоём видении модели общества, будет ли оно одной большой коммуной или серией коммун? Если будет более одной коммуны, какими будут их отношения друг с другом? Видишь ли ты, что люди разных коммун способны быть взаимозависимыми и делиться идеями и опытом?

Этот вопрос затрагивает очень важную концепцию, концепцию взаимозависимости. Человек до сих пор жил в зависимости, человек желал и боролся за независимость, но никто не смотрит на реальность, что зависимость и независимость - это две крайности.

Реальность точно посередине; это взаимозависимость. Все взаимозависимо. Самая маленькая травинка и самая большая звезда взаимозависимы. В этом все основание экологии. Поскольку человек действовал без понимания реальности взаимозависимости, он многое разрушил в органическом единстве жизни. Он обрубал собственные руки, собственные ноги - сам того не зная. Леса исчезли, миллионы деревьев рубят каждый день. Ученые постоянно дают предупреждения, - но никто не готов их слушать, - что если все деревья исчезнут с земли, человек не сможет жить. Мы живем в глубоком взаимообмене. Человек постоянно вдыхает кислород и выдыхает углекислый газ; деревья вдыхают углекислый газ и выдыхают кислород. Ни ты не можешь существовать без деревьев, ни деревья без тебя.

Это простой пример; все в жизни переплетается тысячей и одним образом. Так как деревья исчезли, в атмосфере собралось столько углекислого газа, что это повысило температуру на всей земле на четыре градуса. Тебе это может показаться несущественным - четыре градуса, но это не

несущественно. Вскоре температура повысится достаточно, чтобы начали таять льды и повысился уровень воды во всех океанах. Поэтому города, расположенные на берегах океанов, - как все большие города, - будут затоплены водой.

Если температура будет продолжать повышаться, - а это возможно, потому что никто не слушает... Деревья рубят без всякого понимания, ради бесполезных вещей - третьесортным газетам нужна бумага, и вы разрушаете жизнь. И возможно, что таять начнут даже вечные снега Гималаев, чего никогда не случалось за всю историю, и тогда уровень океанов поднимется на двадцать футов, и они затопят почти всю землю. Они разрушат все ваши города - Бомбей и Калькутту, Нью-Йорк, Лондон и Сан-Франциско. Может быть, выживут какие-то первобытные племена, которые живут высоко в горах. Взаимозависимость такова, когда ваши первые астронавты достигли Луны, мы впервые осознали, что вся Земля окружена толстым покрывалом озона, который является формой кислорода. Этот слой озона окутывает Землю, как одеяло. Именно благодаря этому озоновому одеялу на этой планете стала возможной жизнь, потому что озон не пропускает никаких лучей смерти, которые приходят от солнца. Он пропускает только лучи жизни и задерживает лучи смерти; он их отражает.

Но в нашем дурацком стремлении достичь Луны мы проделали дыры в озоновом одеяле. И усилия продолжаются. Теперь мы хотим достичь Марса! Каждый раз, когда ракета покидает атмосферу Земли, радиус двести миль от Земли, она оставляет огромные дыры. Через эти дыры начали проникать лучи смерти. Сейчас ученые говорят, что эти лучи смерти повысят уровень заболеваемости раком почти на тридцать процентов; другие болезни не учитываются, небольшие болезни не учитываются.

Эти глупые политики не слушают. И если назвать их глупыми, тебя посадят в тюрьму, тебя накажут; против тебя возведут фальшивые обвинения. Но я не вижу, как еще их назвать. "Глупые" кажется самым мягким и культурным словом, которым можно их назвать. Они его не заслуживают; они заслуживают чего-то худшего.

Жизнь - это глубокая взаимозависимость.

Вот мое видение коммуны: нации исчезают, большие города исчезают, потому что они не дают каждому человеческому существу достаточно пространства - а у каждого человеческого существа есть определенная психологическая потребность иметь свою территорию, точно как и у других животных. В больших городах человек постоянно движется в толпе. Это создает огромную тревогу, напряжение, агонию и не дает ему никакого времени, чтобы расслабиться, никакого времени и места, чтобы быть самим собой - чтобы быть одному, чтобы быть с деревьями, которые являются источником жизни, чтобы быть с океаном, который является источником жизни.

Мое видение нового мира, мира коммун, означает: никаких наций, никаких больших городов, но миллионы небольших коммун, распространенных по всей Земле, в густых лесах, в буйных зеленых лесах, в горах, на островах. Самая многочисленная коммуна, которую легко поддерживать - что мы уже проверили, - может состоять из 5-50 тысяч человек; если она будет больше, ее будет трудно поддерживать; тогда снова появится необходимость в законе и порядке, и полиции, и суде, и нужно будет вернуть всех старых преступников.

Небольшие коммуны... пять тысяч кажется совершенной численностью, потому что мы это попробовали. Все знают всех, все друзья. Нет никакого брака - дети принадлежат коммуне. В коммуне есть больницы, школы, колледжи. Коммуна заботится о детях; родители могут их навещать. Просто неважно, живут родители вместе или расстались. Для ребенка оба они доступны; он может их навещать, они могут навещать его.

Все коммуны должны быть взаимозависимыми, но они не будут обмениваться деньгами. Деньги должны рассеяться. Они причинили человечеству огромный вред. Пришло время с ними распрощаться! Эти коммуны должны обмениваться вещами. У вас больше молочных продуктов; вы можете отдавать их другой коммуне, потому что вам нужно больше одежды, и эта коммуна может

поставить больше одежды – простая бартерная система, и ни одна коммуна не становится богаче другой.

Деньги – это очень странная вещь. Их можно накапливать, и это самый странный секрет денег. Нельзя накапливать молочные продукты, нельзя накапливать овощи. Если у вас больше овощей, чем нужно, вам придется поделиться ими с какой-то коммуной, в которой овощей недостаточно. Но деньги можно накапливать. И если одна коммуна становится богаче других, тогда через заднюю дверь входит бедность и богатство, и весь кошмар капитализма, и классы бедных и богатых, и желание главенствовать. Поскольку ты богат, ты можешь поработить другие коммуны. Деньги – это один из человеческих врагов.

Коммуны будут обмениваться. Они будут передавать по радио, что у них есть такой-то и такой-то продукт. Каждый, у кого есть продукты, которые им нужны, может с ними связаться, и вещами можно обмениваться дружески; не нужно будет торговаться, не нужно будет никакой эксплуатации. Но коммуна не должна быть слишком большой, потому что величина тоже опасна.

Критерием величины коммуны должно быть то, чтобы каждый знал всех; это должно быть пределом. Как только этот предел пересечен, коммуна должна разделиться надвое. Точно как братья расстаются, когда коммуна становится достаточно большой, она разделяется на две коммуны, коммуны-сестры.

И будет великая взаимозависимость, обмен идеями и навыками, без всяких подходов, которые вырастают из чувства собственности, таких как национализм и фанатизм. В этом не будет ничего фанатичного. Не будет никаких причин для нации.

Небольшая группа людей может наслаждаться жизнью легче, потому что иметь столько друзей, столько знакомых – само по себе радостно. Сегодня в больших городах вы живете в одном доме, но не знаете своих соседей. В одном доме может жить тысяча человек, и все они абсолютно незнакомы друг другу. Живя в толпе, ты все же остаешься один.

Моя идея коммуны состоит в том, чтобы жить небольшими группами, которые дают тебе достаточно пространства, и все живут в близких, любящих отношениях. О ваших детях заботится коммуна, о ваших нуждах заботится коммуна, о вашем здравоохранении заботится коммуна. Коммуна становится подлинной семьей, без всяких болезней, которые семьи создавали в прошлом. Это свободная семья и постоянное движение.

Нет речи ни о каком браке, и нет речи ни о каком разводе. Если два человека хотят быть вместе, они могут быть вместе, и если однажды они больше не хотят быть вместе, все в полном порядке. Быть вместе – это их решение; теперь они могут выбирать других друзей. Фактически, почему бы не прожить в одной жизни много жизней? Почему бы не сделать ее богаче? Почему мужчина должен цепляться за женщину, или женщина – цепляться за мужчину, если только они не счастливы друг с другом настолько, что хотят быть вместе всю жизнь?

Но если посмотреть на мир, ситуация ясна. Люди хотят быть независимыми от своих семей; дети хотят быть независимыми от своих семей. Как раз на днях один маленький мальчик в Калифорнии сделал что-то уникальное и особенное. Он хотел выйти на улицу и поиграть. В этом не было ничего особенного; всем детям должно разрешаться выходить на улицу и играть. Но мать и отец настояли: "Нет, не ходи; играй в доме". И мальчик застрелил мать и отца. Он стал играть в доме! Есть предел, до которого можно всегда слушать: "Нет, нет, нет..."

В Америке средний срок смены мужей и жен – около трех лет. За тот же период времени человек меняет работу; за тот же период времени человек меняет город. Кажется, в трех годах есть что-то особенное! Кажется, это предел, за которым человек больше не может терпеть. За пределами трех лет все становится невыносимым. И люди продолжают менять мужей и жен, люди меняют города, люди меняют работы.

Но в коммуне нет необходимости поднимать никакого шума. Вы можете проститься в любой момент, и вы можете оставаться друзьями, потому что, кто знает? Через два года ты можешь снова влюбиться в того же мужчину, в ту же женщину. За два года ты можешь забыть все старые проблемы и

захотеть испытать их снова; или, может быть, ты попадешься в руки худшему мужчине или худшей женщине и расквасишься, и захочешь вернуться! Но это будет более богатая жизнь; ты узнаешь многих мужчин и женщин. Каждый мужчина по-своему уникален, и каждая женщина по-своему уникальна. Коммуны могут также обмениваться людьми, если кто-то хочет переселиться в другую коммуну, и другая коммуна захочет его принять. Другая коммуна может сказать: "Если кто-то другой хочет переселиться в вашу коммуну, возможен обмен - потому что мы не хотим увеличивать свое население". Люди могут решить. Ты можешь ходить и рекламировать себя; может быть, ты понравишься какой-то женщине, и какие-то люди окажутся друзьями. Может быть, кому-то в той коммуне станет скучно и захочется переменить коммуны...

Весь мир должен быть одним человечеством, разделенным на небольшие коммуны только по практическим соображениям: никакого фанатизма, никакого расизма, никакого национализма. Тогда впервые мы сможем отбросить идею войн. Мы сможем создать жизнь честности, жизнь, которая стоит того, чтобы жить, которая стоит того, чтобы наслаждаться; игривую, медитативную, творческую, и дать каждому мужчине и каждой женщине равные возможности расти и привести к цветению свой потенциал.

ОДИНОЧЕСТВО

Все попытки избежать ощущения, что тебе одиноко, обречены на поражение, потому что они идут против основ жизни. То, что нужно, - не какой-то способ забыть, что тебе одиноко. То, что нужно, - это чтобы ты осознал свое одиночество. И это такой красивый опыт - чувствовать это, потому что это твоя свобода от другого, от толпы. Это твоя свобода от страха чувствовать себя одиноко.

Одиночество - твоя Природа

Первое, что нужно осознать, - что, хочешь ты того или нет, ты один. Одиночество - сама твоя природа. Ты можешь попытаться его забыть, ты можешь попытаться не быть один, находя друзей, находя любовников, смешиваясь с толпой... Но, что бы ты ни делал, это останется на поверхности. Глубоко внутри, твоего одиночества это не касается, оно остается незатронутым.

Странный несчастный случай происходит с каждым человеческим существом: как только он рождается, сама ситуация его рождения начинается с семьи. И нет никакого другого пути, потому что человеческий ребенок - самый слабый ребенок во всем существовании. Другие животные рождаются законченными. Собака может оставаться собакой всю жизнь, но она не становится разумнее, не становится более осознанной, не становится просветленной. В этом смысле все животные остаются точно в точке своего рождения; ничто существенное в них не меняется. Их смерть и рождение горизонтальны - на одной линии.

Только у человека есть возможность идти вертикально, вверх, не просто горизонтально. Большая часть человечества ведет себя как другие животные: жизнь просто стареет - не взрослеет. Старение и взросление - это совершенно разные опыты.

Человек рождается в семье, среди человеческих существ. С самого первого мгновения он не один; поэтому он получает определенное психологическое стремление всегда оставаться с людьми. В одиночестве ему становится страшно... неизвестные страхи. Он не знает точно, чего боится, но когда он движется вне толпы, где-то внутри ему становится не по себе. Быть с другими кажется удобным, легким, комфортным.

Именно по этой причине он никогда не узнает красоты одиночества; ему мешает этот страх. Поскольку он рождается в группе, он остается частью группы, и по мере того как он растет, он начинает создавать новые группы, новые связи, заводить новых друзей. Уже существующие коллективности не удовлетворяют его: нация, религия, политическая партия, - и он создает свои собственные, новые ассоциации: Ротари-Клуб, Клуб Львов. Но все эти стратегии служат только одному: никогда не быть одному.

Все существование - это существование вместе в людьми. Одиночество кажется почти как смерть. Это своего рода смерть; это смерть личности,

которая создана в толпе. Это подарок, полученный тобой от других. В то мгновение, как ты выходишь из толпы, ты выходишь и из своей личности. В толпе ты точно знаешь, кто ты такой. Ты знаешь, как тебя зовут, ты знаешь свои ученые степени, ты знаешь свою профессию; ты знаешь все, что нужно для паспорта, удостоверения личности. Но в то мгновение, как ты выходишь из толпы, где твоя личность, кто ты такой? Внезапно ты осознаешь, что это не твое имя – это имя было тебе дано. Ты – не твоя раса. Какое отношение имеет раса к сознанию? Твое сердце – не индуистское и не мусульманское; твое существо не ограничено никакими национальными политическими границами; твое сознание – не часть никакой организации или церкви. Кто ты такой?

Внезапно личность начинает исчезать. Это страшно: смерть личности. Теперь ты должен все открыть заново, тебе впервые приходится задаться вопросом: кто ты такой? Тебе придется начать медитировать на вопрос: кто я? – и страшно то, что тебя может вообще не быть! Может быть, ты был не более чем комбинацией мнений толпы, ты был не более чем своей личностью. Никто не хочет быть ничем. Никто не хочет быть никем, а фактически каждый и есть никто.

Есть очень красивая история...

Алиса очутилась в Стране Чудес. Она встретила Короля, и Король спросил:

– Алиса, не встретила ли ты посланца, направляющегося ко мне?

– Я никого не встретила, – сказала она.

Король сказал:

– Если ты не встретила Никого, почему же Никто еще не прибыл?

Алиса была очень озадачена. Она сказала:

– Вы меня неправильно понимаете. Никто есть никто.

– Очевидно, что Никто есть Никто, – сказал Король, – но где же он? Он должен был к этому времени сюда добраться. Это просто означает, что Никто не медленнее тебя.

И естественно, Алиса очень рассердилась и забыла, что разговаривает с Королем. Она сказала:

– Никто не быстрее меня.

И таким образом весь разговор продолжается об этом "никто". Она понимает, что он говорит: "Никто не медленнее тебя", "... а я хожу быстро. Я прибыла из другого мира в Страну Чудес, в маленький мир, а он оскорбляет меня". Естественно, она протестует: "Никто не быстрее меня!" Король говорит:

– Если это правда, почему же Никто до сих пор не прибыл?

И таким образом разговор продолжается.

Каждый – никто.

Поэтому первая проблема для ищущего – понять в точности природу одиночества. Оно означает быть никем; оно означает отбросить личность, которая дана тебе толпой. Когда ты отделяешься, выходишь из толпы, ты не можешь взять с собой в одиночество этот подарок. В своем одиночестве тебе придется все открывать заново, вновь, и никто не может гарантировать, найдешь ли ты кого-нибудь внутри или нет.

Те, кто достиг одиночества, нашли там никого. Я действительно имею в виду никого – никакого имени, никакой формы, но чистое присутствие, чистая жизнь, безымянная, бесформенная. Это в точности воскресение, и, несомненно, оно требует храбрости. Лишь очень храбрые люди смогли с радостью принять свое бытие никем, ничем. Их ничто – чистое существо; это одновременно смерть и воскресение.

Как раз сегодня мой секретарь показал мне небольшой, красивый мультфильм: Иисус висит на кресте, глядя в небо, и говорит: "Было бы лучше, если бы, кроме Бога-отца, у меня был Аллах-дядя. Это было бы лучше; по крайней мере, если Бог не слушает, помог бы дядя".

Всю жизнь, когда у него был только Бог, он был очень счастлив, заявляя: "Я единственный сын Бога". И он никогда не говорил о семье Бога, о его брате, жене, других сыновьях и дочерях. Что делал Бог целую вечность? У

него нет телевизора, чтобы впустую тратить время, проводить время. У него нет возможности пойти в кино. Что все время делает этот бедняга? Хорошо известен тот факт, что в бедных странах демографический взрыв продолжается по той простой причине, что у бедного человека нет никакого другого бесплатного развлечения. Единственное бесплатное развлечение – это производить детей. Хотя, по большому счету, это обходится дорого, но прямо сейчас не нужно никакого билета, нет никаких проблем, не нужно стоять в очереди...

Что же делал Бог целую вечность? Он создал только одного сына. И теперь на кресте Иисус осознает, что было бы лучше, если у Бога было несколько братьев, сестер, дядь. "Я мог бы попросить помощи у кого-то другого, если он сам меня не слушает". Он молится и злится, говорит: "Почему ты забыл меня? Почему ты отказался от меня?" – но ответа нет. Он ждет чуда. Вся толпа, которая собралась, чтобы увидеть чудо, мало-помалу начинает рассеиваться. Слишком жарко, и они ждут напрасно. Ничего не происходит; если бы что-то должно было произойти, то уже произошло бы.

Через шесть часов остались только три дамы, которые все еще верили, что чудо случится. Одна из них была мать Иисуса – естественно, матери продолжают верить, что их дети гениальны. Каждая мать без исключения верит, что родила ребенка, который просто гигант. Другая женщина, которая любила Иисуса, была проститутка, Мария Магдалина. Эта женщина, хотя и была проституткой, любила Иисуса. Даже его ученики, так называемые апостолы, которые стали вторыми после Иисуса по важности в истории христианства, – все двенадцать бежали из страха, что их поймут и узнают... – потому что они всегда и везде были рядом с Иисусом. Никогда нельзя доверять толпе: если бы их поймали, может быть, их распяли бы, или по крайней мере побили, до смерти забили камнями. Остались только три женщины. Третья была другая женщина, которая любила Иисуса. В последние мгновения осталась только любовь, в обличье этих трех женщин.

А эти ученики, должно быть, были с Иисусом лишь для того, чтобы достичь рая. Всегда хорошо иметь хорошие связи, и нельзя найти лучшей связи, чем с единственным Сыном Божиим. Следуя за ним нога в ногу, они тоже смогли бы войти в врата рая. Их ученичество было своего рода эксплуатацией Иисуса; поэтому у них не было никакой храбрости. Это были хитрость и коварство, не храбрость.

Только любовь может быть храброй. Любишь ли ты себя? Любишь ли ты это существование? Любишь ли ты эту прекрасную жизнь, этот подарок? Она была тебе дана, хотя ты и не был к ней готов, не заслужил ее, не был ее достоин. Если ты любишь это существование, которое дала тебе жизнь, которое продолжает каждое мгновение давать тебе жизнь и питание, то найдешь храбрость. И эта храбрость поможет тебе выстоять одному, как ливанский кедр – высокий, тянущийся к звездам, но один.

В одиночестве ты исчезнешь как это и личность и найдешь себя как саму жизнь, бессмертную и вечную. Пока ты не способен быть один, весь твой поиск истины останется поражением.

Твое одиночество – твоя истина. Твое одиночество – твоя божественность. Функция мастера в том, чтобы помочь тебе выстоять одному. Медитация – это только стратегия, чтобы отнять у тебя личность, мысли, ум, отождествление с телом и оставить в абсолютном одиночестве внутри, – просто живой огонь. И как только ты нашел свой живой огонь, ты узнаешь радости и экстазы, на которые способно человеческое сознание.

Пожилая женщина наблюдала, как ее внук неправильно ест суп, хватая нож не за тот конец, ест второе руками, наливает чай в блюдце и дует на него. – Неужели наблюдение за матерью и отцом за обеденным столом тебя ничему не научило? – спросила она. – Научило, – сказал мальчик, жуя с открытым ртом и чавкая. – Никогда не жениться.

Он выучил великий урок! Оставайся один.

Действительно очень трудно быть с другими, но мы с самого рождения привыкаем быть с другими. Это может быть несчастьем, это может быть страданием, это может быть мучением, но мы к этому привыкли; по крайней мере это хорошо известно. Человек боится ступить в темноту за пределами своей территории, но пока ты не выйдешь за пределы территории, применяемой в коллективе маски, ты не сможешь найти себя.

Гручо Маркс сказал прекрасные слова, которые вам нужно запомнить:

- Я нахожу, что телевизор очень способствует образованию. Каждый раз, когда кто-то включает его, я уйду в другую комнату и читаю книгу.

Учительница младших классов слишком стеснительна, чтобы провести урок по сексуальному воспитанию, и поэтому она просит класс сделать это как домашнюю работу.

В ответ на расспросы маленького Хайме его отец бормочет что-то про аиста, бабушка говорит, что он возник из кочана капусты, а прабабушка краснеет и шепчет, что дети приходят из великого океана существования.

На следующий день учительница вызывает Хайме, чтобы он рассказал о своей домашней работе. Хайме говорит учительнице:

- Боюсь, что с моей семьей что-то не в порядке. Кажется, в ней в течение трех поколений никто не занимался любовью!

Фактически очень немногие люди вообще любили. Они притворялись, они были лицемерами, обманывая не только других, но и себя. Ты можешь подлинно любить, только если ты есть. Прямо сейчас ты только часть толпы, шестеренка в машине. Как ты можешь любить? - потому что тебя нет. Сначала будь; сначала узнай себя.

В своем одиночестве ты откроешь, что значит быть. И из этой осознанности твоего существа течет любовь, и гораздо большее. Одиночество должно быть твоим единственным поиском.

И это не значит, что ты должен идти в горы. Ты можешь быть один на рыночной площади. Дело просто в том, чтобы быть осознанным, бдительным, наблюдательным, и помнить, что ты - только твоя наблюдательность. Тогда ты один, где бы ты ни был. Ты можешь быть в толпе, ты можешь быть в горах; это не имеет значения, ты просто та же самая наблюдательность. В толпе ты наблюдаешь толпу; в горах ты наблюдаешь горы. С открытыми глазами ты наблюдаешь существование; с закрытыми глазами ты наблюдаешь самого себя. Ты только одно: наблюдатель.

И этот наблюдатель - великое осознание. Это твоя природа будды; это твое просветление, твое пробуждение. Это должно быть твоей единственной дисциплиной. Только это делает тебя учеником, - эта дисциплина знания своего одиночества. Что еще может сделать тебя учеником? Тебя обманывали в каждой точке жизни. Тебе говорили верить, что мастер делает тебя учеником - это абсолютно неправильно; иначе каждый в мире был бы учеником. Кто-то верит в Иисуса, кто-то верит в Будду, кто-то верит в Кришну, кто-то верит в Махавиру; каждый в кого-то верит, но никто не ученик, потому что быть учеником не значит верить в мастера. Быть учеником значит учиться дисциплине бытия самим собой, своим настоящим "я".

В этом опыте скрыто само сокровище жизни. В этом опыте ты впервые становишься императором; иначе ты будешь оставаться нищим в толпе. Есть два вида нищих: бедные нищие и богатые нищие, но все они нищие. Даже ваши короли и королевы - нищие.

Лишь те люди, очень немногие люди, которые стоят одни в своих существах, в своей ясности, в своем свете, которые нашли свой собственный свет, которые нашли свое собственное цветение, которые нашли свое собственное пространство, которое могут назвать своим домом, свой вечный дом, эти немногие люди - императоры. Вся эта вселенная - их империя. Им не нужно ее завоевывать; она уже завоевана. Зная себя, ты ее завоевал.

Незнакомцы самим себе

Мы рождаемся одни, живем одни и одни умираем. Одиночество - это сама наша природа, но мы ее не осознаем. Так как мы ее не осознаем, то остаемся

незнакомцами самим себе, и вместо того чтобы видеть одиночество как безмерную красоту и блаженство, молчание и мир, непринужденность с существованием, мы ошибочно понимаем ее как чувство того, что нам одиноко.

Чувство, что нам одиноко, ошибочно понимается как одиночество. Как только ты понимаешь свое одиночество как то, что тебе одиноко, весь контекст меняется. В одиночестве есть красота и великолепие, позитивность; чувство, что тебе одиноко, – бедно, негативно, темно, мрачно.

Чувство, что тебе одиноко, оставляет пустоту. Чего-то не хватает, что-то нужно, чтобы его заполнить, и ничто никогда не может его заполнить, потому что, прежде всего, это ошибочное понимание. По мере того как ты становишься старше, промежуток становится больше. Люди так боятся быть сами по себе, что делают всевозможные глупые вещи. Я видел людей, которые одни играют в карты; партнера нет. Они изобретают игры, в которых один и тот же человек играет в карты за двоих.

Те, кто узнал одиночество, говорят что-то абсолютно другое. Они говорят, что нет ничего более красивого, более мирного, более радостного, чем быть одному.

Обычный человек пытается забыть о том, что ему одиноко, а медитирующий более и более знакомится со своим одиночеством. Он оставил мир; он ушел в пещеры, в горы, в леса просто ради того, чтобы быть одному. Он хочет знать, кто он такой. В толпе это трудно; в ней столько беспокойства. И те, кто узнал свое одиночество, познали величайшее блаженство, возможное для человеческих существ, – потому что само твое существо блаженно.

Сонастроившись со своим одиночеством, ты можешь общаться; тогда твои отношения будут приносить тебе огромную радость, потому что они не будут исходить из страха. Найдя свое одиночество, ты можешь творить, можешь вовлекаться во что хочешь, потому что эта вовлеченность больше не будет бегством от самого себя. Теперь это будет твоим выражением; теперь это будет проявлением твоего потенциала.

Но первая основа: узнать свое одиночество абсолютно.

Поэтому я напому еще раз: не принимай свое одиночество за чувство того, что тебе одиноко. Чувство, что тебе одиноко, безусловно, нездорово; одиночество – это полное здоровье. Твой первый и самый первостепенный шаг к тому, чтобы найти смысл и значение жизни, – войти в свое одиночество. Это твой храм; именно там живет Бог, и ты не можешь найти его храм больше нигде.

Одинокие и Избранные

Иисус сказал:

Блаженны одинокие и избранные, ибо вы найдете царство; и поскольку вы из него приходите, вы в него снова уйдете.

(Из "Евангелия от Фомы")

Глубочайший страстный порыв в человеке – быть совершенно свободным. Свобода, мокша, – является целью. Иисус называет ее "Царством Божьим" – быть подобным королям, просто символически, чтобы в вашем существовании не было никаких пут, никаких оков, никаких границ; ты существуешь как бесконечность и ни в чем не конфликтуете ни с кем другим... словно ты один.

Свобода и одиночество – это два аспекта одного и того же. Именно поэтому джайнский мистик Махавира называет свою концепцию свободы "кайвальей". Кайвалья означает: быть абсолютно одному, словно никого больше не существует. Когда ты абсолютно один, кто станет для тебя оковами? Когда ничего больше нет, кто будет "другим"?

Именно поэтому те, кто ищет свободы, найдут свое одиночество; они найдут способ, средство, метод, чтобы достичь своего одиночества.

Человек рождается как часть мира, как член общества, семьи, как часть других. Его воспитывают не как одинокое существо, его воспитывают как социальное существо. Все воспитание, образование, культура состоят в том, как сделать ребенка "вписывающейся" частью общества, как сделать так, чтобы он "соответствовал" другим. Именно это психологи называют

"приспосабливаемостью". И каждый раз, когда кто-то один, он выглядит "неприспособленным".

Общество существует как сеть, образец, состоящий из многих людей, как толпа. Там у тебя есть немного свободы – ценой многого. Если ты следуешь обществу, если ты становишься послушным дубликатом других, они позволят тебе небольшой мир свободы. Если ты становишься рабом, тебе дается свобода. Но это данная свобода, и ее можно в любой момент взять обратно. И она дается очень большой ценой: это подлаживание под других, поэтому в этом обязательно будут ограничения.

В обществе, в социальном существовании никто не может быть абсолютно свободным. Само существование другого создает проблемы. Сартр говорит: "Другой – это ад", и он прав в очень большой степени, потому что другой создает в тебе напряжения; другой тебя беспокоит. Обязательно произойдет столкновение, потому что другой ищет абсолютной свободы, и абсолютной свободы ищешь ты – а абсолютная свобода может существовать только для одного.

Даже ваши так называемые короли не свободны абсолютно и не могут быть абсолютно свободными. Они могут производить видимость свободы, но она ложна: они нуждаются в защите, они зависят от других. Их свобода – это только фасад. Но все же из-за этой страстной жажды быть абсолютно свободным человек хочет стать королем, императором. Император производит ложное впечатление, что он абсолютно свободен.

Человек хочет стать очень богатым, потому что богатство тоже производит ложное впечатление, что ты свободен. Как может быть свободным бедный человек? Его нужды будут его оковами, и он не может удовлетворить своих нужд. Куда бы он ни пошел, он наткнется на стену, которую не может преодолеть. Поэтому он желает богатства. Глубоко внутри это желание быть абсолютно свободным, и все желания создаются этим желанием. Но если ты движешься в ложных направлениях, ты можешь продолжать двигаться, но никогда не достигнешь цели, потому что с самого начала направление было неправильным – ты упустил первый шаг.

В старом еврейском языке слово грех было очень красивым. Оно значило: "Человек, который промахнулся мимо цели". В нем, на самом деле, не было никакого смысла вины; грех значит: "Тот, кто промахнулся мимо цели, сбился с дороги". А религия означает: вернуться к правильному пути, чтобы не упустить цели.

Цель – абсолютная свобода; религия – это только средство ее достичь. Именно поэтому тебе придется понять, что религия существует как антисоциальная сила. Сама ее природа антисоциальна, потому что в обществе абсолютная свобода невозможна.

Психология, с другой стороны, служит обществу. Психиатр продолжает всеми возможными способами заставлять тебя снова подстроиться под общество; он служит обществу. Политика, конечно, служит обществу. Она дает тебе немного свободы, чтобы тебя можно было сделать рабом. Эта свобода – просто взятка; ее можно в любой момент взять назад. Если ты думаешь, что действительно свободен, тебя в любой момент можно посадить в тюрьму.

Политика, психология, культура, образование – все они служат обществу. Только религия – бунтарская в своей основе. Но общество одурачило тебя, оно создало свои собственные религии: христианство, индуизм, буддизм, ислам – это социальные трюки. Иисус антисоциален. Посмотрите на Иисуса – он не был очень уважаемым человеком и не мог им быть. Он смешивался с сомнительными элементами, антисоциальными элементами. Он был бродягой, он был неформалом – так и должно было быть, потому что он не слушался общества и не подстраивался под него. Он создал альтернативное общество, небольшую группу последователей.

Ашрамы существовали как антисоциальные силы – но не все ашрамы, потому что общество всегда пытается дать тебе фальшивую монету. Если есть сотня ашрамов, может быть, только один – и то только "может быть" – настоящий, потому что он будет существовать как альтернативное общество, вопреки этому обществу, вопреки его безымянной толпе. Существовали школы, – например, монастыри Будды в Бихаре, – которые пытались сделать тебя

действительно и совершенно свободным – чтобы на тебе не было никаких оков, никакой дисциплины ни в каком виде, никаких границ. Тебе позволено быть бесконечным, вот и все.

Иисус антисоциален, Будда антисоциален – но христианство не антисоциально, буддизм не антисоциален. Общество очень коварно; оно тотчас же впитывает даже антисоциальные явления и делает их социальными. Оно создает фасад, оно дает тебе фальшивую монету, и тогда ты счастлив, точно как маленькие дети, которым дают фальшивую, пластмассовую грудь, соску. Они продолжают ее сосать и чувствуют, что получают питание. Это их успокаивает; конечно, они засыпают. Каждый раз, когда ребенок беспокоен, это нужно сделать: нужно дать ему фальшивую грудь. Он сосет, веря, что получает питание. Он продолжает сосать, и сосание становится монотонным процессом; в нем ничто не движется, просто сосание становится мантрой! Тогда он засыпает. Ему становится скучно, начинает хотеться спать, и он засыпает.

Буддизм, христианство, индуизм и все остальные "-измы", которые стали организованными религиями, – это только соски. Они дают утешение, они дают хороший сон, они делают возможным гладкое и спокойное существование во всем этом мучительном рабстве; они дают ощущение, что все в порядке, ничто не неправильно. Они похожи на транквилизаторы. Это наркотики. Не только ЛСД является наркотиком, но и христианство – и это гораздо более сложный и тонкий наркотик, который дает тебе своего рода слепоту. Ты не можешь видеть, что происходит. Ты не можешь чувствовать, что тратишь свою жизнь впустую, не можешь видеть болезнь, которую накапливаешь из многих существований. Ты сидишь на вулкане, а тебе продолжают говорить, что все в порядке: "Бог на небесах, правительство на земле – все в порядке". И священники тебе говорят: "Тебе не нужно ни о чем беспокоиться, мы здесь. Просто предоставь все нам, и мы позаботимся о тебе в этом мире и в другом". И ты предоставил все им, именно поэтому ты страдаешь.

Общество не может дать тебе свободы. Это невозможно, потому что общество не может устроить так, чтобы каждый был абсолютно свободным. Что же тогда делать? Как выйти за пределы общества? Это вопрос религиозного человека. Но это кажется невозможным: куда бы ты ни двинулся, общество везде. Ты можешь пойти даже в Гималаи – тогда ты создашь общество и там. Ты начнешь разговаривать с деревьями, потому что так трудно быть одному. Ты подружись с птицами и животными, и рано или поздно это станет семьей. Ты будешь каждый день ждать птицу, которая прилетает утром и поет. Теперь ты понимаешь, что стал зависимым, что вошел другой. Если птица не прилетит, ты почувствуешь определенную тревогу: что случилось с этой птицей? Почему она не прилетела? Входит тревога, и это ничем не отличается от того, как ты беспокоился о своей жене и ребенке. Это не отличается ничем, это тот же образец – "другой". Даже если ты станешь жить в Гималаях, то создашь общество и там.

Вот что нужно понять: общество не снаружи тебя, это что-то у тебя внутри. И пока коренная причина внутри тебя не исчезнет, куда бы ты ни пришел, общество войдет в существование снова и снова. Даже если ты станешь жить в коммуне хиппи, общество войдет; это станет социальной силой. Если ты станешь жить в ашраме, общество войдет. Не общество следует за тобой, это ты сам. Ты всегда создаешь вокруг себя свое общество – ты его создатель. Что-то в тебе существует как семя, которое создает общество. Это на самом деле показывает, что, претерпев полной трансформации, ты не сможешь выйти за пределы общества и всегда будешь создавать свое собственное общество. И все общества одинаковы; формы могут отличаться, но основной образец остается прежним.

Почему ты не можешь жить без общества? Это камень преткновения! Даже в Гималаях ты будешь кого-то ждать. Может быть, ты будешь сидеть под деревом и ждать, чтобы кто-то: путешественник, охотник – прошел по дороге. И если кто-то проходит мимо, ты почувствуешь себя немного счастливее. Одному тебе становится грустно – и если мимо идет охотник, ты

можешь с ним поболтать. Ты можешь спросить: "Что происходит в мире? Ты получил последнюю газету?" Или: "Расскажи мне новости! Я жажду новостей". Почему? Нужно вынести на свет корни, чтобы стало понятно.

Первое: тебе нужно быть нужным, в тебе есть глубокая потребность быть нужным. Если ты никому не нужен, ты чувствуешь себя бесполезным, бессмысленным. Если ты кому-то нужен, этот человек придает тебе важность; ты чувствуешь себя важным. Ты продолжаешь говорить: "Я должен заботиться о жене и детях", словно тащишь их как бремя - ты не прав. Ты говоришь так, словно это великая ответственность, и ты выполняешь долг. Ты не прав! Только подумай: если жена и дети исчезнут, что ты будешь делать? Внезапно ты почувствуешь, что вся твоя жизнь стала бессмысленной, потому что ты был им нужен. Маленькие дети - они тебя ждали, они придавали тебе значительность, они делали тебя важным. Теперь ты никому не нужен, и ты начинаешь сжиматься. Так как ты никому не нужен, никто не обращает на тебя внимания; есть ты или нет, это не имеет значения.

Весь психоанализ и его бизнес построен на слышании. В этом нет ничего особенного, в психоанализе на самом деле нет ничего особенного, и вся суета вокруг него - это почти полностью цирковой трюк. Но почему это продолжается? Человек уделяет тебе столько внимания - и не обычный человек, а известный психиатр, написавший столько книг, знаменитость. Он лечил многих известных людей, поэтому ты чувствуешь себя хорошо. Никто больше тебя не слушает, даже твоя жена. Никто тебя не слушает, никто не уделяет тебе внимания; ты движешься в мир несущественности, становишься никем - и ты столько платишь психиатру. Это роскошь, только очень богатые люди могут это себе позволить.

Но почему они делают то, что делают? Они просто ложатся на кушетку и говорят, а психоаналитик слушает - но он слушает, он уделяет тебе внимание. Конечно, ты должен за это заплатить, но ты чувствуешь себя хорошо. Тебе хорошо просто потому, что другой уделяет тебе внимание. Ты выходишь из его офиса другим человеком, твое качество совершенно изменилось. В твоих ногах появляется танец, ты можешь насвистывать, напевать. Это не может быть навсегда - на следующей неделе ты снова придешь в его офис, но когда кто-то тебя слушает, уделяет тебе внимание, он говорит: "Ты кто-то, ты стоишь того, чтобы тебя слушать". Кажется, ему не скучно. Может быть, он даже ничего не говорит, это все равно очень хорошо.

В тебе есть глубокая потребность в том, чтобы в тебе нуждались. Кто-то должен в тебе нуждаться, иначе у тебя нет никакой почвы под ногами, общество - это твоя потребность. Даже если кто-то с тобой ссорится, это приемлемо, это лучше, чем быть одному, потому что по крайней мере кто-то уделяет тебе внимание - враг... ты можешь о нем думать.

Когда ты влюбляешься, посмотри на эту потребность. Посмотри на влюбленных, наблюдай, потому что это будет трудно, если влюблен ты сам. Тогда наблюдать трудно, потому что ты почти сходишь с ума, ты не в себе. Но наблюдай влюбленных: они говорят друг другу: "Я тебя люблю", но в глубине сердец они хотят быть любимыми. Дело не в том, чтобы любить, настоящая цель в том, чтобы быть любимым, - и они любят просто ради того, чтобы быть любимыми. Главное не в том, чтобы любить, главное в том, чтобы быть любимым.

Именно поэтому влюбленные постоянно жалуются друг на друга: "Ты меня недостаточно любишь". Ничего не достаточно, ничего никогда не может быть достаточно, потому что эта потребность бесконечна. Поэтому бесконечно рабство. Что бы ни делал влюбленный, ты всегда будешь чувствовать, что возможно что-то большее; ты всегда можешь надеяться на большее, ты всегда можешь воображать большее. И когда этого не хватает, ты чувствуешь себя разочарованным. И каждый влюбленный думает: "Я люблю, но другой мне недостаточно отвечает взаимностью", и другой думает то же самое. В чем же дело?

Никто никого не любит. И пока ты не становишься Иисусом или Буддой, ты не можешь любить, потому что любить могут только те, чья потребность быть любимым исчезла.

Халиль Джигран в своей прекрасной книге "Иисус сын человеческий" создал красивую вымышленную историю – и иногда вымыслы более фактичны, чем сами факты. Мария Магдалина выглядывает в окно и видит Иисуса, сидящего в саду под деревом. Это красивый человек. Она знала многих мужчин, она была знаменитой куртизанкой – даже короли стучались в ее двери, и она была самым очаровательным из цветов. Но она никогда не видела такого мужчины – потому что такой человек, как Иисус, несет вокруг себя невидимую ауру, которая придает ему красоту, которая не от этого мира; он не принадлежит этому миру. Вокруг него был великий свет, изящество, и то, как он ходил, то, как он сидел, было так, словно он император в одежде нищего. Он выглядел настолько не от этого мира, что Магдалина попросила своих слуг пойти и пригласить его, но Иисус отказался. Он сказал:

– Мне нравится здесь. Это красивое и тенистое дерево.

Тогда Магдалине пришлось выйти самой и пригласить, попросить Иисуса – она не могла поверить, что кто-то может отказать ей в просьбе. Она сказала:

– Войди в мой дом и будь моим гостем.

Иисус сказал:

– Я уже вошел в твой дом, я уже гость. Ничего больше не нужно.

Она не могла понять. Она сказала:

– Нет, войди, не отказывай мне – никто никогда мне не отказывает. Разве ты не можешь сделать такую небольшую вещь? Стань моим гостем. Поешь со мной, проведи со мной ночь.

– Я принял приглашение, – сказал Иисус. – И помни: те, кто говорит, что принимает тебя, никогда не принимают; а те, кто говорит, что тебя любит, – никто из них тебя не любил. А я тебе говорю: я тебя люблю, и только я могу тебя любить.

Но он не вошел в дом; отдохнув, он ушел. Что он сказал? Он сказал:

– Только я могу тебя любить. Те остальные, которые продолжают говорить, что любят тебя, не могут любить, потому что любовь – это не что-то такое, что ты можешь сделать, – это качество твоего существа.

Любовь случается, когда ты достигаешь кристаллизованной души, существа. С это этого никогда не случается; это хочет быть любимым, потому что ему нужна пища. Ты любишь, чтобы стать нужным человеком. Ты рождаешь детей, и не потому, что любишь детей, но потому, что становишься нужным, чтобы ты мог ходить и говорить: "Посмотрите, сколько я выполняю обязанностей! Я отец, я мать..." Это нужно просто для того, чтобы прославить свое эго. Пока потребность быть нужным не отпадет, ты не можешь быть один. Пойди в Гималаи – ты создаешь там общество. И если эта потребность отпадет, где бы ты ни был, даже живя на рыночной площади, в самом сердце большого города, ты будешь один.

Теперь попытайтесь понять слова Иисуса:

Иисус сказал: Блаженны одинокие..., ибо вы найдете царство; и поскольку вы из него пришли, вы снова в него уйдете.

Вникните в каждое слово. Блаженны одинокие... кто одинок? Тот, чья потребность быть нужным отпала; тот, кто совершенно удовлетворен самим собой таким, как он есть. Тот, кому не нужно, чтобы кто-то ему говорил: "Ты осмыслен". Его смысл внутри него самого; теперь его смысл не приходит от других. Он не клянчит его, он его не просит – его смысл приходит из его собственного существа. Он не нищий, и он может жить сам с собой.

Ты не можешь жить сам с собой. Где бы ты ни был один, тебе становится не по себе; тотчас же ты чувствуешь неудобство, дискомфорт, глубокую тревогу. Что делать? Куда идти? Иди в клуб, иди в церковь или к учителю – но иди куда-то, встретить "другого". Или просто походи в магазин. Для людей, которые богаты, покупки – это только игры, только спорт; они идут за покупками. Если ты беден, тебе не нужно входить в магазин, ты можешь просто ходить по улице и смотреть на витрины. Но иди!

Быть одному очень трудно, очень необычно, незаурядно. Откуда эта жажда? – потому что когда ты один, весь твой смысл начинает исчезать. Пойди и купи что-нибудь в магазине; по крайней мере продавец даст тебе смысл... не

вещь, потому что ты продолжаешь покупать бесполезные вещи. Ты покупаешь только ради покупки. Но продавец или владелец магазина – они смотрят на тебя так, словно ты король. Они ведут себя так, словно зависят от тебя – и ты хорошо знаешь, что это только фасад. Именно так ведут себя владельцы магазинов. Продавца ты совершенно не интересуешь; его улыбка просто нарисованная. Он улыбается каждому; это не что-то особенное для тебя. Но ты никогда не смотришь на эти вещи. Он улыбается и приветствует тебя, он принимает тебя как желанного гостя. Ты чувствуешь себя комфортно, ты кто-то, и есть люди, которые от тебя зависят; этот продавец от тебя зависит. Ты всюду ищешь глаза, которые могут придать тебе определенный смысл. Каждый раз, когда на тебя смотрит женщина, она придает тебе смысл. Сейчас психологи обнаружили, что когда тыходишь в комнату – в зал ожидания в аэропорту, или в холл гостиницы – если женщина посмотрит на тебя дважды, она готова к тому, чтобы ты ее соблазнил. Но если женщина смотрит на тебя один раз, не беспокойся о ней, просто забудь об этом. Они снимали на пленку, наблюдали и установили этот факт, потому что женщина смотрит дважды, только если она хочет, чтобы ею восхищались и на нее смотрели. Мужчина входит в ресторан – женщина может посмотреть один раз, но если он этого недостоин, она не посмотрит еще раз. Охотники за женщинами знают это очень хорошо, они знали это веками! Психологи узнали это только сейчас. Они наблюдают глаза: если женщина смотрит, она заинтересована. Теперь многое возможно, она дала намек; она готова двигаться с тобой и играть в игру любви. Но если она не смотрит на тебя снова, дверь закрыта; лучше постучаться в какую-то другую дверь; эта дверь для тебя закрыта. Каждый раз, когда женщина на тебя смотрит, ты становишься важным, очень осмысленным; в этот момент ты уникален. Именно поэтому любовь дает столько сияния; любовь дает тебе столько жизни и сил.

Но это проблема, потому что одна и та же женщина, смотрящая на тебя каждый день, ничем не поможет. Именно поэтому мужьям надоедают жены, а женам мужья – потому что как ты можешь получать одну и ту же осмысленность из одних и тех же глаз? Ты к этому привыкаешь: она твоя жена, завоевывать нечего. Поэтому возникает необходимость стать Байроном, поэтому возникает необходимость стать Доном Жуаном и двигаться от одной женщины к другой.

Это не сексуальная потребность, помни, это совершенно не связано с сексом – потому что секс идет глубже с одной и той же женщиной, в глубокой близости. Это не секс. Это не любовь, абсолютно не любовь, потому что любовь хочет быть с одним человеком больше и больше, глубже и глубже; любовь движется в глубину. Это не любовь и не секс, это что-то другое: потребность это. Если ты можешь завоевывать новую женщину каждый день, ты чувствуешь себя очень, очень осмысленным, ты чувствуешь себя завоевателем.

Но если ты закончил с одной женщиной, застрял, и никто на тебя не смотрит, никакая другая женщина или мужчина не дает тебе смысла, ты чувствуешь, что все кончено. Именно поэтому жены и мужья выглядят так безжизненно, бесчувственно. Ты можешь посмотреть и издалека определить, жената пара или нет. Если они не женаты, ты почувствуешь разницу; они будут счастливыми, они будут смеяться, разговаривать, наслаждаться друг другом. Если они жены и мужья, тогда они только терпят друг друга.

Наступила пятидесятая годовщина свадьбы Муллы Насреддина, и в этот день он собрался уйти из дома. Его жена была немного раздражена, потому что ожидала, чтобы он сделал что-то особенное, а он просто вел себя как обычно. И она спросила:

– Насреддин, ты что, забыл, какой сегодня день?

– Я знаю, – сказал Насреддин.

Тогда она сказала:

– Так давай же сделаем что-нибудь особенное!

Насреддин подумал и ответил:

– Как насчет минуты молчания?

Когда твоя жизнь застревает, это показывает, что ты, может быть, думал, что это была любовь, но это была не любовь, это была потребность эго – потребность завоевывать, чувствовать себя нужным каждый день новому мужчине, новой женщине, новым людям. Добившись успеха, некоторое время ты чувствуешь себя счастливым, потому что ты не обычный человек. Это страсть политика – чувствовать себя нужным всей стране. Что пытался сделать Гитлер? Быть нужным всему миру!

Но эта потребность не может позволить тебе стать одиноким. Политик не может стать религиозным человеком – они движутся в противоположных направлениях. Именно поэтому Иисус говорит: "Богатому человеку очень трудно войти в Царство Божье. Скорее верблюд пройдет в игольное ушко, чем богатый человек во врата Царства Божьего". Почему? – потому что человек, который накапливал богатства, пытается посредством богатств стать важным. Он хочет быть кем-то, а двери царства закрыты для каждого, кто пытается быть кем-то.

Туда входят лишь те, кто стал никем, лишь те, кто достиг своего ничто, лишь те, чьи лодки пусты; кто понял потребности своих эго как тщетные и невротичные; кто глубоко проник в потребности своих эго и нашел их бесполезными – не только бесполезными, но и вредными. Потребности эго делают тебя сумасшедшим, но никогда не могут удовлетворить тебя.

Кто одинок? Тот, чья потребность быть нужным исчезла, кто не просит никакого смысла у тебя, у твоих глаз, у твоих откликов. Нет! Если ты даешь любовь, он будет благодарен, но если ты ее не даешь, не будет никаких жалоб. Если ты ее не даешь, ему будет так же хорошо, что и всегда. Если ты придешь его навестить, он будет счастлив, но если ты не придешь, он будет настолько же счастлив. Если он движется в толпе, он будет этим наслаждаться, но если он живет в отшельничестве, он будет наслаждаться и этим.

Ты не можешь сделать несчастным одинокого человека, потому что он научился жить с самим собой и быть с собой счастливым. Один он самодостаточен. Именно поэтому люди, которые связаны друг с другом, никогда не хотят, чтобы другой стал религиозным, – если муж начинает двигаться в медитацию, жена чувствует тревогу. Почему? Она может даже не осознавать, что происходит или почему она встревожена. Если жена начинает двигаться в направлении религиозности, тревогу чувствует муж. Почему? В сознательное входит бессознательный страх. Страх этот в том, что она или он попытаются стать самодостаточными; вот в чем страх. Поэтому если жене дать выбор: "Что бы ты предпочла, чтобы твой муж стал медитирующим или пьяницей?", она выберет, чтобы он стал пьяницей, но не медитирующим. Если мужу дать выбор: "Что бы ты предпочел, чтобы твоя жена стала санньясинкой или двигалась по плохим дорогам и сбивалась с пути?", муж выберет последнее.

Санньясин – значит тот, кто достаточен сам по себе, кому никто не нужен, кто ни в каком смысле не зависим. И это вызывает страх – тогда ты становишься бесполезным. Все ваше существование основывалось на его потребности, на том, чтобы он в тебе нуждался. Без тебя он был ничем, без тебя его жизнь была тщетной, пустынной; только с тобой он цвел. Но если ты узнаешь, что он может цвести в своем одиночестве, это будет беспокойством, потому что твое эго будет ранено.

Кто одинок? Иисус говорит, блаженны одинокие... Люди, которые могут жить с собой так же легко, как если бы с ними был весь мир, которые могут наслаждаться собой, точно как маленькие дети.

Очень маленькие дети могут наслаждаться собой. Фрейд нашел для них специфическое определение: полиморфизм. Маленький ребенок наслаждается собой, он играет с собственным телом, он аутоэротичен, он сосет собственный палец. Если ему нужен кто-то другой, это только потребность тела. Ты даешь ему молоко, ты его переворачиваешь, меняешь его одежду – физические потребности. У него еще на самом деле нет психологических потребностей. Он не беспокоится о том, что думают о нем люди, считают ли они его красивым. Именно поэтому каждый ребенок красив – потому что он не заботится о ваших мнениях.

Ни один ребенок никогда не рождался уродливым, и все дети мало-помалу становятся уродливыми. Очень трудно найти красивого старика – редко. Очень трудно найти уродливого ребенка – редко. Все дети красивы, все старики становятся уродливыми. В чем же дело? Если все дети рождаются красивыми, они должны и умирать красивыми! Но жизнь с ними что-то делает... Все дети самодостаточны – в этом их красота; они существуют как свет для самих себя. Все старики бесполезны, они осознают, что никому не нужны. И чем старше они становятся, тем более приходит чувство, что они не нужны. Люди, которым они были нужны, исчезли; дети выросли, они живут со своими собственными семьями. Жена умерла или муж умер. Теперь мир в них не нуждается; никто к ним не приходит, никто их не уважает. Даже если они пойдут погулять, никто их не узнает. Может быть, они были великими директорами, начальниками в конторах, президентами банков, но теперь никто их не узнает. Никто по ним даже не скучает. Ненужные, они чувствуют себя тщетными; они просто ждут смерти. И никто не будет о них заботиться... даже если они умрут, это не будет никого заботить. Даже смерть становится уродливой вещью.

Даже если ты можешь подумать, что когда ты умрешь, о тебе будут плакать миллионы людей, ты почувствуешь себя счастливым – тысячи и тысячи придут, чтобы воздать тебе почести, когда ты умрешь.

Однажды это случилось: один человек в Америке это устроил – и он был единственным человеком в истории мира, который это сделал. Он захотел узнать, сколько людей отреагирует, когда он умрет. И прежде чем он умер, когда врачи сказали, что через двенадцать часов он умрет, он объявил о своей смерти. А он был человеком, которому принадлежало множество цирков, выставок, рекламных агентств, поэтому он знал, как создать рекламу этому факту. Утром его агент объявил прессе, по радио, по телевизору, что он умер. И были написаны статьи, редакторские колонки, зазвонили телефоны, и поднялся большой шум. А он читал все это и наслаждался!

Люди всегда становятся хорошими, когда умирают; ты тотчас же становишься ангелом, потому что никто не думает, что стоит говорить о тебе что-либо плохое, если ты уже умер. Пока ты был жив, никто не говорил о тебе ничего хорошего. Помни, когда ты умрешь, все будут счастливы – по крайней мере ты сделал одну хорошую вещь: умер!

Каждый так или иначе воздавал этому человеку почести, и в газетах появились фотографии – он этим наслаждался до предела. И тогда он умер, совершенно уверенный в том, что все прекрасно.

Другие нужны тебе не только в жизни – даже в смерти... Подумай о своей смерти: только два или три человека, твои слуги и собака следуют за тобой, чтобы сказать последнее "прости"... Никого больше нет, никаких газетчиков, никаких фотографов, ничего – нет даже твоих друзей. И все счастливы, потому что этого бремени больше нет. Просто думай об этом, и тебе станет грустно. Даже в смерти остается потребность быть нужным. Что это за жизнь? Важны только мнения других, не ты сам? Твое существование ничего не значит?

Когда Иисус говорит, блаженны одинокие, он имеет в виду это: человек, который может оставаться абсолютно счастливым с самим собой, который может быть один на этой земле, и у него не изменится настроение, не изменится климат. Если весь мир исчезнет в третьей мировой войне – это может случиться в любой момент – и ты остаешься один, что ты будешь делать? Что ты сделаешь, кроме того, чтобы немедленно покончить с собой? Но одинокий человек может сидеть под деревом и стать буддой без всякого мира. Одинокий будет счастливым, и он будет петь и танцевать, и он будет двигаться – его настроение не изменится. Нельзя изменить настроение одинокого, изменить его внутренний климат.

Иисус говорит, блаженны одинокие и избранные... И это избранные люди, потому что те, кому нужна толпа, будут снова и снова выброшены в толпу – это их потребность, это их требование, это их желание. Существование исполняет все, что ты просишь, и кем бы ты ни был, это только осуществление твоих прошлых желаний. Не обвиняй никого другого – это то,

о чем ты молился. И помни это, это одна из самых опасных вещей в мире – все, чего ты желаешь, исполнится.

Подумай, прежде чем чего-то желать. Очень возможно, что это желание исполнится, и тогда ты будешь страдать. Именно это происходит с богатым человеком. Он был беден, потом пожелал богатства, и он желал и желал, и теперь это желание удовлетворено. Теперь он несчастен, теперь он плачет, рыдает и говорит: "Всю жизнь я продолжал накапливать эти бесполезные вещи, и я несчастен!" Но это было его желанием. Если ты желаешь знания, это желание будет удовлетворено. Твоя голова может стать огромной библиотекой, полной священных писаний. Но тогда в конце концов ты будешь плакать и кричать: "Только слова, слова и слова, ничего существенного. И я потратил впустую всю свою жизнь".

Желай с полной осознанностью, потому что каждое желание обязательно будет исполнено в то или иное время. Может потребоваться немного времени, потому что ты всегда стоишь в очереди; многие другие пожелали этого раньше тебя, поэтому может потребоваться некоторое время. Иногда твое желание этой жизни может исполниться в другой, но желания всегда исполняются; это один из самых опасных законов. Потому, прежде чем желать, подумай! Прежде чем требовать, подумай! Хорошо помни, что однажды это желание исполнится – и тогда ты будешь страдать.

Одиноким становится избранным; он избран, он избранник существования. Почему? – потому что одинокий никогда не желает ничего от этого мира. Ему ничего не нужно. Он научился всему, чему можно было научиться в этом мире; его школа закончена, он ее прошел и трансцендировал. Он стал похожим на высокую вершину, которая остается одна в небе, – он стал избранным, Гуришанкар, Эверестом. Будда, Иисус – это высокие вершины, одинокие вершины. В этом их красота; они существуют одни. Одинокий – избранник. Что выбрал одинокий? Он выбрал лишь собственное существо. А когда ты выбираешь собственное существо, ты выбираешь существо всей вселенной, потому что твое существо и вселенское существо – не две разные вещи. Выбрав себя, ты выбрал Бога, а когда ты выбираешь Бога, Бог выбирает тебя – ты становишься избранным.

Блаженны одинокие и избранные, ибо вы найдете царство; и поскольку вы из него пришли, вы снова в него увидите.

Одинокий, санньясин... – именно это означает санньясин: одинокое существо, путешественник, абсолютно счастливый в своем одиночестве. Если кто-то идет рядом с ним, хорошо. Если кто-то покидает его, хорошо. Он никогда никого не ждет и никогда не оглядывается назад. Одинокий, он цел. Эта бытийность, эта целостность делают тебя кругом. Начало и конец встречаются, альфа и омега встречаются.

Одинокий не похож на линию. Ты похож на линию – твои начало и конец никогда не встречаются. Одинокий похож на круг, его начало и конец встречаются. Именно поэтому Иисус говорит... Поскольку вы из него пришли, вы снова в него увидите – ты стал одним целым со своим источником, ты стал кругом.

Вот другое высказывание Иисуса: "Когда начало и конец стали одним целым, ты стал Богом". Может быть, вы видели изображение – это одна из древнейших печатей одного из тайных обществ Египта – змея, которая ест собственный хвост. Именно это и есть смысл начала и конца, именно это означает рождение заново, именно это означает "снова стать, как дети": двигаться по кругу, обратно к источнику; достичь места, из которого ты пришел.

Лев и Овцы

Одиночество – это предельная реальность. Человек приходит один, уходит один; и между этими двумя одиночествами мы создаем все возможные отношения и борьбу, просто чтобы обмануть самих себя – потому что и в жизни мы остаемся одни. Но одиночество – это не то, о чем нужно грустить; это то, чему нужно радоваться. Есть два выражения – словарь скажет, что у них одинаковый смысл, но существование придает им совершенно

противоположные значения. Одно выражение: чувствовать, что тебе одиноко, и другое – быть одному. Они не синонимичны.

Чувствовать, что тебе одиноко, – это негативное состояние, похожее на темноту. Это означает, что тебе кого-то не хватает; ты пустой, и ты боишься этой безграничной вселенной. Смысл того, чтобы быть одному, совершенно другой: это не значит, что тебе кого-то не хватает, это значит, что ты нашел самого себя. Это абсолютно позитивно.

Найдя себя, человек находит смысл жизни, важность жизни, радость жизни, великолепие жизни. Найти себя – величайшая находка в жизни человека, и эта находка возможна, только если ты один. Когда твое сознание ничем и никем не заполнено, когда твое сознание совершенно пусто – в этой пустоте, в этом ничто случается чудо. И это чудо – основание всей религиозности.

Это чудо состоит в том, что когда твоему сознанию нечего больше осознавать, сознание обращается само на себя. Оно становится кругом. Не находя никаких препятствий, не находя никакого объекта, оно возвращается обратно к источнику. И в то мгновение, как круг завершается, ты больше не обычное человеческое существо; ты стал частью божественности, которая окружает существование. Ты больше не ты сам; ты стал частью всей вселенной – твое сердцебиение стало теперь сердцебиением самой вселенной. Это опыт, которого многие века искали все мистики. Нет другого опыта, который был более экстатичным, более блаженным. Этот опыт трансформирует весь твой взгляд на вещи: там, где была темнота, теперь свет; там, где было страдание, теперь блаженство; там, где был гнев, ненависть, собственничество, ревность, теперь прекрасный цветок любви. Вся энергия, которая тратилась впустую на негативные эмоции, больше не тратится впустую; она принимает позитивный и творческий оборот.

С одной стороны, ты – больше не твое старое "я"; с другой, впервые, ты – твое подлинное "я". Старое ушло, и теперь появилось новое. Старое было мертвым; новое принадлежит вечному, новое принадлежит бессмертному. Именно из-за этого опыта пророки Упанишад объявили людей амритасья путра – "сынами и дочерьми бессмертия".

До тех пор пока ты не узнаешь самого себя как бессмертное существо, часть целого, ты будешь оставаться в страхе смерти. Страх смерти есть просто потому, что ты не осознаешь вечного источника жизни. Как только ты осознаешь вечность своего существа, смерть становится величайшей в существовании ложью. Смерть никогда не случалась, никогда не случается, никогда не случится, потому что то, что есть, остается всегда – в разных формах, на разных уровнях, но нет никакого перерыва в продолжительности. Вечность в прошлом и вечность в будущем – принадлежат тебе. И настоящее становится точкой встречи двух вечностей: одной, направленной в прошлое, и другой, направленной в будущее.

Память об одиночестве должна быть не только в уме; каждый фибр твоего существа, каждая клетка твоего тела должна его помнить – не как слово, но как глубокое чувство. Забыть самого себя – грех, единственный из всех возможных, а помнить себя – единственная добродетель.

Гаутама Будда подчеркивал одно-единственное слово, постоянно, сорок два года, утром и вечером; это слово саммасати – оно значит "правильное воспоминание". Ты помнишь многие вещи – ты можешь стать Британской Энциклопедией; твой ум способен запомнить все библиотеки в мире – но это неправильное воспоминание. Есть лишь одно правильное воспоминание – в то мгновение, когда ты вспоминаешь себя.

Гаутама Будда иллюстрировал это древней историей о львице, которая прыгала с одного холма на другой, и между двумя холмами проходило стадо овец. Львица была беременна и родила в прыжке. Ее львенок упал в стадо, и стадо вырастило его, и естественно, он стал считать себя овцой. Немного странно было, что он был такой большой, такой ни на кого не похожий – но, может быть, он был уродом природы. Его воспитали вегетарианцем.

Он вырос, и однажды старый лев в поисках пищи приблизился к овечьему стаду – и не мог поверить своим глазам. Среди овец он увидел молодого льва во всем великолепии, и овцы его не боялись. Он забыл о еде; он

погнался за стадом овец... и это было более и более странно, потому что молодой лев тоже побежал вместе со стадом. В конце концов он поймал молодого льва. Тот плакал и рыдал, и говорил ему:

- Пожалуйста, позволь мне вернуться к моим сородичам!

Но старый лев подтащил его к ближайшему озеру - тихому озеру, без всякой ряби, которое было точно как чистое зеркало - и заставил его увидеть свое отражение в озере и рядом отражение старого льва. Это было внезапной трансформацией. В то мгновение, как молодой лев увидел, кто он такой, он издал великий рык - вся долина эхом отразила рык молодого льва. Он никогда раньше не рычал, потому что всегда считал себя овцой и никогда в этом не сомневался. Старый лев сказал:

- Моя работа сделана; теперь все зависит от тебя.

Хочешь ли ты вернуться обратно в стадо?

Молодой лев рассмеялся. Он сказал:

- Прости меня, я совершенно забыл, кто я такой. И я безмерно тебе благодарен за то, что ты помог мне вспомнить.

Гаутама Будда обычно говорил:

- Функция мастера в том, чтобы помочь тебе вспомнить, кто ты такой.

Ты - не часть обыденного мира; твой дом - дом божественного. Ты потерялся в забвении; ты забыл, что внутри тебя скрыт Бог. Ты никогда не смотришь вовнутрь - потому что каждый смотрит наружу, и ты тоже смотришь наружу. Быть одному - это великая возможность, благословение, потому что в своем одиночестве ты обязательно наткнешься на самого себя и впервые вспомнишь, кто ты такой. Знать, что ты часть божественного существования, значит быть свободным от смерти, свободным от страдания, свободным от тревоги; свободным от всего, что многие жизни было для тебя кошмаром.

Стань более центрированным в своем глубоком одиночестве. Именно это и есть медитация: стать центрированным в своем одиночестве. Одиночество должно быть таким чистым, чтобы его не беспокоила даже никакая мысль, никакое чувство. В то мгновение как твое одиночество завершено, твой опыт его будет опытом просветления. Просветление - не что-то, что приходит снаружи; это что-то, что растет у тебя внутри.

Забыть самого себя - единственный грех. А помнить самого себя, в полной своей красоте - единственная добродетель, единственная религия. Тебе не нужно быть индуистом, не нужно быть мусульманином, не нужно быть христианином - все, что тебе нужно, это быть религиозным в самом себе. И фактически мы не отделены, даже сейчас - никто не отделен; все существование - это органическое единство. Идея отделенности вызвана нашим забвением. Это так, словно каждый лист дерева начал считать себя отдельным, отдельным от остальных листьев... но глубоко внутри их питают одни и те же корни. Это одно дерево; листьев может быть много. Это одно существование; проявлений может быть много.

Когда ты знаешь себя, одно становится абсолютно ясным: ни один человек не остров - мы континент, безграничный континент, бесконечное существование без всяких границ. Одна и та же жизнь течет по всему, одна и та же любовь наполняет каждое сердце, одна и та же радость танцует в каждом существе. Только благодаря своему непониманию мы считаем себя отдельными.

Идея отделенности - только наша иллюзия. Идея единства будет нашим опытом предельной истины. Нужно лишь немного больше разума, и ты сможешь выйти из темноты, страдания, ада, в котором живет все человечество. Секрет того, как из него выйти, - помнить себя. И это воспоминание будет возможным, если ты поймешь идею, что ты один.

Ты можешь прожить со своей женой - или мужем - сорок лет; все же вас двое. Твоя жена одна, ты один. Ты пытался создать фасад: "Мы не одни", "Мы семья", "Мы общество", "Мы цивилизация", "Мы культура", "Мы организованная религия", "Мы организованная политическая партия". Но все эти иллюзии не помогут.

Ты должен признать, каким бы болезненным это ни казалось бы поначалу, что: "Я один в незнакомой стране". Это признание - впервые - болезненно. Оно отнимает все наши иллюзии - которые были нашим великим утешением. Но

как только ты осмеливаешься принять реальность, боль исчезает. И за этой болью скрыто величайшее благословение мира: ты знаешь самого себя. Ты – разум существования; ты сознание существования; ты душа существования. Ты часть этой бесконечной божественности, которая проявляется в тысячах форм: в деревьях, в птицах, в животных, в человеческих существах... но это одно и то же сознание в разных стадиях эволюции. И человек, который узнает себя, чувствует, что бог, которого он искал во всему миру, обитает в его собственном сердце, приходит к высочайшей точке эволюции. Нет ничего выше этого.

Это впервые делает твою жизнь осмысленной, значительной, религиозной. Но ты не будешь индуистом, не будешь христианином, не будешь евреем; ты будешь просто религиозным. Оставаясь индуистом, мусульманином или христианином, джайном или буддистом, ты разрушаешь саму красоту религиозности – она не нуждается в прилагательных.

Любовь есть любовь – слышал ли ты когда-нибудь об индуистской любви? Мусульманской любви? Сознание есть сознание – думал ли ты когда-нибудь об индийском сознании или китайском сознании? Просветление есть просветление: случается ли оно в белом или черном теле, случается ли оно с молодым или старым человеком, случается ли оно с мужчиной или женщиной, это не имеет никакого значения. Это один и тот же опыт, один и тот же вкус, одна и та же сладость, один и тот же аромат.

Единственный человек, который неразумен, это человек, который бегаёт по всему миру в поисках сам не зная чего. Иногда он думает, что, может быть, это деньги, иногда он думает, что, может быть, это власть, иногда он думает, что, может быть, это престиж, иногда он думает, что, может быть, это респектабельность.

Разумный человек исследует свое собственное существо, прежде чем начать путешествие во внешнем мире. Это кажется таким простым и логичным – по крайней мере сначала походи в своем собственном доме, прежде чем искать во всем мире. И те, кто посмотрел вовнутрь себя, все без исключения, нашли это.

Гаутама Будда не буддист. Слово будда просто означает "пробужденного", того, кто вышел из сна. Махавира, Джайн – не джайн. Слово джайн просто значит "тот, кто завоевал" – завоевал себя. Миру нужна великая революция, в которой каждая индивидуальность находит свою религию внутри себя. В то мгновение, когда религии становятся организованными, они становятся опасными; они становятся, по существу, политической под фальшивым лицом религии. Именно поэтому все религии мира пытаются обратить больше и больше людей в свою религию. Это политика чисел; у кого больше численность, у того больше власти. Но никто, кажется, не заинтересован в том, чтобы привести миллионы индивидуальностей к их собственным "я". Моя работа здесь состоит в том, чтобы вывести вас из любого рода организованного усилия – потому что истина никогда не может быть организованной. Ты должен отправиться в паломничество один, потому что паломничество будет внутренним. Ты не можешь взять с собой никого. И ты должен отбросить все, чему научился у других, потому что все эти предрассудки исказят твоё видение – ты не сможешь увидеть обнажённую реальность своего существа. Обнажённая реальность твоего существа – единственная надежда найти Бога.

Бог – это твоя обнажённая реальность, ничем не украшенная, без всякого прилагательного. Она не ограничена твоим телом, не ограничена твоим рождением, не ограничена твоим цветом, не ограничена твоим полом, не ограничена твоей страной. Она просто не ограничена ничем. И она доступна, так близка:

Только один шаг вовнутрь, и ты прибыл.

Тысячи лет тебе говорили, что путешествие к Богу очень долго. Путешествие недолго, Бог недалеко. Бог – это твоё дыхание, Бог – это твоё сердцебиение, Бог – это твоё сердце, твои кости, мозг твоих костей – всего один шаг: закрыть глаза и войти вовнутрь самого себя.

На это может потребоваться время, потому что старые привычки умирают с трудом: даже если ты закроешь глаза, в тебе будут продолжать толпиться

мысли. Эти мысли приходят снаружи, и простой метод, которому следовали все великие мудрецы мира, заключается в том, чтобы наблюдать свои мысли, – просто быть свидетелем. Не осуждай их, не суди их, не рационализируй их. Оставайся отстраненным, оставайся безразличным, позволь им пройти – и они уйдут.

И в тот день, когда твой ум абсолютно молчалив, без всякого беспокойства, ты совершил первый шаг, который приведет тебя в храм Бога.

Храм Бога сделан из твоего сознания. Ты не можешь туда войти со своими друзьями, с детьми, с женой, с родителями.

Каждый должен войти в него один.

ВОПРОСЫ

Никогда не принадлежала, никогда не была "внутри", никогда не чувствовала "единения" с другим.

Почему всю жизнь такая "одиночка"?

Жизнь – это тайна, но ты можешь низвести ее до проблемы. И как только ты делаешь жизнь проблемой, ты оказываешься в затруднении, потому что не может быть никакого решения. Тайна остается тайной; она неразрешима – именно поэтому она называется тайной.

Жизнь – это не проблема. И это одна из основных ошибок, которые мы продолжаем совершать: мы немедленно ставим вопросительный знак. А если ты ставишь вопросительный знак перед тайной, ты будешь искать ответа всю жизнь и не сможешь его найти, и естественно, это принесет великое разочарование.

Мое наблюдение относительно задавшей этот вопрос: она прирожденный медитирующий. Вместо того чтобы делать из этого проблему, радуйся! Ни к чему не принадлежать – один из величайших опытов жизни. Быть совершенно посторонним, никогда и нигде не чувствовать себя частью – это великий опыт трансценденции.

Американский турист пришел увидаться с суфийским мастером. Много лет он слышал о нем, глубоко влюбился в его слова, в его послание. В конце концов он решил пойти и встретиться с ним. Когда он вошел в комнату, он был удивлен – комната была абсолютно пуста! Там сидел Мастер; не было совершенно никакой мебели! Американец не мог себе вообразить жилого помещения без всякой мебели. Он тотчас же спросил:

– Где твоя мебель, господин?

И старый суфий рассмеялся и сказал:

– А где твоя?

Американец сказал:

– Конечно, я здесь турист. Я не могу привезти с собой мебель!

И старик ответил:

– Точно так же и я турист, приехавший на несколько дней, и потом меня не станет, точно как не станет тебя.

Этот мир – только паломничество, огромной важности паломничество, но не место, к которому можно принадлежать, не место, в котором можно стать частью. Оставайся лотосовым листом*.

* То есть листом, который растет в воде, но не намокает.

Это одно из бедствий, случившихся с человеческим умом: мы делаем из всего проблему. Это должно приносить тебе огромную радость. Не называй себя "одиночкой". Ты используешь неправильное слово, потому что само слово подразумевает какое-то осуждение. Ты одна, и в слове "одна" есть огромная красота. Тебе даже не одиноко. Чувство, что "тебе одиноко", означает, что ты нуждаешься в другом; "быть одной" означает, что ты совершенно укоренена в самой себе, центрирована в самой себе. Тебя достаточно самой по себе.

Ты еще не приняла этот подарок существования, поэтому ты страдаешь напрасно. И вот мое наблюдение: миллионы людей продолжают страдать напрасно.

Посмотри на это под другим углом. Я не даю тебе ответа, я никогда не даю ответов. Я просто даю новые углы зрения, новые точки зрения. Думай о себе как о природном медитаторе, который способен быть один, который достаточно силен, чтобы быть один, который так центрирован и укоренен, что другой совершенно не нужен. Да, ты можешь быть с другим, но это никогда не становится отношениями. Быть с другим - хорошо. Двое людей, каждый из которых один, могут быть вместе, двое людей, каждый из которых один, не могут быть в отношениях.

Отношения - это потребность тех, кто не может быть один. Двое людей, которым одиноко, падают в отношения. Двое одиноких людей могут быть вместе, общаться, соучаствовать друг в друге и все же остаются одни. Их одиночество остается незагрязненным; их одиночество остается девственным, чистым. Они как вершины, Гималайские вершины, высоко в небе над облаками. Никакие две вершины не встречаются, и все же есть своего рода сопричастность - благодаря ветру, дождю, рекам, солнцу и звездам. Да, есть сопричастность; продолжается великий диалог. Они шепчут друг другу, но их одиночество остается абсолютным, они никогда не идут на компромисс. Будь как одинокая вершина в небе. Почему ты должна жаждать принадлежности? Ты не вещь! "Принадлежат" вещи!

Ты говоришь: "Никогда не принадлежала, никогда не была "внутри"". Нет необходимости! Быть "внутри" в этом мире значит потеряться. Мирское остается снаружи; Будда обязательно останется посторонним. Все Будды посторонние. Даже если они в толпе, они одни. Даже если они на рыночной площади, они не там. Даже если они общаются, они остаются отдельными. Есть своего рода тонкая дистанция, которая сохраняется всегда.

И эта дистанция - свобода, эта дистанция - великая радость, эта дистанция - твое собственное пространство. Почему ты называешь себя одиночкой? Наверное, ты сравниваешь себя с другими: "У них столько отношений, у них любовные романы. Они принадлежат друг другу, они внутри - а я одиночка. Почему?" Наверное, ты напрасно создаешь боль.

Вот мой подход: что бы ни дало тебе существование, наверное, это тонкая потребность твоей души, иначе, прежде всего, это не было бы тебе дано. Думай больше об одиночестве. Праздник одиночества, праздничное чистое пространство, и великая песня возникнет в твоём сердце. И это будет песня осознанности, это будет песня медитации. Это будет песня одинокой птицы, поющей на расстоянии, - ни для кого в частности, но просто поющей, потому что её сердце полно, и она хочет петь, потому что облако полно, и оно хочет пролиться, потому что цветок полон, и его лепестки хотят раскрыться и испустить аромат... никому не адресованный. Пусть твое одиночество станет танцем.

Я очень доволен тобой. Если ты перестанешь создавать для себя проблемы... Я не вижу никаких настоящих проблем. Единственная проблема в том, что люди продолжают создавать проблемы! Проблемы никогда не решаются, они только растворяются. Я даю тебе угол зрения, видение. Раствори свою проблему! Прими её как подарок Бога, с глубокой благодарностью, и проживи её. И ты будешь удивлена: какой драгоценный подарок, а ты так его и не оценила. Какой драгоценный подарок, и вот он лежит у твоего сердца, неоцененный.

Танцуй свое одиночество, пой свое одиночество, живи свое одиночество! И я не говорю, не люби. Фактически только человек, который способен быть один, способен любить. Люди, которым одиноко, не способны любить. Им нужно так много, что они цепляются, - как они могут любить? Люди, которым одиноко, не могут любить, они могут только эксплуатировать. Люди, которым одиноко, притворяются, что любят; глубоко внутри они хотят получить любовь. Они не хотят давать, им нечего дать. Только человек, который умеет быть один и оставаться радостным, так полон любви, что может её поделить. Он может поделиться ею и с незнакомыми людьми.

И все незнакомы, помни. Твой муж, твоя жена, твои дети - все они незнакомы. Никогда не забывай этого! Ты не знаешь своего мужа, ты не знаешь свою жену. Ты не знаешь даже своего ребенка; ребенок, которого ты вынашивала в своем чреве девять месяцев, остается незнакомцем.

Вся эта жизнь – незнакомая страна; мы приходим из неизвестного источника. Внезапно мы здесь, и однажды внезапно нас больше нет, мы снова вернулись в изначальный источник. Это лишь путешествие длиной в несколько дней; сделай его как можно более радостным. Но мы продолжаем делать прямо противоположное – мы делаем его как можно более несчастным. Мы вкладываем все энергии в то, чтобы делать его более и более несчастным.

Почему моя грусть кажется более реальной, чем мое счастье? Я так хочу быть настоящим и подлинным, не носить никаких масок, но кажется, это означает столько отвержения со стороны других. Возможно ли быть одному?

Это важно понять. Это так с большинством людей. Твоя грусть, безусловно, более реальна, потому что она твоя, она подлинна. Твое счастье мелко; оно не твое, оно зависит от чего-то, от кого-то. А все, что делает тебя зависимым, каким бы счастливым ты себя ни почувствовал на несколько мгновений, вскоре медовый месяц кончится – скорее, чем ты ожидаешь. Ты счастлив благодаря своей подруге, своему другу. Но они – индивидуальные существа; они могут не согласиться с тобой во всем. Фактически чаще всего бывает так, что то, что нравится мужу, не нравится жене; все, что нравится жене, не нравится мужу. Странно... потому что это почти вселенское явление. В этом есть какая-то причина. Глубоко внутри они ненавидят друг друга, по той простой причине, что зависят друг от друга в том, чтобы получать счастье, а никому не нравится зависимость. Рабство не входит в число желаний, свойственных человеческим существам. Если женщина или мужчина дает тебе радость, и ты становишься зависимым, ты в то же самое время создаешь и огромную ненависть – из-за этой зависимости. Ты не можешь оставить эту женщину, потому что она делает тебя счастливым, и не можешь оставить свою ненависть к этой женщине, потому что она делает тебя зависимым.

Поэтому все так называемые отношения – очень странные, сложные явления. Это отношения любви-ненависти. Ненависти нужно так или иначе выразиться. Именно поэтому то, что нравится твоей жене, не нравится тебе; то, что нравится твоему мужу, не нравится тебе. Жены и мужья ссорятся о каждой мелочи. На какой фильм пойти? – и тут же начинается ссора. Это ненависть, движущаяся под фасадом счастья. Счастье остается неглубоким, очень тонким; лишь поцарапай его немного, и ты найдешь его противоположность. Но грусть более подлинна, потому что она ни от кого не зависит. Она твоя, абсолютно твоя – это должно дать тебе глубокое прозрение: твоя грусть может помочь тебе больше, чем твое счастье. Ты никогда внимательно не смотрел на грусть. Ты всеми способами пытаешься избежать на нее смотреть. Если тебе грустно, ты идешь в кино; если тебе грустно, ты начинаешь смотреть телевизор. Если тебе грустно, ты идешь и играешь с друзьями, ты идешь в клуб. Ты начинаешь делать что-то, чтобы не нужно было видеть грусть. Это неправильный подход.

Когда тебе грустно, это важное явление, очень священное, нечто твое собственное. Познакомься с этим, иди в это глубже, и ты будешь удивлен. Сиди в молчании и будь грустным. В грусти есть свои красоты.

Грусть молчалива, она твоя. Она приходит, потому что ты один. Она дает тебе шанс идти глубже в свое одиночество. Вместо того чтобы перепрыгивать от одного неглубокого счастья в другое и тратить свою жизнь впустую, лучше использовать грусть как средство медитации. Свидетельствуй ее. Это друг! Она открывает дверь в твое вечное одиночество.

Нет способа не быть одному. Ты можешь дурачить себя, но не можешь добиться успеха. И мы дурачим себя каждым возможным способом – в отношениях, в амбициях, в том, чтобы стать знаменитыми, в том или другом. Мы пытаемся убедить себя, что мы не одни, что нам не грустно. Но рано или поздно твоя маска изнашивается – она фальшива, она не может оставаться навсегда – тогда тебе приходится надеть другую маску. В одной маленькой жизни, сколько масок ты носишь? И сколько уже растаяло, изменилось? Но ты продолжаешь следовать старой привычке.

Если ты хочешь быть подлинной индивидуальностью, используй грусть; не беги от нее. Это великое благословение. Сиди в молчании вместе с ней, радуйся ей. Нет ничего плохого в том, чтобы быть грустным. И чем более ты знакомишься с нею и ее тонкими нюансами... ты будешь удивлен – это великое расслабление, великий покой, и ты выходишь из него обновленным, освеженным, более молодым, живым. И однажды испытав этот вкус, ты будешь искать снова и снова этих красивых мгновений грусти. Ты будешь их ждать, ты будешь их приветствовать, и они будут открывать в твоём одиночестве новые двери...

Ты родился один, один ты умрешь. Между двумя этими одиночествами ты можешь обманывать себя тем, что не один, что у тебя есть жена, муж, дети, деньги, власть. Но между этими двумя одиночествами ты один. Все нужно лишь для того, чтобы удерживать себя занятым тем или другим, чтобы ты этого не осознавал.

С самого детства я никогда не связывал себя с людьми. Вся моя семья была очень обеспокоена: я не играл с другими детьми, никогда с ними не играл. Мои учителя были обеспокоены: "Что ты делаешь, когда другие дети играют? Ты сидишь под деревом один". Они думали, что со мной что-то не в порядке. И я им сказал: "Вам не о чем беспокоиться. Реальность в том, что что-то неправильно с вами, с вашими детьми. А я совершенно счастлив один". Мало-помалу они приняли, что я такой как есть; ничего сделать с этим нельзя. Они пытались всеми возможными способами помочь мне смешаться с другими детьми моего возраста. Но я так наслаждался, оставаясь один, что казалось почти невротичным играть в футбол.

И я сказал учителю:

– Я не вижу в этом никакого смысла. Зачем напрасно бить по мячу и носиться туда-сюда? Нет никакого смысла. И даже если ты забьешь гол, ну и что? Чего ты этим добьешься? И если все эти люди так любят забивать голы, вместо того чтобы бороться за один мяч, возьмите восемнадцать мячей. Дайте каждому по мячу, и пусть забивает сколько хочет голов, и никто ему не мешает. Пусть забивает голы до полного удовлетворения! Так, как есть, это слишком трудно – зачем понапрасну делать это трудным?

И мой учитель сказал:

– Ты совершенно не понимаешь, что это не будет игрой, если детям дать восемнадцать мячей, и каждый будет забивать голы сколько захочет. Это не поможет.

– Я не понимаю, – сказал я, – каким образом, создавая препятствия и мешая людям... Они падают, ломают руки и ноги, и происходит всевозможная бессмыслица. И мало того: когда идут футбольные матчи, тысячи людей собираются, чтобы их увидеть. Кажется, эти люди не знают, что жизнь так коротка – а они смотрят футбольный матч! Они так взволнованы, прыгают, кричат – для меня это выглядит абсолютно невротичным. Я буду лучше сидеть под деревом.

У меня было свое дерево, очень красивое дерево, за зданием моей школы. Оно стало известно как мое дерево, и никто туда не ходил. Я сидел там каждый раз, когда было время играть, или во время любой невротичной деятельности – "факультативной" деятельности. И я так много нашел под этим деревом, что каждый раз, когда я возвращался в свой город, я никогда не ходил к директору школы – его кабинет был рядом с этим деревом, прямо за деревом – но подходил к дереву и благодарил его, чтобы выразить признательность. Директор выходил и говорил:

– Странно. Ты приезжаешь в город – но никогда не приходишь ко мне, никогда не приходишь в школу, но всегдаходишь к этому дереву.

Я сказал:

– Я пережил гораздо большее под этим деревом, чем под вашим руководством и под руководством всех ваших сумасшедших учителей. Они мне ничего не дали – фактически от всего, что они мне дали, мне пришлось избавиться. Но то, что дало мне это дерево, все еще со мной.

И вы удивитесь – это случилось дважды, и это не может быть простым совпадением... В 1970 году я перестал приезжать в этот город, потому что дал обещание своей бабушке: "Я буду приезжать, только пока ты жива. Когда

тебя не станет, мне нечего будет здесь делать". Мне сообщили, что когда я перестал приезжать в город, дерево умерло. Я думал, что, наверное, это было совпадением, только совпадением; это не могло быть никак связано со мной. Но это случилось во второй раз...

Когда я стал профессором в университете, там был ряд прекрасных деревьев. Я парковал машину под одним деревом. И это всегда было моей привилегией – не знаю, почему – в профессорской комнате никто никогда не садился на тот стул, на котором обычно сидел я, никто не садился даже рядом с моим стулом. Меня считали немного опасным.

Человек, у которого нет друзей, человек, у которого странные мысли, человек, который против всех религий, против всех традиций, человек, который без малейших проблем может противостоять таким людям, как Махатма Ганди, которому поклоняется вся страна... – они думали: "Лучше держаться подальше от этого человека. Он может вложить нам в ум какие-то идеи, и можно оказаться в затруднении".

Я парковал свою машину под одним деревом. Никто больше не парковал машины в этом месте; даже если я не приезжал, это место оставалось пустым. Все остальные деревья умерли, только мое дерево – оно стало известным как "мое дерево" – осталось великолепным.

После моей отставки из университета, спустя год, проректор мне сказал: – Странно: это дерево умерло. С тех пор как ты перестал приезжать в университет, что-то случилось.

Я так понимаю, что есть некая синхронность. Если ты в молчании сидишь под деревом... дерево молчаливо, ты молчалив... и два молчания не могут оставаться отдельными, нет способа их разделить.

Все вы сидите здесь. Если вы все думаете мысли, вы отдельны. Но если все вы в молчании, тогда внезапно есть что-то, подобное коллективной душе. Может быть, этим двум деревьям не хватало меня. Никто больше не приближался к ним, никто, с кем они могли бы общаться. Они умерли, потому что не могли получить ни от кого никакого тепла. Я испытывал огромную любовь и уважение к этим деревьям.

Каждый раз, когда тебе грустно, сядь под деревом, у реки, у скалы, и просто расслабься в своей грусти, без всякого страха. Чем более ты расслабишься, тем более познакомишься с красотами грусти. Тогда грусть начнет менять форму; она станет молчаливой радостью, не вызванной никем вне тебя. Это не будет неглубоким счастьем, которое очень легко отнять. И идя глубже в свое одиночество, однажды ты найдешь не только радость, радость – это только полпути. Счастье очень поверхностно, оно зависит от других; радость посредине, она ни от кого не зависит. Но, идя глубже, ты узнаешь состояние блаженства – то, что я называю просветлением.

Используй что угодно, и ты придешь к просветлению – но используй что-то подлинное, то, что действительно твое. И тогда у тебя будет блаженство, которое с тобой двадцать четыре часа в сутки. Оно просто излучается от тебя. Теперь ты можешь им делиться, теперь ты можешь дать его каждому, кого любишь. Но это подарок без условий. И никто не может сделать тебя несчастным.

Это мое усилие – сделать тебя блаженным без условий. Это не значит, что ты должен отречься от мира. Это не значит, что ты должен оставить свою жену, подругу, любовь к еде – даже любовь к мороженому; это не имеет с этим ничего общего. Твое блаженство с тобой, что бы ты ни делал. Оно улучшит любую деятельность, оно обогатит каждое действие, которое ты совершаешь. Твоя любовь приобретет совершенно другой аромат. Теперь за ней не будет скрываться никакой ненависти; это будет просто любовь. Не будет даже ожидания, чтобы тебе что-то вернули. Тебе ничего не нужно. Отдавать – это такое блаженство, ничего не нужно. Ты так богат внутри, что ничто не может сделать тебя богаче.

И ты продолжаешь делиться блаженством. Чем более ты им делишься, тем больше его у тебя, и ничто не может сделать тебя бедным. Это единственное чудо, которое я знаю.

По мере того как я иду глубже в медитацию и смотрю, кто я такой на самом деле, мне становится трудно поддерживать отношения. Это что-то такое, чего следует ожидать, или я в чем-то пошел не в ту сторону?

Когда ты движешься во внутреннее паломничество, энергии обращаются вовнутрь, те же самые энергии, которые шли наружу, - внезапно ты находишь, что один, как остров. Трудность возникает, потому что ты еще на самом деле не укоренен в своем существе, и все отношения кажутся зависимостью, оковами. Но это промежуточная фаза; не делай этого постоянным подходом. Рано или поздно, когда ты снова укоренишься внутри, тебя будет переполнять энергия, и ты снова захочешь двигаться в отношения.

Когда ум впервые становится медитативным, любовь начинает казаться рабством. И в определенном смысле это правда, потому что ум, который не медитативен, не может быть действительно влюбленным. Эта любовь ложна, иллюзорна - в ней больше от волнения, меньше от любви. Но тебе не с чем сравнивать, пока не случится настоящее, поэтому, когда начинается медитация, иллюзорная любовь мало-помалу растворяется, исчезает. Не теряй сердца, во-первых. И во-вторых, не делай этого постоянным подходом; это две возможности.

Если ты потеряешь сердце, потому что твоя любовная жизнь исчезает, и ты за нее цепляешься, это станет преградой в твоём внутреннем путешествии. Прими это - теперь энергия ищет новый путь, и на несколько дней не будет доступной для движения наружу, для деятельности.

Если кто-то творец, и он медитирует, все творчество на время исчезнет.

Если ты художник, внезапно ты найдешь, что этого не происходит. Ты можешь продолжать, но мало-помалу потеряешь всю энергию и энтузиазм. Если ты поэт, поэзия прекратится. Если ты человек, который был влюблен, эта энергия просто исчезает. Если ты попытаешься принудить себя двигаться в отношения, быть своим старым "я", это принуждение будет очень, очень опасным. Тогда ты делаешь противоречивую вещь: с одной стороны, пытаешься продолжать, с другой стороны, пытаешься из этого выйти. Это все равно что вести машину, нажимая на газ и одновременно на тормоз. Это может быть бедствием, потому что ты делаешь противоположные вещи одновременно. Медитация против только ложной любви. Ложное исчезнет, а это основное условие для того, чтобы появилось настоящее. Ложное должно уйти, ложное должно совершенно оставить тебя; лишь тогда ты доступен для настоящего. Поэтому - на несколько дней - забудь все об отношениях.

И второе, что тоже очень опасно: ты можешь сделать это образом жизни. Это случилось со многими людьми. Они в монастырях - старые монахи, ортодоксальные религиозные люди, которые сделали стилем жизни избегание любовных отношений. Они думают, что любовь против медитации, а медитация против любви - это не так. Медитация против ложной любви, но всецело за истинную любовь.

Как только все в тебе устанавливается, когда ты не сможешь идти дальше, внезапно ты достигнешь ядра своего существа, самого дна, и тогда ты центрирован. Внезапно энергия доступна, потому что теперь идти некуда. Внешнее путешествие остановилось, когда ты начал медитировать, и теперь внутреннее путешествие тоже закончено. Ты установился, ты прибыл домой. Эта энергия начинает переполняться. Это совершенно другого рода движение, у которого другое качество, потому что у него нет мотивации. Раньше ты двигался к другим с мотивацией; теперь мотивации не будет. Ты будешь просто двигаться к другим, потому что у тебя есть так много, чтобы поделиться.

Прежде ты двигался как нищий, теперь ты будешь двигаться как император. Не потому, что ты ищешь у кого-то какого-то счастья - оно у тебя уже есть. Теперь счастья слишком много, облако так полно, что хочет излиться дождем. Цветок так полон, что ему хочется лететь в аромате на крыльях ветра и достичь самых удаленных уголков мира. Ты делишься; в существование приходят нового рода отношения. Называть их отношениями

неправильно, потому что это больше не отношения; скорее, это состояние существа. Не "ты любишь", но ты есть любовь.

Поэтому не теряй сердца и не делай этого стилем жизни; это только переходная фаза. Отречение – это переходная фаза, целью жизни является празднование. Отречение – это только средство. Есть моменты, когда ты должен отречься, точно как когда ты болен, доктор говорит воздержаться от еды. Пост не станет твоим образом жизни. Отрекись от еды, но как только выздоровеешь, начни наслаждаться ею снова – и ты сможешь наслаждаться ею больше, чем когда-либо. Не делай пост своей жизнью – это переходная фаза, это было нужно.

Просто воздержись ненадолго от любви и отношений, и вскоре ты сможешь двигаться в них снова, снова переполненный, и двигаться без мотивации. Тогда любовь красива. И она никогда не красива до этого; прежде этого она всегда уродлива. Как бы ты ни старался, она всегда скисает. Оба человека могут изо всех сил пытаться сделать ее красивой, но это не в природе вещей; входит что-то уродливое. Каждый любовный роман всегда оказывается на мели. Просто подожди...

Предостережение: Две Женщины и Монах

Дзэнская история:

В Китае была одна старуха, которая поддерживала монаха двадцать лет. Она построила для него хижину и кормила его, пока он медитировал.

Однажды она решила проверить, какого прогресса он добился за все это время.

Она заручилась помощью девушки, богатой желаниями, и сказала ей: "Пойди и обними его, и тогда внезапно спроси: "Что теперь?""

Девушка пришла к монаху и тут же начала его ласкать, и спросила его, что он собирается с этим делать.

"Старое дерево зимой растет на скале, – ответил монах несколько поэтически, – и нигде нет никакого тепла".

Девушка вернулась и пересказала старухе его слова.

"Подумать только, что я кормила этого парня двадцать лет! – воскликнула старуха в гневе. – Он не проявил никакого внимания к твоей потребности, никакой склонности объяснить твое состояние. Ему не нужно было отвечать на страсть, но по крайней мере он должен был испытать какое-то сострадание".

Она тут же пошла к хижине монаха и сожгла ее.

Древняя пословица говорит:

Посеешь мысль, пожнешь действие. Посеешь действие, пожнешь привычку.

Посеешь привычку, пожнешь характер. Посеешь характер, пожнешь судьбу.

А я вам говорю: посейте ничто, и пожнете медитацию или любовь.

Сеять ничто – именно в этом и есть вся медитация. И ее естественное следствие – любовь. Если к концу путешествия медитации любовь не расцвела, тогда все путешествие было тщетным. Что-то где-то пошло неправильно. Ты начал путешествие, но никуда не прибыл.

Любовь – это испытание. Для пути медитации любовь – это испытание. Это две стороны одной монеты, два аспекта одной и той же энергии. Когда есть одна, должна быть и другая. Если второй нет, тогда нет и первой.

Медитация – это не концентрация. Человек концентрации не может достичь любви; фактически он ее не достигнет. Человек концентрации может стать более насильственным, потому что концентрация – это тренировка в том, чтобы оставаться напряженным, концентрация – это попытка сузить ум. Это глубокое насилие над сознанием. А когда ты насильствен с собственным сознанием, ты не можешь не быть насильственным с другими. Все, что ты делаешь с самим собой, ты будешь делать и с другими.

Пусть это будет фундаментальным правилом жизни, одним из самых фундаментальных: каким бы ты ни был с самим собой, таким ты будешь и с другими. Если ты любишь себя, ты будешь любить и других. Если ты течешь в своем существе, ты будешь течь и в других отношениях. Если ты заморожен внутри, ты будешь заморожен и снаружи. Внутреннее имеет тенденцию становиться внешним; внутреннее продолжает выражаться во внешнем.

Концентрация – это не медитация; концентрация – это метод науки. Это научная методология. Человеку науки нужна глубокая дисциплина концентрации, но от человека науки никто не ожидает сострадания. Нет необходимости. Фактически человек науки становится более и более насильственным с природой – весь научный прогресс основан на насилии над природой. Он разрушителен, потому что прежде всего научный человек разрушителен со своим собственным расширяющимся сознанием. Вместо того чтобы расширять сознание, он его сужает, делает его избирательным, однонаправленным. Это принуждение, насилие.

Поэтому помните, медитация – это не концентрация, но и не созерцание. Это вообще не мышление. Может быть, ты думаешь о Боге – даже тогда это мышление. Если есть "о", это мышление. Ты можешь думать о деньгах, ты можешь думать о Боге – это, по сути, не имеет значения. Мышление продолжается, меняются только объекты. Но если ты думаешь о мире или о сексе, никто не назовет это созерцанием. Если ты думаешь о Боге, о добродетели, если ты думаешь об Иисусе, Кришне, Будде, тогда люди назовут это созерцанием. Но дзэн в этом очень строг – это не медитация, это все еще мышление. Тебя все еще заботит "другой".

В созерцании "другой" есть, хотя, конечно, не так исключительно, как в концентрации. В созерцании больше текучести, чем в концентрации. В концентрации ум сосредоточен на одном; в созерцании ум ориентирован на объект, не собран в одной точке. Ты можешь продолжать о нем думать, ты можешь продолжать меняться и течь с объектом, но все же, в целом, субъект остается прежним.

Что тогда такое медитация? Медитация – это просто радость в собственном присутствии; медитация – это радость в собственном существе. Это очень просто – совершенно расслабленное состояние сознания, в котором ты ничего не делаешь. В то мгновение, как входит действие, ты становишься напряженным; тотчас же входит тревога. Как с этим справиться? Что делать? Как не потерпеть поражения? Ты уже переместился в будущее.

Если ты созерцаешь, что ты можешь созерцать? Как ты можешь созерцать неизвестное? Как ты можешь созерцать непознаваемое? Ты можешь созерцать только известное. Ты можешь его снова и снова пережевывать, но оно известно. Если ты что-то знаешь об Иисусе, ты можешь думать снова и снова; если ты что-то знаешь о Кришне, ты можешь думать снова и снова. Ты можешь продолжать модифицировать, изменять, украшать – но это не приведет тебя к неизвестному. А Бог неизвестен.

Медитация значит просто быть, ничего не делая, – никакого действия, никакой мысли, никакой эмоции. Ты просто есть, и это сущее наслаждение. Откуда берется это наслаждение, если ты ничего не делаешь? Оно приходит из ниоткуда – или отовсюду. Ему не нужно никакого повода, причины. Если ты несчастен, у тебя есть причина быть несчастным; если ты счастлив, ты просто счастлив – для этого нет причины. Твой ум пытается найти причину, потому что не может поверить в беспричинное, потому что не может контролировать беспричинное – с беспричинным умом просто становится бессильным. Поэтому ум продолжает находить ту или другую причину. Но я хотел бы тебе сказать, что когда ты счастлив, ты счастлив совершенно без причины; когда ты несчастлив, у твоего несчастья есть какая-то причина, потому что счастье – это просто вещество, из которого ты сделан. Это само твое существо, это твое глубочайшее внутреннее ядро. Радость – это твое глубочайшее внутреннее ядро.

Посмотри на деревья, посмотри на птиц, посмотри на облака, посмотри на звезды... и если у тебя есть глаза, ты сможешь увидеть, что все существование радостно. Все просто счастливо. Деревья счастливы без причины; они не собираются стать президентами или премьер-министрами, они не собираются разбогатеть, у них нет никакого счета в банке. Посмотри на цветы – без всякой причины... Просто невероятно, как счастливы цветы. Все существование сделано из вещества, называемого радостью. Индуисты называют его сатчитананд, ананда, радость. Именно поэтому не нужно никакой причины, никакого повода. Если ты просто можешь быть с самим собой, ничего не делая, просто наслаждаясь собой, просто оставаясь с

собой, просто счастливый тем, что ты есть, просто счастливый тем, что дышишь, просто счастливый тем, что слушаешь птиц, - без причины - тогда ты в медитации. Медитация - это бытие здесь и сейчас. И когда человек счастлив без причины, он не может содержать в себе это счастье. Оно распространяется и течет к другим, ты начинаешь делиться. Ты не можешь его сдержать, так его много, так оно бесконечно. Ты не можешь держать его в руках, тебе придется позволить ему распространиться.

Именно это и есть сострадание. Медитация - значит быть с собой, и сострадание - переполнение этого бытия. Та же самая энергия, которая двигалась в страсть, становится состраданием. Это та же самая энергия, которая раньше была сужена в тело и ум. Это та же самая энергия, которая раньше протекала из небольших щелей.

Что такое секс? Это утечка энергии из небольшой дыры в теле. Индуисты это точно так и называют - дыры. Когда ты течешь, переполняешься, когда ты не движешься в дыры, все стены исчезают. Ты стал целым. Теперь ты распространяешься. Ты ничего не можешь с этим сделать.

Не потому, что ты должен быть сострадательным, нет. В состоянии медитации ты есть сострадание. Сострадание так же тепло, как и страсть, - отсюда слово сострадание*.

* Compassion: сострадание, passion: страсть (англ.).

Оно очень страстно, но страсть никому не адресована, страсть не ищет никакого осуществления. Весь процесс просто обратился вспять. Сначала ты где-то искал счастья - теперь ты его нашел и выражаешь. Страсть - это поиск счастья; сострадание - это выражение счастья. Но оно страстно, оно тепло, и ты должен это понять, потому что в этом есть парадокс.

Чем что-либо важнее и выше, тем парадоксальнее, а медитация и сострадание - высочайшие вершины, самые высокие из вершин. В них обязательно будет парадокс.

Парадокс в том, что человек медитации очень прохладен, не холоден; прохладный, но все же теплый, не горячий. Страсть горяча, почти лихорадочна. У нее есть температура. Сострадание прохладно, но все же тепло, приветственно, восприимчиво, счастливо делиться, готово делиться, ждет, чтобы поделиться. Если человек медитации становится холодным, он упустил. Тогда он просто стал человеком подавления. Если ты подавляешь страсть, то становишься холодным. Именно так все человечество стало холодным - страсть была подавлена в каждом.

С самого детства твоя страсть калечится и подавляется. Каждый раз, когда ты становишься страстным, есть кто-то - мать, отец, учитель, полицейский - есть кто-то, кто тут же начинает тебя подозревать. Твоя страсть пресекается, подавляется: "Не делай этого!" Тотчас же ты сжимаешься вовнутрь себя. И мало-помалу ты учишься, что чтобы выжить, лучше слушать окружающих людей. Это безопаснее.

Так что же делать? Что должен делать ребенок, когда он чувствует страсть, когда он чувствует себя полным энергии и хочет прыгать, бегать и танцевать, а его отец читает газету? Это ерунда, но он читает газету, и он очень важный человек, он хозяин дома. Что делать? Ребенок делает что-то действительно потрясающее - именно Бог в нем готов танцевать - но отец читает свою газету, поэтому вокруг должна быть тишина. Он не может танцевать, не может бегать, не может кричать.

Он будет подавлять свою энергию; он будет пытаться быть холодным, собранным, держать себя под контролем. Контроль стал такой высшей ценностью, а на самом деле он не имеет никакой ценности.

Контролирующий себя человек - это мертвый человек. Контролирующий себя человек необязательно дисциплинирован; дисциплина - это совершенно другое. Дисциплина приходит из осознанности; контроль приходит из страха. Люди, которые тебя окружают, сильнее тебя, они могут тебя наказать, разрушить. У них есть власть контролировать, развращать, подавлять.

Ребенку приходится стать дипломатичным. Когда возникает секс, ребенок оказывается в затруднении. Общество против него; общество говорит, что его нужно перенаправить - а он течет по всему ребенку - его нужно отсечь.

Что делают учителя в школах? Фактически школы – это не инструменты передачи знания, но инструменты контроля. Шесть, семь часов ребенок сидит в школе. Это нужно для того, чтобы пресечь его танец, пресечь его песню, пресечь его радость; это нужно для того, чтобы его контролировать. Когда ребенок сидит шесть, семь часов в день в почти тюремной атмосфере, мало-помалу энергия мертвоет. Ребенок становится подавленным, замороженным. Теперь нет никакого струения, энергия не приходит, он живет по минимуму – именно это мы называем контролем. Он никогда не доходит до максимума. Психологи провели исследования и открыли важный фактор в человеческом несчастье – обычный человек живет только на десять процентов. Люди живут на десять процентов, дышат на десять процентов, любят на десять процентов, наслаждаются на десять процентов – девяносто процентов их жизни просто не позволено. Это сушая пустая растрата! Человек должен жить на сто процентов своих возможностей, только тогда возможно цветение. Таким образом, медитация – это не контроль, это не подавление. Если так или иначе ты получил неправильную идею и подавляешь себя, тогда ты станешь очень контролирующим себя человеком – но тогда ты будешь холодным. Тогда ты будешь становиться более и более безразличным, не привязанным. Безразличный, незаботливый, нелюбящий – ты почти совершаешь самоубийство. Ты будешь жив по минимуму. Тебя можно назвать только приблизительно живым. Ты не будешь гореть с обоих концов, твое пламя будет очень тусклым. Будет много дыма, но не будет почти никакого света.

Это случается с людьми, выбравшими путь медитации. Католики, буддисты, джайны – они стали очень холодными, потому что контролировать очень легко. Осознанность очень трудна. Контроль очень легкий, потому что для контроля требуется только культивировать привычки. Ты культивируешь привычки, и эти привычки овладевают тобой, и ты ни о чем не беспокоишься. Тогда ты продолжаешь следовать привычкам, они становятся механическими, и ты живешь жизнью робота. Ты можешь выглядеть, как Будда, но ты им не будешь. Ты будешь просто мертвой каменной статуей.

Если в тебе не возникло сострадания, возникает апатия. Апатия означает отсутствие страсти; сострадание означает трансформацию страсти. Пойди и посмотри на католических монахов, джайнских монахов, буддистских монахов, и ты увидишь очень апатичные фигуры – притупленные, глупые, не светящиеся, закрытые, боящиеся, постоянно встревоженные.

Контролирующие себя люди всегда нервные, потому что глубоко внутри все еще скрыта сутолока. Если ты ничего не контролируешь, если ты текучий, живой, тогда ты не нервничаешь. Нет речи о том, чтобы нервничать, – что бы ни случилось, случается. У тебя нет ожиданий о будущем, ты ничего не достигаешь. Зачем тогда нервничать? Если ты пойдешь к католическим, джайнским, буддистским монахам, ты найдешь, что они очень нервные – может быть, не настолько нервные в своих монастырях, но если их вывести в мир, ты найдешь, что они очень, очень нервные, потому что искушение встречается на каждом шагу.

Человек медитации приходит к точке, в которой не остается никаких искушений. Попробай это понять. Искушение никогда не приходит снаружи; искушение создают именно подавленное желание, подавленная энергия, подавленный гнев, подавленный секс, подавленная жадность. Искушение приходит изнутри тебя, оно не имеет ничего общего с внешним. Это не дьявол приходит и искушает тебя, это твой собственный подавленный ум становится дьявольским и хочет взять свое. Чтобы контролировать такой ум, человек должен оставаться холодным и замороженным, чтобы никакой жизненной энергии не позволялось двигаться в твои члены, в твое тело. Если энергии позволено двигаться, эти подавления выйдут на поверхность. Именно поэтому люди научились быть холодными, касаться других и все же не касаться, видеть людей и все же не видеть. Люди живут в клише – "Привет, как дела?" Никто ничего под этим не подразумевает, и эти слова нужны лишь для того, чтобы избежать настоящего контакта двух людей. Люди не смотрят друг другу в глаза, не держатся за руки, не пытаются почувствовать

энергию друг друга. Они не позволяют друг другу излиться. В страхе, кое-как все улаживая... Холодные и мертвые... В смиренной рубашке. Человек медитации учится тому, как быть полным энергии, жить по максимуму, в оптимуме. Он живет на вершине, он делает своим жилищем вершину. Безусловно, в нем есть тепло, но он не лихорадочен, это только показывает, что он живой. Он не горячий, он прохладный, потому что его не уносят прочь желания. Он так счастлив, что больше не ищет никакого счастья. Он так непринужден, он как дома, он никуда не идет, он не бежит и не гонится... он очень прохладный.

Есть латинский афоризм: *agere sequitur esse* - "делать" следует за "быть"; действие следует за бытием. Это поразительно красиво. Не пытайся изменить свое действие - попытайся найти свое бытие, и действие последует.

Действие вторично; бытие первично. Действие - это то, что ты делаешь; бытие - это то, что ты есть. Действие приходит из тебя, но действие - это только фрагмент. Даже если все твои действия собрать вместе, они не станут равными твоему существу, потому что все действия, собранные вместе, будут твоим прошлым. Как насчет будущего? Твое бытие содержит твоё прошлое, будущее, настоящее; твоё бытие содержит твою вечность. Твои действия, даже полное их собрание, будут только прошлым. Прошлое ограничено, будущее не ограничено. То, что случилось, ограничено; это можно определить, это уже случилось. То, чего не случилось, не ограничено, неопределимо. Твое бытие содержит вечность; твои действия содержат лишь прошлое.

Поэтому возможно, что человек, который до этого момента был грешником, может в следующее стать святым. Никогда не суди человека по его действиям, суди человека по его существу. Грешники становятся святыми, а святые падают и становятся грешниками. У каждого святого есть прошлое, и у каждого грешника есть будущее.

Никогда не суди человека по его действиям. Но другого способа нет, потому что ты не знаешь даже собственного существа - как ты можешь видеть существо других? Как только ты узнаешь собственное существо, ты научишься языку, узнаешь ключ к тому, как смотреть в существо другого. Ты можешь видеть в других только до того предела, до которого видишь в себе. Если ты увидел себя насквозь, ты становишься способным видеть насквозь других. Таким образом, несколько вещей, прежде чем я войду в эту прекрасную историю.

Если в медитациях ты становишься холодным - остерегайся. Если медитация делает тебя более теплым, более любящим, более текучим - хорошо, ты на правильном пути. Если ты становишься менее любящим, если твоё сострадание исчезает, и у тебя внутри устанавливается апатия - тогда чем скорее ты изменишь направление, тем лучше. Иначе ты превратишься в стену. Не становись стеной. Оставайся живым, пульсирующим, струящимся, текучим, тающим.

Конечно, есть проблемы. Почему люди становятся стенами? Потому что стены можно определить. Они дают тебе границу, определенную форму и вид - то, что индуисты называют нам руп, имя и форма. Если ты тающий и текучий, у тебя нет никаких границ; ты не знаешь, где ты, и где ты кончаешься и где начинаются другие существа. Ты продолжаешь быть с людьми так близко, что мало-помалу вообще границы становятся подобными снам. И однажды они исчезают.

Именно такова реальность. Реальность неограниченна. Где, по-твоему, ты кончаешься? Там, где твоя кожа? Обычно мы думаем: "Конечно, мы внутри нашей кожи, и наша кожа - это стена, граница". Но твоя кожа не смогла бы быть живой, если бы ее не окружал воздух. Если твоя кожа постоянно не вдыхает кислород, который поступает снаружи, она не может быть живой. Удали атмосферу, и ты тут же умрешь. Даже если твою кожу не поцарапать, ты умрешь. Поэтому это не может быть твоей границей.

Землю окружают двести миль атмосферы - это твоя граница? Это тоже не может быть твоей границей. Этот кислород, и эта атмосфера, и это тепло и жизнь не могут существовать без солнца. Если солнце перестанет существовать, или упадет мертвым... Однажды это случится. Ученые говорят,

что однажды солнце остынет и упадет мертвым. Тогда внезапно эта атмосфера не будет живой. Тотчас же ты умрешь. Значит, твоя граница – солнце? Но сейчас физики говорят, что это солнце соединено с каким-то центральным источником энергии, который мы еще не можем открыть, но подозреваем о его существовании – потому что все в мире взаимосвязано.

Так как же найти, где твоя граница? Яблоко на дереве – это не ты. Съешь его, и оно станет тобой. Оно просто ждет, чтобы стать тобой. Это твой потенциал, это твое будущее. Потом ты испражняешься и выбрасываешь из своего тела отходы. Мгновением раньше это было тобой. Поэтому где ты установишь границу? Я дышу, дыхание внутри меня – это я, но лишь мгновением раньше, может быть, оно было твоим дыханием. Наверное, так и было, потому что мы дышим в общей атмосфере. Мы дышим друг в друга; мы члены друг друга. Ты дышишь во мне, я дышу в тебе.

И так не только с дыханием, точно так и с самой жизнью. Ты не замечал? С определенными людьми ты чувствуешь себя очень живым, они приходят, бурля энергией. И что-то происходит с тобой, – отклик, – и ты тоже начинаешь бурлить. И есть люди... одних их лиц достаточно, чтобы человек почувствовал, что сейчас упадет! В самом их присутствии достаточно яда. Наверное, они вливают в тебя что-то ядовитое. И когда ты подходишь к какому-то человеку и становишься сияющим и счастливым, и внезапно что-то начинает пульсировать в твоём сердце, и твоё сердце бьется быстрее, этот человек, наверное, что-то влил в тебя.

Мы изливаемся друг в друга. Именно поэтому на Востоке сатсанг стал очень, очень важным. Быть с человеком, который познал, просто быть в его присутствии достаточно – потому что он постоянно вливает в тебя свое существо. Ты можешь это знать или не знать. Ты можешь признать или не признать это сегодня, но однажды, в то или другое время, семена прорастут.

Мы изливаемся друг в друга. Мы не отдельные острова. Холодный человек становится как остров, и это его несчастье, великое несчастье, потому что ты мог бы стать огромным континентом, а решил оставаться островом. Ты решил оставаться бедным, когда мог бы быть таким богатым, каким бы только захотел.

Не будь стеной и никогда не пытайся подавлять, иначе ты станешь стеной. Подавленные люди носят маски, лица. Они притворяются кем-то другим. Подавленный человек несет в себе тот же мир, что и ты, – нужна только возможность, провокация, и тотчас же реальное выйдет наружу. Именно поэтому монахи исчезают из мира – потому что в нем слишком много провокаций, слишком много искушений. Им трудно оставаться содержащимися в себе, сдерживаться. И они движутся в Гималаи или в пещеры, они удаляются от мира, чтобы, даже если возникают идеи, искушения, желания, не было возможности их осуществить.

Но это не путь трансформации.

Люди, которые становятся холодными, это люди, которые были очень горячими. Люди, которые принимают обеты оставаться безбрачными, это люди, которые чрезвычайно сексуальны. Ум очень легко обращается от одной крайности к другой. Мое наблюдение таково, что многие люди, которые были слишком одержимыми едой, рано или поздно становятся одержимыми постом. Это должно случиться, потому что ты не можешь долго оставаться в одной крайности. Ты заходишь слишком далеко, и вскоре ты от этого устанешь, тебе это надоест. Тогда не будет никакого другого входа, кроме как двигаться в противоположную крайность.

Люди, которые становятся монахами, – очень мирские люди. Рынок им надоел, они слишком много двигались на рынке, и маятник переместился в другую крайнюю точку. Жадные люди отрекаются от мира. Это отречение не исходит из понимания – это просто жадность, перевернутая вверх ногами. Сначала они держались, держались... теперь, внезапно, они видят бессмысленность этого, тщетность этого, и начинают это отбрасывать. Сначала они боялись потерять даже мелкую монету, теперь боятся иметь даже мелкую монету, но страх продолжается. Сначала они были слишком жадными к этому миру, теперь они слишком жадны к другому, но жадность сохранилась. Эти люди в тот или

другой день обязательно вступят в монастырь – тогда они станут великими безбрачными, великими отрекшимися. Но это не изменит их природы. Кроме осознанности, ничто не меняет человека, вообще ничто. Поэтому не пытайся притворяться. То, чего не случилось, не случилось. Пойми это и не пытайся притворяться, не пытайся заставить других верить, что это случилось, потому что никто не проиграет от этого обмана, кроме тебя самого.

Люди, которые пытаются контролировать себя, выбрали очень глупый путь. Контроля не получится, но они станут холодными. Это единственный способ, которым человек может себя контролировать, – стать таким замороженным, чтобы никакой энергии не возникало. Люди, которые принимают обеты безбрачия, не будут много есть; фактически они будут морить свои тела голодом. Если в теле будет создаваться больше энергии, тогда будет больше сексуальной энергии, и тогда ты не знаешь, что с ней делать. Поэтому буддийский монах ест только один раз в день – и даже тогда недостаточно. Они едят ровно столько, чтобы удовлетворить потребности тела, самые минимальные потребности, и чтобы не оставалось никакой энергии. Этот вид безбрачия – не безбрачие. Когда ты течешь с энергией, и энергия начинает трансформироваться в любовь, тогда происходит безбрачие, которое красиво, брахмачарья.

Милая пожилая дама вошла в магазин и купила пачку нафталина. На следующий день она вернулась, чтобы купить еще пять пачек. Прошел еще один день, и она снова появилась в магазине и попросила еще дюжину.

– Наверное, у вас очень много моли, – сказал продавец.

– Да, – ответила милая старушка, – и я бросала этими шариками в моль три дня, и мне ни разу не удалось ни в одну попасть!

Путем контроля тебе не удастся ни в одну попасть! Это не помогает. Ты борешься с листьями, ветвями, обрубая их там и сям. Это не способ уничтожить дерево желания; нужно обрубить сами его корни. А корни можно обрубить, только когда ты достигаешь корней желания. На поверхности есть только ветви – ревность, гнев, зависть, ненависть, похоть. Все они только на поверхности. Чем глубже ты движешься, тем более понимаешь: они приходят из одного корня, и этот корень – неосознанность.

Медитация означает осознанность. Она обрубает сам корень. Тогда все дерево исчезает само собой. Тогда страсть становится состраданием.

Я слышал об одном великом дзэнском мастере, который состарился и почти ослеп в возрасте девяноста шести лет, и больше не мог учить или работать в монастыре. Старик решил, что пришло время умереть, потому что он больше не мог никому быть полезным, не мог никому помочь. И он перестал есть. Когда его монахи спросили, почему он отказывается от пищи, он ответил, что пережил свою полезность и теперь только всех беспокоит.

Они сказали ему:

– Если ты сейчас умрешь, – а это было в январе, – когда так холодно, всем будет неудобно на твоих похоронах, и ты создашь еще больше проблем.

Поэтому, пожалуйста, ешь.

Это может случиться только в дзэнском монастыре, потому что ученики любят Мастера так глубоко, уважают его так глубоко, что не нужно никаких формальностей. Просто посмотрите, что они говорят. Они говорят:

– Если ты умрешь сейчас, в январе... посмотри, как холодно; всем будет неудобно на твоих похоронах, и ты создашь еще больше проблем. Поэтому, пожалуйста, ешь.

И поэтому он начал есть. Но когда стало тепло, он снова перестал, и вскоре после этого он тихо упал и умер.

Такое сострадание! Тогда человек живет только ради сострадания; человек умирает только ради сострадания. Человек готов выбрать правильное время, чтобы никого это не побеспокоило и ему не нужно было создавать проблем.

Я слышал о другом дзэнском Мастере, который умирал.

Он сказал:

– Где мои туфли? Принесите их.

- Куда ты? - спросил его кто-то. - Врачи говорят, что ты скоро умрешь.
- Я пойду на кладбище, - сказал он.
- Но почему?
- Я не хочу никому создавать проблем. Иначе вам придется нести меня на плечах.

Он пришел на кладбище и умер там.

Поразительное сострадание! Что это за человек, который не хочет причинять окружающим даже такого труда? А эти люди помогли тысячам. Тысячи были им благодарны, тысячи стали полными света и любви благодаря им. И все же они не хотят никого беспокоить. Если они полезны, они хотят жить и помогать, если они не полезны, для них пришло время уйти.

А теперь, история.

В Китае была одна старуха, которая поддерживала монаха более двадцати лет. Она построила для него хижину и кормила его, пока он медитировал.

Это чудо случилось на Востоке - и Запад все еще не может его понять. Многие века на Востоке, если кто-то медитировал, общество кормило его. Было достаточно того, что он медитировал. Никто не думал, что этот человек обременяет общество: "Почему мы должны на него работать?" Просто того, что он медитировал, было достаточно, потому что Восток пришел к пониманию того, что если один человек становится просветленным, его энергию получают все; даже если один человек приходит к цветению в медитации, его аромат становится частью всего общества. И приобретение это так велико, что Восток никогда не говорил: "Не сиди просто так и не медитируй. Кто будет тебя кормить, кто будет тебя одевать, кто даст тебе кров?" Тысячи и тысячи - у Будды было десять тысяч санньясинов, которые двигались с ним, но люди были счастливы их кормить, одевать, заботиться о них, потому что они медитировали.

На Западе совершенно невозможно думать таким образом. Даже на Востоке это становится трудным. В Китае монастыри закрыты, медитационные залы превращены в больницы или школы. Великие Мастера исчезли. Они принуждены были работать в полях или на фабриках. Никому не разрешается медитировать, потому что великое понимание потеряно - весь ум полон материализма, словно кроме материи ничего не существует.

Если один человек в городе становится просветленным, весь город от этого выигрывает. Это не пустая растрата - его поддерживать. Ничего не теряя, ты получишь такое безмерное сокровище! Люди счастливы ему помогать. Двадцать лет эта женщина помогала монаху, который медитировал, медитировал и медитировал, и больше ничего не делал. Он сидел в дзадзэн. Она построила для него хижину, она заботилась о нем, заботилась обо всем. Однажды, когда она состарилась и поняла, что скоро умрет, она захотела узнать, расцвела ли медитация, или этот человек просто сидит и сидит. Двадцать лет - достаточно долгий срок, и эта женщина состарилась и вскоре должна была умереть, поэтому она захотела узнать, служила ли она настоящему человеку медитации или только обманщику.

Однажды она решила проверить...

Наверное, эта женщина сама обладала великим пониманием, потому что ее испытание, тест, который она применила, был полон понимания.

Однажды она решила проверить, какого прогресса он достиг за все это время.

Если медитация развивается, единственный критерий ее развития - это любовь, единственный критерий ее развития - это сострадание.

Она заручилась помощью девушки, богатой желаниями, и она сказала ей: "Пойди и обними его, и тогда внезапно спроси: "Что теперь?""

Есть три возможности. Первая: если двадцать лет он не касался красивой женщины, первой возможностью будет то, что он будет искушен, станет жертвой, забудет о медитации и начнет заниматься любовью с этой девушкой. Другая возможность – что он останется холодным, сдержанным и не проявит никакого сострадания к этой девушке. Он просто будет держать себя в руках, будет жестким, чтобы не подвергнуться искушению. И третья возможность: если медитация расцвела и принесла плоды, он будет полным любви, понимания, сострадания и попытается понять эту девушку и помочь ей. Это было просто испытанием этих трех возможностей.

Если произойдет первое, тогда вся его медитация была пустой тратой времени. Если произойдет второе, он соответствует обычному критерию монашества, но не достигает настоящего критерия человека медитации. Если произойдет третье, это просто покажет, что он был бихевиористом, что он развил привычку, взял под контроль свое поведение.

Наверное, вы слышали имя русского бихевиориста Павлова. Он говорил, что ни в животных, ни в человеке, ни вообще нигде нет никакого сознания – все это только умственный механизм. Можно тренировать умственный механизм, и тогда он начинает работать таким образом – все дело в обусловленности. Ум действует как условный рефлекс. Если ты положишь перед собакой пищу, она прибежит с высунутым языком, с текущей слюной. У нее начинается слюновыделение. Павлов провел эксперимент. Каждый раз, когда он давал собаке еду, он звонил в звонок. Мало-помалу звонок и еда стали ассоциироваться. Тогда однажды он просто позвонил в звонок, и собака прибежала с высунутым языком, и у нее потекла слюна.

Это абсурдно, никто никогда не знал, чтобы собака реагировала таким образом на звонок. Звонок – это не еда. Но теперь в ее уме появилась обусловленная ассоциация. Павлов говорит, что человека можно изменить таким же образом. Каждый раз, когда в тебе возникает секс, наказывай себя. Начиная семидневный пост, бичуй себя, стой на холоде всю ночь, или бей себя, и мало-помалу тело научится трюку. Каждый раз, когда возникает секс, тело будет его автоматически подавлять из страха наказания. Награда и наказание – это способ обусловить ум, следовать по Павлову.

Этот монах, наверное, это и делал – это делают многие. Это делают почти девяносто девять процентов людей в монастырях: просто обуславливают заново свои умы и тела. Но сознание не имеет с этим ничего общего.

Сознание – это не новая привычка; сознание означает: жить жизнь с полной осознанностью, не ограниченным никакой привычкой, не одержимым никаким механизмом – быть выше механизма.

... И она ей сказала: "Пойди и обними его, и тогда внезапно спроси: "Что теперь?""

Весь ключ в слове "внезапно". Если ты дашь уму немного времени, он сможет начать работать обусловленным образом, к которому он готов. Поэтому не давай ему никакого времени: приходи среди ночи, когда он один и медитирует. Просто войди в хижину – наверное, он жил за городом, один – войди в хижину и просто начни его ласкать, обнимать, целовать. И тогда внезапно спроси: "Что теперь?" Наблюдай его реакцию, что с ним происходит, что он говорит, какие краски появляются у него на лице, что показывают его глаза, как он реагирует и откликается.

Эта девушка пришла к монаху и тут же начала его ласкать, и спросила его, что он собирается с этим делать.

"Старое дерево растет на холодной скале зимой, – ответил монах несколько поэтически. – Нигде нет никакого тепла".

Он обусловил свою собаку; он обусловил свой телесноумственный механизм. Двадцать лет были достаточно долгим сроком для создания обусловленности. Он остался под контролем. Наверное, он был человеком огромного контроля. Он остался холодным, не появилось ни искры энергии, и он сказал: "Старое дерево растет на холодной скале зимой". Мало того, что был контроль и холод, – его контроль был так велик, что он остался таким холодным в такой опасной, провокационной, соблазняющей ситуации, что смог ответить

поэтическими словами. Наверное, обусловленность была очень, очень глубокой, до самых корней.

"Старое дерево растет на холодной скале зимой, - ответил монах несколько поэтически. - Нигде нет никакого тепла".

Вот все, что он сказал.

Девушка вернулась и пересказала старухе его слова.

"Подумать только, что я кормила этого парня двадцать лет!" - воскликнула старуха в гневе.

Его медитация не расцвела. Он стал холодным и мертвым, подобным трупу; он не стал просветленным или буддой.

"Он не проявил никакого внимания к твоей потребности..."

Человек сострадания всегда думает о тебе, о твоей потребности. Монах же остался холодным и центрированным в себе. Он просто сказал что-то о себе: "Старое дерево растет на холодной скале зимой, нигде нет никакого тепла". Он не произнес ни слова об этой женщине. Он даже не спросил: "Зачем ты пришла? Почему? Почему ты выбрала меня среди стольких людей? Садись". Он должен был выслушать ее. Наверное, ею двигала глубокая потребность. Никто не приходит среди ночи к иссохшему монаху, который двадцать лет просидел в медитации. Почему она пришла? Он не обратил на нее никакого внимания. Любовь всегда думает о другом; эго думает только о себе. Любовь всегда внимательна; эго абсолютно невнимательно. У эго есть только один язык, и это язык "я". Эго всегда использует другого; любовь готова быть использованной, любовь готова служить.

"Он не проявил никакого внимания к твоей потребности, никакого расположения, чтобы объяснить твое состояние".

Когда ты приходишь к человеку сострадания, он смотрит на тебя, смотрит глубоко в твое сердце. Он пытается найти, в чем твоя проблема, почему ты в такой ситуации, почему ты делаешь то, что делаешь. Он забывает себя. Он фокусируется на человеке, который к нему пришел, - его внимание сосредоточено на потребности этого человека, его проблеме, тревоге. Он пытается помочь. Он сделает все, что только в его силах.

"Ему не нужно было отвечать на страсть..."

Это правда. Человек сострадания не может откликаться страстно. Он не холоден, но прохладен. Он может дать тебе свое тепло, питающее тепло, но не может дать ничего лихорадочного. В нем этого нет. Помни разницу между лихорадочным телом и теплым телом. Лихорадочное тело не здорово, теплое тело просто здорово. В страсти люди становятся лихорадочными. Наблюдал ли ты себя в глубокой страсти? Ты почти как бесноватый маньяк, сумасшедший, дикий, делающий что-то, сам не зная, почему - и в полной лихорадке, когда все тело дрожит; циклон, в котором нет центра.

Человек тепла просто здоров. Точно как когда мать прижимает ребенка к груди, и ребенок чувствует тепло - окруженный теплом, питаемый им, приветствуемый им. Так же, когда тыходишь в ауру сострадательного человека, тыходишь в подобное матери тепло,ходишь в очень питающее поле энергии. Фактически, если тыходишь к человеку сострадания, твоя страсть просто исчезнет. Его сострадание так сильно, его тепло так велико, его любовь изливается на тебя настолько, что ты станешь прохладным, станешь центрированным.

"Ему не нужно было откликаться на твою страсть, но по крайней мере он должен был бы испытать какое-то сострадание".

Она тут же пошла к хижине монаха и сожгла ее.

Это был просто жест, символизирующий то, что эти двадцать лет, когда он там медитировал, – во время которых, как она надеялась, он развивался – были пустой тратой времени.

Недостаточно быть монахом поверхностно, просто быть монахом подавленным и холодным, холодность – это показатель подавления, очень глубокого подавления.

Именно это я тебе говорю: если ты движешься в медитацию, сострадание и любовь придут автоматически, сами собой. Они следуют за медитацией, как тень. Поэтому тебе не нужно беспокоиться ни о каком синтезе – синтез придет. Он приходит сам собой, тебе не нужно его создавать. Ты выбираешь один путь. Ты следуешь либо пути любви, преданности, танца, растворения себя полностью в любви к Божественному. На этом пути растворения не нужно никакой осознанности. Тебе нужно быть пьяным, совершенно пьяным Богом, тебе придется стать пьяницей. Или выбери путь медитации. Тогда тебе не нужно ни в чем растворяться. Тебе нужно стать очень кристаллизованным, тебе нужно стать очень интегрированным, бдительным, осознанным.

Следуй пути любви, и однажды, внезапно, ты увидишь, что в тебе расцвела медитация – тысячи белых лотосов. И ты ничего для этого не сделал, ты делал что-то другое, и они расцвели. Когда любовь или преданность достигают кульминации, расцветает медитация. И то же самое происходит на пути медитации. Просто забудь все о любви, преданности. Просто стань осознанным, сиди в молчании, наслаждайся своим существом – вот и все. Будь с самим собой, вот и все. Научись быть один – вот и все. И помни, человеку, который умеет быть один, никогда не одиноко. Одиноко людям, которые не умеют быть одни.

На пути медитации ищут, желают, надеются, молятся об осознанности. Будь один. Настолько, что даже в твоём сознании не движется никаких теней. На пути любви растворись настолько, чтобы реальным остался только другой, а ты стал тенью и мало-помалу совершенно исчез. На пути любви Бог остается, а ты исчезаешь; на пути медитации Бог исчезает, ты появляешься. Но полный и окончательный результат один и тот же. Происходит великий синтез.

Никогда не пытайся синтезировать эти два пути в начале. Они встречаются в конце, они встречаются на вершине, они встречаются в храме.

Один из учеников раввина Моше был очень беден. Он пожаловался Цадику, что его несчастные обстоятельства создают препятствия, мешающие ему учиться и молиться.

– В этот день и век, – сказал раввин Моше, – величайшая преданность, превосходящая учение и молитву, состоит в том, чтобы принимать мир точно таким, как он есть.

Человек, который движется в медитацию, или который движется на пути любви, получит помощь, если примет мир таким, как есть. Мирские люди никогда не принимают мир таким, как он есть, – они всегда пытаются его изменить. Они всегда пытаются сделать его каким-то другим, всегда пытаются устроить вещи в другом порядке, всегда пытаются сделать что-то снаружи. Религиозный человек принимает все, что бы его ни окружало снаружи. Его не беспокоит, не отвлекает внешнее. Вся его работа состоит в движении внутри. Один человек движется в любовь, другой движется в медитацию, но оба эти движения происходят внутри. Религиозный мир – это мир внутреннего. А внутреннее – за пределами.

В латинском языке у слова *sin*, грех, есть два значения: одно – "промахнуться мимо цели", и другое, еще более красивое – "внешнее". Грех – значит быть снаружи, быть вне себя. Добродетель – значит быть внутри; быть внутри себя.

Вскоре после смерти раввина Моше, раввин Мендель из Котика спросил одного из его учеников:

– Что было для твоего учителя важнее всего?

Ученик задумался и в конце концов ответил:

– То, что он делал в данное мгновение.

Данное мгновение – вот самое важное.

ПРИВЕТСТВУЯ ПАРАДОКС

Красиво быть одному, и так же красиво быть влюбленным, быть с людьми. И эти вещи взаимодополняющи, не противоречивы. Когда ты наслаждаешься другими, наслаждайся, и наслаждайся в самой полной мере; нет необходимости беспокоиться об одиночестве. А когда тебе надоедают другие, двигайся в одиночество и наслаждайся им в самой полной мере.

Не пытайся выбирать - если ты выбираешь, то окажешься в беде. Каждый выбор создаст в тебе разделение, своего рода расщепленность. Зачем выбирать? Зачем выбирать одно, если ты можешь иметь и то и другое? Все мое учение состоит из двух слов, "медитация" и "любовь". Медитируй, чтобы ты смог почувствовать безмерное молчание, и люби, чтобы твоя жизнь могла стать песней, танцем, празднованием. Тебе придется двигаться между ними двумя, и если ты можешь двигаться с легкостью, если ты можешь двигаться без всякого усилия, ты научился величайшему в жизни.

Веками это было одной из величайших проблем: медитация и любовь, одиночество и отношения, секс и молчание. Отличаются только названия; проблема одна. И веками человек очень страдал, потому что проблема была понята неправильно - люди выбирали.

Те, кто выбирают отношения, называются мирскими, а те, кто выбирают одиночество, называются монахами, не от мира сего. Но те и другие страдают, потому что остаются половинами, а быть половиной больно. Быть целым - значит быть здоровым, счастливым; быть целым - значит быть совершенным. Оставаться половиной больно, потому что вторая половина продолжает протестовать, вторая половина продолжает готовиться к тому, чтобы отомстить. Вторая половина никогда не может быть разрушена, потому что это твоя вторая половина! Это существенная часть тебя; это не что-то случайное, что ты можешь выбросить.

Это все равно как если бы гора решила: "Вокруг меня не должно быть никаких долин". Но без долин не может быть и горы. Долины - это часть существа горы; гора не может существовать без долин; они дополняют друг друга. Если гора решит быть без долин, не будет больше и никакой горы. Если долина решит быть без горы, не будет больше никакой долины. Или ты можешь быть притворщиком - гора будет притворяться, что никакой долины нет. Но долина есть - ты можешь спрятать долину, можешь отбросить ее глубоко в бессознательное, но она остается, она продолжается, она экзистенциальна, и нет способа ее разрушить. Фактически гора-долина - это одно целое, как и любовь и медитация, как и отношения и одиночество. Гора одиночества поднимается только в долинах отношений.

Фактически ты можешь наслаждаться одиночеством, только если можешь наслаждаться отношениями. Именно отношения создают потребность в одиночестве; это ритм. Когда ты глубоко движешься в отношения с кем-то, в тебе возникает глубокая потребность быть одному. Ты начинаешь чувствовать себя усталым, истощенным, изнуренным - радостно усталым, счастливо усталым, но каждое волнение утомляет. Безмерно красиво общаться, но теперь тебе хочется двигаться в одиночество, чтобы ты снова мог собрать себя вместе, чтобы снова ты мог стать переполненным, чтобы снова ты стал укорененным в собственном существе.

В любви ты движешься в существо другого, теряешь связь с самим собой. Ты тонешь, пьянеешь. Теперь тебе нужно будет найти себя снова. Но когда ты один, ты снова создаешь потребность в любви. Вскоре ты будешь так полон, что тебе захочется поделиться, ты будешь так переполнен, что тебе захочется, чтобы был кто-то, в кого ты мог бы излиться, с кем ты мог бы поделиться собой.

Любовь возникает из одиночества. Одиночество делает тебя переполненным, любовь принимает твои дары. Любовь опустошает тебя, чтобы ты снова мог наполниться. Каждый раз, когда тебя опустошает любовь, есть одиночество, чтобы дать тебе питание, интегрировать тебя. И это ритмично.

Считать эти две вещи отдельными было самой опасной из глупостей, от которых страдало человечество. Некоторые люди становятся мирскими - они устают, они истощены, пусты. У них нет никакого собственного

пространства. Они не знают, кто они такие; они никогда не сталкиваются с самими собой. Они живут с другими, они живут ради других. Они часть толпы; они не индивидуальности. И помни: их любовная жизнь не принесет осуществленности – она будет половиной, а никакая половина никогда не может быть осуществленностью. Осуществленным может быть только целое. И есть монахи, которые выбрали другую половину. Они живут в монастырях. Слово монах значит "тот, кто живет один"; слово монах происходит от того же корня, что и слова моногамия, монотонность, монастырь, монополия. Это значит: один, одинокий.

Монах – это тот, кто выбрал быть один – но вскоре он переполняется, созревает и не знает, куда себя излить. Куда себя излить? Он не может позволить любви, не может позволить никаких отношений; он не может идти и встречаться с людьми. Теперь все его энергии начинают скисать. Любая энергия, которая останавливается, становится горькой. Даже нектар, застоявшись, становится ядом – и наоборот; даже яд, который течет, становится нектаром.

Течь – значит знать, что такое нектар, а застаиваться – значит знать, что такое яд. Яд и нектар – это не две вещи, но два состояния одной и той же энергии. Текущая, она – нектар; застывшая, она – яд. Она становится горькой, она становится печальной, она становится уродливой. Вместо того чтобы давать тебе целостность и здоровье, она делает тебя больным. Все монахи больны; все монахи обречены на патологию.

Мирские люди пусты, им скучно, они истощены, они кое-как тащатся дальше, во имя долга, во имя славы семьи, во имя нации – все это священные коровы – кое-как тащатся к смерти, просто ожидая, когда придет смерть и принесет избавление. Они узнают покой только в могиле. Они не узнают никакого покоя в жизни – а жизнь, которая не знает никакого покоя, это на самом деле не жизнь. Она как музыка, в которой нет никакого молчания, – это просто шум, тошнотворный шум; он сделает тебя больным.

Великая музыка – это синтез между звуком и молчанием. И чем больше синтез, тем глубже идет музыка. Звук создает молчание, а молчание создает восприимчивость к звуку, и так далее, и так далее. Звук создает больше любви к музыке, больше способности стать молчаливым. Слушая великую музыку, ты всегда будешь чувствовать себя молитвенным, чувствовать что-то целое. Что-то в тебе становится интегрированным. Ты становишься центрированным, укорененным. Земля и небо встречаются, они больше не отдельные. Тело и душа встречаются и сплавляются, они теряют свои определения.

И это величайшее мгновение, мгновение мистического союза.

Это древняя битва, глупая, совершенно глупая, поэтому, пожалуйста, остерегайтесь: не создавайте битвы между сексом и молчанием. Если ты создашь битву, твой секс будет уродливым, больным, и твое молчание будет тупым и мертвым. Пусть секс и молчание встречаются и сплавляются.

Фактически величайшие мгновения молчания – это те, за которыми следует любовь, великая любовь, вершины любви. И за вершинами любви всегда следуют великие мгновения молчания и одиночества. Медитация ведет в любовь: любовь ведет в медитацию. Они партнеры. Невозможно их разделить. Дело не в том, чтобы создать синтез, – их невозможно разделить. Дело в понимании, видении, что они неразделимы. Синтез уже есть, это уже так. Они одно целое!.. – две стороны одной монеты. Тебе не нужно их синтезировать, они никогда не существовали отдельно. И человек пытался, пытался изо всех сил, но всегда терпел поражение.

Религиозность еще не стала ноосферой земли; религиозность еще не стала самой живой силой, приливной волной в мире. А в чем причина? – в этом разделении. Ты должен быть либо мирским, либо не от мира, выбирай! И в то мгновение, как ты выбираешь, что-то теряется. Что бы ты ни выбрал, ты будешь проигравшим.

Я говорю, не выбирай. Я говорю, проживи то и другое во всей их целостности. Конечно, чтобы жить то и другое, требуется искусство. Просто выбрать одно и стать к нему привязанным... Это может любой идиот – фактически только идиоты это и делают. Некоторые идиоты выбрали быть

мирскими, а некоторые идиоты – быть не от мира. Человек разума хочет быть тем и другим. И именно в этом заключается все санныяса. Ты можешь и иметь пирожное, и съесть его – это разум.

Будьте бдительными, осознанными, разумными. Видьте ритм и двигайтесь с ритмом, без всякого выбора. Оставайтесь невыбирающе осознанными. Видьте обе полярности. На поверхности они кажутся противоположными, противоречивыми, но это не так. Глубоко внутри они дополняют друг друга. Один и тот же маятник движется влево и вправо. Не пытайтесь его закрепить слева или справа; если его закрепить, это разрушит все часы. И именно это люди делали до сих пор.

Принимайте жизнь во всех ее измерениях.

Я понимаю проблему; проблема проста, хорошо известна. Проблема состоит в том, что когда ты начинаешь общаться, ты не знаешь, как быть одному, – это просто показывает неразумность. Это не потому, что отношения плохи, это просто показывает, что ты все еще недостаточно разумен, и поэтому устаешь от отношений и не находишь никакого пространства, чтобы быть одному, и чувствуешь себя истощенным и изнуренным. Тогда однажды ты решаешь, что отношения плохи, бессмысленны: "Я хочу стать монахом. Я пойду в пещеру в Гималаях и буду жить там один". И ты будешь мечтать великие мечты о том, чтобы быть одному. Как это будет красиво – никто не вторгается в твою свободу, никто не пытается манипулировать тобой; тебе совершенно не приходится думать о другом.

Жан-Поль Сартр говорит: "Другой – это ад". Это просто показывает, что он не смог понять взаимодополняющей природы любви и медитации. "Другой – это ад" – да, другой становится адом, если ты не умеешь иногда быть один. Среди всех возможных отношений, другой становится адом. Это тяжело, утомительно, изнурительно, истощающе. Другой теряет всю красоту, потому что другой становится известным. Ты хорошо с ним знаком; теперь больше нет никакого удивления. Ты хорошо узнал территорию; ты путешествовал по этой территории так долго, что больше нет никаких неожиданностей. Тебе просто все это надоело.

Но ты стал привязанным, и другой стал привязанным к тебе. Другой тоже в страдании, потому что ты – его или ее ад, точно так же, как она или он – ад для тебя. Оба вы создаете ад друг для друга, и оба цепляетесь друг за друга, боитесь потерять, потому что... что-то лучше, чем ничего. По крайней мере есть за что держаться, и человек может надеяться, что завтра все станет лучше. Человек может все еще надеяться и продолжать надеяться. Человек живет в отчаянии и продолжает надеяться.

Рано или поздно человек начинает чувствовать, что лучше быть одному. Но если ты идешь в одиночество, на несколько дней это будет безмерно красиво, так же красиво, как и быть с другим, – на несколько дней. Точно как бывает медовый месяц в отношениях, есть медовый месяц и в медитации. На несколько дней ты почувствуешь себя свободным, предоставленным самому себе, свободным от чьих-либо требований, свободным от чьих-либо ожиданий. Если ты хочешь утром встать рано, то можешь встать рано; если ты не хочешь вставать рано, то можешь продолжать спать. Если ты что-то хочешь сделать, все в порядке; если ты не хочешь что-то делать, нет никого, чтобы тебя заставлять. На несколько дней ты почувствуешь себя безмерно счастливым – но лишь на несколько дней. Вскоре ты устанешь и от этого. Ты будешь переполняться, и никто не будет принимать твою любовь. Ты созреешь, и энергией нужно будет поделиться. Ты станешь тяжелым, обремененным собственной энергией. Тебе будет хотеться, чтобы кто-то приветствовал твою энергию, принял твою энергию. Тебе захочется освободиться от бремени. Теперь одиночество будет выглядеть не как одиночество, но как то, что тебе одиноко. Теперь все изменилось – медовый месяц кончился. Одиночество начинает превращаться в чувство, что тебе одиноко. У тебя появляется огромное желание найти другого. В твоих мечтах начинает появляться другой.

Пойди и спроси монахов, что им снится: им снятся только женщины; им не может сниться ничто другое. Им снится кто-то, кто может освободить их от

бремени. Спроси монахинь: им снятся только мужчины. И это может стать патологичным. Наверное, ты знаешь историю христианства. Монахини и монахи начинают видеть сны даже с открытыми глазами. Сон становится такой вещественной реальностью, что не нужно даже ждать наступления ночи. Даже днем монахиня сидит и видит, что к ней приходит Дьявол, и Дьявол пытается заниматься с ней любовью. Ты будешь удивлен: в средние века много раз монахинь сжигали, потому что они сознавались в том, что занимались любовью с Дьяволом. Они сами сознавались, и мало того, что они занимались любовью с Дьяволом, они даже беременели от Дьявола - ложная беременность, только горячий воздух в животе, но их животы начинали становиться больше и больше. И они описывали Дьявола в таких подробностях - этот Дьявол был их собственным созданием. И Дьявол следовал за ними днем и ночью... И то же самое было с монахами.

Выбор одиночества создал очень больное человечество. И люди, которые живут в мире, не счастливы, и монахи не счастливы - кажется, не счастлив никто. Весь мир живет в постоянном страдании, и ты можешь выбирать - можешь переходить из одного страдания в другое, можешь выбрать мирское страдание или страдание не от мира, но это все равно будет страданием. На несколько дней тебе станет легче.

Я несу вам новое послание. Это послание: не выбирать больше - оставайтесь невыбирающе бдительными в жизни, и станьте разумными, вместо того чтобы изменять обстоятельства. Измените свою психологию, станьте более разумными. Чтобы быть блаженным, нужно больше разума! И тогда можно сохранить и одиночество, и отношения.

Помоги своей женщине или своему мужчине тоже осознать этот ритм. Людей нужно учить, что никто не может любить двадцать четыре часа в сутки; нужны периоды отдыха. Любовь - это спонтанное явление: когда она происходит, она происходит, и когда она не происходит, она не происходит. С этим ничего сделать нельзя. Если ты что-то делаешь, то создашь ложное явление, актерскую игру.

Настоящие влюбленные, разумные влюбленные позволяют друг другу осознать это явление: "Когда я хочу быть один, это не значит, что я отвергаю тебя. Фактически именно благодаря твоей любви для меня стало возможным одиночество". И если твоя женщина хочет остаться одна на ночь, на несколько дней, ты не будешь чувствовать обиды. Ты не скажешь, что тебя отвергли, что твою любовь не приняли и не приветствовали. Ты будешь уважать ее решение несколько дней быть одной. Фактически ты будешь счастлив! Твоя любовь была так велика, что она чувствует себя пустой; теперь ей нужен отдых, чтобы снова стать полной. Это разум.

Обычно ты думаешь, что тебя отвергли. Ты идешь к своей женщине, и если она не хочет быть с тобой или не показывает к тебе большой любви, ты чувствуешь, что тебя отвергли. Это ранено. Это это не очень разумная вещь - все это идиотично. Разум не знает никакого этого; разум просто видит явление, пытается понять, почему эта женщина не хочет быть с тобой. Не потому, что она тебя отвергает, - ты знаешь, что она тебя так любила, она тебя так любит, но в это мгновение она хочет быть одна. И если ты ее любишь, то позволишь ей быть одной; ты не будешь ее мучить, ты не будешь ее принуждать заниматься с тобой любовью. И если мужчина хочет быть один, женщина не будет думать: "Я его больше не интересую, может быть, его интересует какая-то другая женщина". Разумная женщина оставляет мужчину одного, чтобы он мог снова собрать вместе свое существо, чтобы снова у него была энергия, чтобы поделиться. И этот ритм похож на день и ночь, лето и зиму; все постоянно меняется.

Если два человека действительно уважают друг друга - а любовь всегда уважительна, она почитает другого; это очень молитвенное состояние, состояние поклонения - тогда, мало-помалу, вы начнете понимать друг друга лучше и лучше и осознаете ритмы друг друга. И вскоре вы найдете, что из любви, из уважения ваши ритмы подходят ближе и ближе. Когда ты чувствуешь себя любящим, она тоже чувствует себя любящей; это устанавливается. Это устанавливается само собой, это синхронизация.

Ты никогда не замечал? Если ты сталкиваешься с двумя настоящими влюбленными, ты увидишь, что в них много сходного. Настоящие влюбленные становятся как братья или сестры. Ты удивишься – даже братья и сестры так не похожи. Их выражения, то, как они ходят, то, как они говорят, их жесты – двое влюбленных становятся такими похожими и все же остаются такими разными. Это начинает происходить естественно. Просто оставаясь вместе, мало-помалу они настраиваются друг на друга. Настоящим влюбленным не нужно ничего друг другу говорить – другой тут же понимает, интуитивно понимает.

Если женщине грустно, она может этого не говорить, но мужчина понимает и оставляет ее одну. Если мужчине грустно, женщина понимает и оставляет его одного – находит какой-то повод, чтобы оставить его одного. Глупые люди делают прямо противоположное. Они никогда не оставляют друг друга в покое – они постоянно друг с другом, утомляя и наскучивая друг другу, никогда не оставляя другому никакого пространства.

Любовь дает свободу, и любовь помогает другому быть самим или самой собой. Любовь – это очень парадоксальное явление. В одном смысле она делает вас одной душой в двух телах; в другом – она дает каждому из вас индивидуальность, уникальность. Она помогает вам отбросить ваши небольшие "я", но также помогает и достичь высшего "я". Тогда нет никакой проблемы: любовь и медитация – это два крыла, и они уравнивают друг друга. И между ними ты растешь, между ними ты становишься целым.

Об Авторе

Ошо – современный мистик, жизнь и учения которого повлияли на миллионы людей всех возрастов и всех областей жизни. "Сэндэй Тайме" в Лондоне описывает его как одного из "тысячи создателей двадцатого века", а "Сэндэй Мид-Дэй" в Индии – как одного из десяти человек – наряду с Махатмой Ганди, Неру и Буддой, – которые изменили судьбу Индии. О своей работе Ошо сказал, что помогает создать условия рождения нового вида человеческого существа. Он часто характеризовал это новое человеческое существо как "Зорбу-Будду" – способного наслаждаться и земными удовольствиями Грека Зорбы, и молчаливой безмятежностью Гаутамы Будды. Красной нитью через все аспекты работы Ошо проходит видение, объединяющее безвременную мудрость Востока и высочайший потенциал науки и технологии Запада.

Он также известен своим революционным вкладом в науку внутренней трансформации – подходом к медитации, который учитывает увеличивающуюся скорость современной жизни. Его уникальные "Активные Медитации" разработаны таким образом, чтобы сначала высвободить стрессы, накапливающиеся в теле и уме, чтобы легче было пережить не-мысль и состояние расслабления медитации.

Книги Ошо не написаны, но транскрибированы с аудио и видеозаписей импровизированных лекций, данных ученикам и друзьям за время его жизни.

Osho Commune International, медитационный кампус, созданный Ошо в Индии как оазис, где его учения могут быть воплощены на практике, продолжает привлекать более 15 000 гостей в год более чем из 100 разных стран всего мира.

Чтобы получить больше информации об Ошо и его работе, включая тур по медитационному кампусу в г. Пуна, Индия, посетите: www.osho.com
Медитационный Кампус

Медитационный кампус в Международной Коммуне Ошо находится в Индии, в ста милях к юго-востоку от Бомбея, в городе Пуна. Изначально построенная как летнее убежище Махараджей и богатых британских колонистов, сегодняшняя Пуна – это процветающий современный город, ставший домом нескольким университетам и высокотехнологичным индустриальным предприятиям. Кампус Коммуны Ошо простирается на 32 акра в трехлинейном пригороде, известном как Корегаон-Парк (Koregaon Park). Хотя сама Коммуна не обеспечивает жилищем своих гостей, вокруг нее расположено множество

гостиниц и частных домов внаем, которые размещают тысячи посетителей со всего мира в течение всего года.

Программы Коммуны основаны на видении Ошо качественно нового вида человеческого существа, которое способно как радостно участвовать в повседневной жизни, так и расслабиться в молчании и медитации.

Большинство программ происходят в современных, кондиционированных постройках и включают в себя разнообразные индивидуальные занятия, курсы и семинары, охватывающие все: от творческих искусств до холистического целительства, личного роста и терапии, эзотерических наук, "дзэнского" подхода к спорту и здоровью, динамике отношений и важных событий в жизни мужчин и женщин. И индивидуальные, и групповые занятия предлагаются круглый год, параллельно с ежедневной программой активных медитаций Ошо, аудио и видеозаписей его бесед, медитационных техник разнообразных духовных традиций.

Открытые кафе и рестораны внутри Коммуны предлагают и традиционную индийскую пищу, и разнообразные блюда международной кухни, приготовленные из овощей, выращенных на собственной ферме Коммуны. Кампус располагает собственным запасом очищенной, фильтрованной воды.

Osho International
304 Park Avenue South
Suite 608
New York, N. Y. 10010
tel. (212) 475-1822
fax. (212) 475-5833
(240) 248-1478